

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՍԵՐԻԱ՝

ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(34)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 1/2020

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

Главный редактор: *член-корреспондент НАН РА, д.экон. н., проф. Дарбинян А.Р.*

Заместитель главного редактора: *д. филос. н., проф. Аветисян П.С.*

Редакционная коллегия:

Аветисян С.С., д. юр. н., проф.; Авакян М.Э., к. фил. н., доц. (отв. секретарь); Акопян К.С., к. фил. н., доц.; Берберян А.С., д. псих. н., проф.; Восканян М.А., д. экон. н., доц.; Гамбарян А.С., д. юр. н., проф.; Егиазарян А.К., д. фил. н., проф.; Енгоян А.П., д. полит. н., проф.; Золян С.Т., д. фил. н., проф.; Маргарян Е.Г., д. ист. н., проф.; Мелконян А.А., д. ист. н., академик НАН РА; Меликсетян Л.С., к. фил. н., доц.; Мирумян К.А., д. филос. н., проф.; Ованесян С.Г., д. филос. н., проф.; Саркисян О.Л., к. филос. н., доц. (отв. секретарь); Сандоян Э.М., д. экон. н., проф.; Симонян А.А., д. фил. н., проф.; Суварян А.М., д. экон. н., проф.

(34)

Издательство РАУ

№ 1/2020

Редакционно-издательский совет

«Вестник» РАУ

Председатель РИС «Вестник» РАУ – ректор РАУ, член-корреспондент НАН РА, д. эк. н., проф. Дарбинян А.Р.

Заместитель председателя РИС «Вестник» РАУ – проректор по науке РАУ, д. филос.н., проф. Аветисян П.С.

Состав РИС «Вестник» РАУ:

Погосян Г.А., академик НАН РА; Аветисян П.С., член-корр. НАН РА; Григорян А.П., академик НАН РА; Казарян Э.М., академик НАН РА; Суварян Ю.М., академик НАН РА; Мирумян К.А., д. филос. н., проф.

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2020г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2020

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7

Поступила: 19.03.2020г.

Сдана на рецензию: 20.03.2020г.

Подписана к печати: 06.04.2020г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И РАЗВИТИЯ «МИРНОГО АТОМА»

В.С. Давтян¹, С.Р. Хачикян²

Российско-Армянский университет

vahe.davtian@gmail.com¹, khachikyans@gmail.com²

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена роль мирной и военной ядерной энергии в системе международной безопасности. Представлены основные компоненты режима нераспространения ядерного оружия, а также проанализирована деятельность международных организаций в области ядерной безопасности. Рассмотрены основные угрозы в сфере ядерного нераспространения и развития «мирного атома». Дана характеристика политики Армении в сфере ядерного нераспространения.

Ключевые слова: ядерная энергия, ядерное оружие, атомная энергетика, режим нераспространения, «мирный» и «военный атом», Республика Армения.

Введение

В системе режима нераспространения оружия массового поражения (ОМУ) важное место занимает режим нераспространения ядерного оружия (ЯО). Использование ядерной энергии в мирных целях, кроме военных, дает возможность для научных разработок в этой сфере и поиска путей наиболее эффективного использования атомной энергии. Но так как ядерное оружие и атомная энергетика основаны на одних и тех же процессах, протекающих в ядре веществ, нить между областями военного и мирного использования атомной энергии очень тонка. В современном мире перед режимом нераспространения ЯО стоит ряд угроз, формирующихся в связи новыми тенденциями в современной системе международных отношений.

Экс-руководитель МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи выделял три основных риска в области современной ядерной безопасности: появление обширного «черного рынка» ядерных материалов и оборудования; распространение ядерного оружия и чувствительных ядерных технологий; стагнацию в

процессе ядерного разоружения [1]. При этом угрозой для режима нераспространения является появление на мировой арене множество негосударственных акторов – террористических организаций, религиозных сект, радикальных движений и т.д., стремящихся приобрести ОМУ. По вышеперечисленным причинам, вопрос о соблюдении и укреплении режима нераспространения и экспортного контроля над ядерными материалами, оборудованием, технологиями, научными материалами становится наиболее острым.

Исторические предпосылки формирования «режима нераспространения»

Впервые идея о наличии и использовании энергии от деления атомных ядер появилась в начале XXв., когда были сделаны первые открытия в области ядерной физики. Известно, что в Нацистской Германии ядерная отрасль имела статус приоритетного направления военных исследований, т.к. создание ядерного оружия обеспечило бы несравненное превосходство Германии над ее противниками. Однако ядерная эра началась только под конец Второй мировой войны, когда США создали ядерное оружие в рамках Манхэттенского проекта и испытали его сначала у себя, а затем, в 1945г., в Японии с целью ее капитуляции. За США последовал СССР, испытав свое первое ядерное взрывное устройство в 1949г. [2]

В 1950–60 годы последовала реакция ряда государств, которые запустили собственные ядерные программы. Так, Великобритания осуществила первое ядерное испытание в 1952г., Франция – в 1960г., Китай – в 1964г. Разработки ЯО велись в таких государствах, как Австралия, Египет, Швейцария, Швеция, Бразилия, Аргентина, ЮАР и др.[3]. В таких условиях возрастал вопрос о недопущении распространения ЯО с целью поддержания глобальной безопасности. Во-первых, все государства понимали колоссальную разрушительную силу ядерного оружия, и, во-вторых, наличие ядерного оружия у ограниченного числа ведущих держав обеспечивало бы им широкие привилегии при решении важных международных вопросов.

Вместе с разработкой «военного атома», в середине XX века была открыта энергия «мирного атома». Атомная энергетика представлялась перспективной сферой для энергообеспечения индустриально развивающихся стран и альтернативой углеводородной энергетике с ее высокой финансово-экономической затратностью и значительной степенью загрязнения окружающей среды. Пуск первого атомного реактора был произведен 2 декабря 1942г. в США, а уже в 1946г. в СССР был выведен в эксплуатацию первый ядерный реактор. Первая в мире атомная электростанция (АЭС) также была запущена в СССР – в Обнинске в 1954г. [4]

Таким образом, совместное создание и развитие «мирного» и «военного атома» – с их положительными и отрицательными последствиями – привело ведущие ядерные и неядерные государства к разработке и установлению международного режима нераспространения ядерного оружия, который, одновременно, поощрял и давал широкие возможности для развития «мирного атома».

Однако, отмечая отрицательные последствия применения ядерного оружия и гонки вооружений, не следует отрицать положительную роль ядерного оружия в установлении международного баланса сил. Наличие ядерного арсенала у СССР и США в условиях «Холодной войны» предотвратило возможность военного столкновения двух ведущих держав послевоенного периода, т.к. это могло привести к ядерной войне и взаимному уничтожению. Именно поэтому в ходе «Холодной войны» стороны стремились обеспечить «ядерный паритет» с целью обеспечить устойчивый баланс сил. Более того, одной из особенностей «Холодной войны» была синхронизированная политика Москвы и Вашингтона в сфере нераспространения ядерного оружия, целью которой являлось сохранение за СССР, США, Великобританией, Францией и Китаем статуса единственных легитимных членов «ядерного клуба».

Режим нераспространения ЯО направлен против увеличения числа ядерных государств и на сохранение существующего баланса сил. Он представляет собой совокупность международных организаций, двух- или многосторонних соглашений, юридически неформальных договоренностей, а также внутренних законодательств этих государств. Режим ядерного нераспространения касается не только ядерного оружия и экспортного контроля, но и ядерной энергетики, а также использования ядерной энергии в мирных целях (сельское хозяйство, медицина, опреснение и очистка воды и пр.). С ядерным нераспространением тесно связаны также вопросы запрещения и ликвидации других видов ОМУ.

Консенсус по вопросам ядерного нераспространения и развития атомной энергетики был достигнут не сразу. Одной из первых попыток прихода к консенсусу стал «план Баруха», разработанный в США и представленный комиссии ООН по атомной энергетике в 1946 году. План предполагал создание международного Агентства по атомным разработкам, который осуществлял бы контроль над атомными производствами и обмен исследований в сфере атомной энергетики. Контроль должен был осуществляться посредством инспекций по местам, что, безусловно, не устраивало СССР, который, в конце концов, установил вето на «план Баруха» [5].

Следующим проектом для создания режима нераспространения стал план президента США Д. Эйзенхауэра «Атом для мира», озвученный на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953г. Эйзенхауэр выразил обеспокоенность разрушительной силы ядерного оружия и, одновременно, подчеркнул выгоды гражданского применения ядерной энергии в сельском хозяйстве, медицине и энергетике. Он предложил создать «Международное агентство по атомной энергии», которое будет содействовать мирному использованию ядерной энергии «на благо всего человечества» и «для целей мирного строительства» [6].

В октябре 1957 года, после четырехлетних переговоров, по инициативе СССР, США и ряда других стран, было создано «Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ)», призванное контролировать атомную энергию и содействовать ее использованию. Агентство и сегодня способствует и содействует научно-исследовательской работе в области атомной энергии и практическому ее применению в мирных целях, обеспечивает услуги, материалы, оборудование и технические средства, устанавливает контроль над использованием поступающих в Агентство специальных расщепляющихся материалов с тем, чтобы обеспечить использование этих материалов исключительно в мирных целях и выполняет другие полномочия, содействующие развитию «мирного атома» и недопущения распространения ЯО. Согласно 2-ой статье Устава МАГАТЭ, «по мере возможности Агентство обеспечивает, чтобы помощь, предоставляемая им или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не была использована таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели» [7].

«Режим нераспространения» в фокусе международного права

В 1968г. был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), заложивший правовой фундамент режима нераспространения. Согласно данному договору, ядерными признаются только те государства, которые произвели и испытали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967г., тем самым предотвращая приобретение ядерного арсенала другими государствами, передачу ядерных взрывных устройств (ЯВУ), материалов, оборудования и технологий, предназначенных для их создания и производства. Согласно Статье III.3 ДНЯО, гарантии осуществляются таким образом, чтобы избежать создания препятствий для экономического или технологического развития участникам Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования или производства

ядерного материала в мирных целях [8]. Однако после создания таких механизмов режима нераспространения не удалось предотвратить создание ядерного оружия в Индии, Пакистане, Израиле, КНДР и ЮАР (ЮАР добровольно отказалась от ядерного оружия в 1990-ые годы).

Наряду с ДНЯО, был предпринят ряд многосторонних соглашений касательно режима нераспространения – таких, как Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963г.), Договор о неразмещении оружия в Антарктике, на Луне и других небесных телах, на дне морей и океанов (1979г.), Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996г.). В области физической защиты ядерных установок и материалов основными документами являются «Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (1979г.)» и «Рекомендации МАГАТЭ по физической защите ядерных материалов и ядерных установок», цель которых заключается в поддержании в мире высокого уровня физической защиты ядерного материала и ядерных установок, используемых в мирных целях. В 2005г. на заседании ООН была принята «Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма», согласно которой государства-участники должны приложить все усилия к принятию соответствующих мер по обеспечению защиты радиоактивного материала – с учетом соответствующих рекомендаций и функций МАГАТЭ [9].

Частью режима нераспространения являются договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), с целью консолидации международных усилий для обеспечения мира и безопасности. Право государств на образование региональных ЗСЯО было установлено в статье VII ДНЯО. Существует ряд договоров о создании региональных ЗСЯО: Договор об Антарктике, Договор Глателолько о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, Договор Раротонга о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, Бангкокский договор о безъядерной зоне в Юго-восточной Азии, Договор Пелиндаба о создании свободной зоны от ядерного оружия в Африке, Семипалатинский договор о безъядерной зоне в Центральной Азии.

Большую роль в сокращении ядерных арсеналов имели ряд советско- (российско-) американских двусторонних соглашений, направленных на остановку гонки вооружений и укрепления международной безопасности: ОСВ-I, ОСВ-II, ПРО, СНВ-I, СНВ-II, ДРСМД, СНП. Великобритания и Франция также произвели двусторонние сокращения своих ядерных арсеналов. Особенно примечательно обстоят дела с СНВ-III – двустороннем договоре между Россией и США (2010г.) о дальнейшем взаимном сокращении арсеналов развернутых стратегических ядерных вооружений. По оценке рос-

сией стороны, в настоящее время продлению Договора, срок действия которого истекает в феврале 2021г., препятствуют США, выдвигая новые требования с целью сформировать для себя наиболее удобные условия. Очевидно, что отсутствие соглашения чревато возобновлением гонки вооружений, чему в значительной мере будет способствовать также выход США из «Российско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности» (2019г.).

Важными и эффективными компонентами режима нераспространения являются международные механизмы экспортного контроля – ГЯП (Группа ядерных поставщиков) и Комитет ядерных экспортеров (Комитет Цангера), которые формально не входят в «режим». Созданный в 1971 году, Комитет Цангера является неформальной организацией участников ДНЯО, в задачу которого входит определение списка предметов, экспорт которых должен включать применение гарантий к ядерному материалу, а также условий и процедур, регулирующих его поставку. После 3-летней работы Комитета Цангера в 1974г. был согласован Исходный список (Trigger List) ядерных материалов и оборудования, которые подлежат экспортному контролю. В комитет Цангера входят 39 государств, включая ядерные державы [10].

ГЯП была создана в 1974г. после ядерных испытаний в Индии, когда стало ясно, что ядерные технологии могут использоваться в военных целях. По состоянию на 2019г. в ГЯП входят 48 государства, осуществляющие ядерный экспорт или потенциально способные его осуществлять. ГЯП согласует условия и нормы экспортного контроля ядерных материалов, оборудования и технологий [11].

На уровне регионального сотрудничества компетентными организациями в области ядерной энергии являются «Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (АБАКК)», «Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)» и «Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ)».

Дополнительным механизмом режима ядерного нераспространения стала американская «стратегия контрраспространения», разработанная в 1990-ые гг., которая допускает применение силы против неядерных государств, разрабатывающих ядерную программу и разрабатывающих ОМУ. Стратегия контрраспространения была концептуально оформлена в 1993г. в президентской директиве, в соответствии с которым разрешалось применять военную силу против любого «проблемного» государства, развивающего национальную (ядерную и/или ракетную) программу [12]. Соответственно, в 1994г. был принят Закон о противодействии ядерному распространению, который предусмат-

ривал расширенное применение санкций в отношении стран, осуществляющих или поощряющих деятельность, противоречащую ДНЯО. Так, в 1998г. была осуществлена американско-британская операция по ликвидации ядерных объектов в Ираке, а против Ирана были наложены экономические санкции в связи с его ядерной программой.

Соблюдению режима нераспространения способствуют национальные органы по контролю и мониторингу перемещения ядерных и др. радиоактивных материалов, оборудования и технологий, а также национальные законодательства в области ядерной энергии. Важной составляющей национальных режимов являются национальные системы физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУК ЯМ), цель которых заключается в предотвращении диверсий и хищений ЯМ или изделий, их содержащих, установок и пунктов хранения ЯМ.

По рекомендации МАГАТЭ при создании ядерного права должна учитываться концепция «три S». Это означает, что ядерное право должно отражать «три технические области, которые должны быть охвачены при создании приемлемой законодательной и регулирующей основы для обеспечения мирного использования ядерной энергии и ионизирующих излучений и предотвращения их немирного использования; а именно: безопасность, физическую безопасность и гарантии (по первым буквам их английских названий – safety, security, safeguards)»[13].

Политика «мирного атома» в Армении

Армения является страной с протекционистской ядерной политикой в сфере «мирного атома», развивающей атомную энергетику как один из основных источников национального энергоснабжения (более 36% от общей выработки электроэнергии в 2018г.). Сферу ядерной энергетики в Армении регулирует закон «О безопасном использовании атомной энергии в мирных целях», принятый 1 февраля 1999г., который устанавливает правовые основы использования атомной энергии, направленные на защиту жизни, здоровья и собственности людей, охрану окружающей среды и укрепление международного режима безопасного использования атомной энергии. Согласно 2-ой статье закона, «отношения, возникающие в РА в области использования атомной энергии, регулируются Конституцией Республики Армения, международными договорами Республики Армения, настоящим Законом и иными правовыми актами». При этом, «если в международных договорах Республики Армения установлены иные нормы, нежели предусмотренные настоящим Законом, то применяются нормы договора» [14]. Таким образом, на законодательном уровне придается

важное значение международным договорам в области использования атомной энергии как сферы стратегически важной в процессе обеспечения международной безопасности.

Армения присоединилась к ДНЯО в 1991г., а в 2006г. ратифицировала ДВЗЯО. С 1993г. Армения является членом МАГАТЭ и активно сотрудничает с Агентством как страна использующую ядерную энергию в мирных целях. Также Армения присоединилась к «Конвенции о физической защите ядерных материалов», «Конвенции о ядерной безопасности» и «Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма». Так как Армения не является производителем ядерных материалов, оборудования и технологий, она не участвует в организациях, осуществляющих экспортный контроль – в ГЯП и Комитете Цангера.

В целом, Армения придает большое значение универсальному и эффективному выполнению всех режимов и договоров о нераспространении оружия массового уничтожения (ОМУ) как действующего инструмента для предотвращения его распространения.

С 1993г. Армения является членом МАГАТЭ. Будучи страной, использующей ядерную энергию в мирных целях, Армения признает, что Агентство должно играть центральную роль в вопросах нераспространения [15].

23 сентября 1993г. между Республикой Армения и МАГАТЭ было подписано «Соглашение о Гарантиях в связи с ДНЯО», и Армения ратифицировала его 5 мая 1994г. «Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях» был подписан 29 сентября 1997г. и вступил в силу 28 июня 2004г. МАГАТЭ осуществляет контроль над единственным действующим в Республике ядерным объектом. «Конвенция о физической защите ядерных материалов» вступила в силу для Армении 23 сентября 1993г. Армения присоединилась также к «Дополнению данной конвенции 2005г.», а 20 декабря 1998г. для Армении вступила в силу «Конвенция о ядерной безопасности» [15].

О приверженности Армении политике «мирного атома» свидетельствует также взаимодействие с Организацией «Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний». Так, в рамках рабочего визита в Австрию министр иностранных дел Армении Зограб Мнацаканян 10 февраля 2020г. в Вене встретился с исполнительным секретарем Организации Лассина Зербо. Стороны коснулись вопросов деятельности Организации, стоящих перед ней задач и шагов, предпринимаемых международным сообществом для их решения. В этом контексте была подчеркнута важность шагов, предпринятых в направлении использования потенциала науки, в частности, инноваций и информационных технологий путем более широкого привлечения экспертного сообщества. Мнацаканян подтвердил приверженность Армении целям разоружения и нераспро-

странения ядерного оружия, отметив, что Армения, ратифицировав в 2006г. «Договор о нераспространении ядерного оружия», всегда выступала за его ратификацию всеми государствами. Стороны отметили также важность укрепления физической ядерной безопасности на национальном и международном уровнях путем ратификации и реализации международно-правовых документов, а также принятия национального законодательства [16].

Сегодня Ереваном проводится политика «мирного атома» также в формате двусторонних межгосударственных отношений. В связи с ключевой ролью, которую играет российская госкорпорация «Росатом» в модернизации и эксплуатации Армянской АЭС, особую значимость приобретает сотрудничество между Арменией и Россией в сфере ядерной безопасности. В соответствии с вступившем в ноябре 2015г. в силу Соглашением между правительствами РА и РФ о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности, стороны признают важность дальнейшего повышения эффективности сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, а также выражают уверенность в необходимости совершенствования международного режима, обеспечивающего безопасное использование атомной энергии на основе взаимодействия всех государств, МАГАТЭ и других международных организаций. Соглашение конституирует ядерную безопасность в качестве одного из основных приоритетов энергетической политики как Армении, так и России, определяет необходимость наличия в странах, использующих атомную энергию, эффективных систем регулирования ядерной и радиационной безопасности, исходя из важности поддержания культуры ядерной безопасности на высоком уровне. При этом, признавая центральную роль МАГАТЭ в разработке международных норм по ядерной безопасности и оказании государствам поддержки в их применении, стороны подтверждают свое намерение содействовать поддержанию высокого уровня ядерной безопасности во всем мире [17].

Российско-армянское сотрудничество в сфере ядерной безопасности можно считать одним из наиболее удавшихся и эффективных направлений двусторонних отношений. Взаимодействие в этой сфере выделяется долгосрочным стратегическим характером, применением наукоемких и инновационных подходов, а также пониманием геостратегической значимости ядерной энергетики для обеих сторон.

Заключение

1. Военная атомная энергия изменила систему международных отношений и геополитический расклад сил, а мирная атомная энергия стала стратегическим направлением для обеспечения энергетического суверенитета

государств условиях стремительно растущего энергопотребления в мире. Режим нераспространения ядерного оружия, как сложная совокупность взаимодействующих механизмов, призван обеспечить безопасность мира от ядерных угроз, а также гарантировать беспрепятственное развитие «мирного атома» как стратегически важного компонента энергетики.

2. В контексте вызовов международной безопасности режим нераспространения ЯО является частью международной политической повестки, требующий консенсуса и активного сотрудничества государств, региональных и международных организаций с целью обеспечения ядерной безопасности и принципа нераспространения. Однако, несмотря на сложность и многосоставность режима нераспространения, помимо официальных ядерных держав, появились новые ядерные государства, что свидетельствует о неполноценности механизмов контроля режима нераспространения, о нужде их усовершенствования и укрепления механизмов физической защиты и экспортного контроля ядерных материалов, оборудования и технологий.

3. Армения придает большое значение универсальному и эффективному выполнению всех режимов и договоров о нераспространении оружия массового уничтожения, как действующего инструмента для предотвращения его распространения. Властями Армении проводится политика «мирного атома» также в формате двусторонних межгосударственных отношений. В связи с ключевой ролью, которую играет российская госкорпорация «Росатом» в модернизации и эксплуатации Армянской АЭС, особую значимость приобретает сотрудничество между Арменией и Россией в сфере ядерной безопасности, которое можно считать одним из наиболее удавшихся и эффективных направлений двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *ElBaradei M.* Nobel Lecture. NobelPrize.org. Nobel Media AB 2019. Sun. 3 Nov 2019. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2005/elbaradei/26138-mohamed-elbaradei-nobel-lecture-2005-2/>
2. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. URL: http://www.pircenter.org/sections/view/section_id/238
3. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Т. I / И.А. Ахтамыян и др. Под. общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., переработанное и расширенное. М.: ПИР-Центр, 2002. СС. 87–89.
4. *Жарких М.В.* Мирный атом – из XX в XXI в. От оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса. Вестник МГИМО университета, 5 (26), 2012. СС. 132–142.
5. The Baruch Plan, 1946. The American Atom: A Documentary History of Nuclear Policies from the Discovery of Fission to the Present / Williams Robert C., Cantelon Philip L. (eds.). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984. PP. 91–96.

6. Выступление Эйзенхауэра «Атом для мира» // выступление, которое способствовало созданию МАГАТЭ, Бюллетень МАГАТЭ 4 декабря 2013г., URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/54401210304_ru.pdf
7. Устав МАГАТЭ по состоянию на 28 декабря 1989г. URL: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/iaea_statute.pdf
8. Договор о нераспространении ядерного оружия, одобренный резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml
9. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml
10. ZangerCommittee website. URL:<http://www.zangercommittee.org/>
11. Nuclear Suppliers Group Official Website. URL:<https://www.nuclearsuppliersgroup.org/en/>
12. Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive. PDD-18. Washington D.C.:The White House, December 1993.
13. *Стойбер К., Шерф А., Тонхаузер В., Лурдес Вес Кармона де М.*, Справочник по ядерному праву имплементирующее законодательство. МАГАТЭ. Вена. 2010 .С. 4.
14. Закон РА «О безопасном использовании атомной энергии в мирных целях» принятый Национальным Собранием 1 февраля 1999г.
15. Нераспространение, стратегический экспортный контроль и ядерная безопасность // Официальный сайт МИД РА, URL: <https://www.mfa.am/ru/non-proliferation-strategic-export-control-and-nuclear-security/>
16. Глава МИД Армении провел встречу с исполнительным секретарем Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // ИА АрмИнфо, URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=49213
17. Соглашение между Правительством Республики Армения и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности (вступило в силу 26.11.2015г.), URL:<http://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=150416>

THE LEGAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE INTERNATIONAL REGIME OF NON-PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS AND THE DEVELOPMENT OF “PEACEFUL ATOM”

V. Davtyan, S. Khachikyan

ABSTRACT

The article considers the role of peaceful and military nuclear energy in the international security system. The main components of the nuclear non-proliferation regime are presented, and the activities of international organizations in the scope of nuclear safety are analyzed. The main threats in the field of nuclear non-proliferation and development of “peaceful atom” are considered. The characteristic of the RA policy in the field of nuclear non-proliferation is given.

Keywords: nuclear energy, nuclear weapon, atomic energetics, regime of non-proliferation, “peaceful” and “military atom”, Republic Armenia.

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В АРМЕНИИ (1988–2018гг.)

Н.А. Дунамалян¹, Д.О. Саргсян²

Российско-Армянский университет

norayr.dunamalyan@rau.am¹, dsvs9995@gmail.com²

АННОТАЦИЯ

В данной статье постулируется, что для понимания трансформации гражданского общества в Армении за годы независимости важное значение имеет исследование протестных движений на различных этапах их развертывания. Движение за независимость протекало на фоне пробуждения национального самосознания и стремлением к демократизации общественной жизни. Затем, в условиях формирования авторитарных форм властвования, развернулись протестные движения, возглавляемыми политическими партиями. Наконец, в контексте падения доверия к политическим институтам в массовом сознании, и при наличии отчуждения общества от публичной политики, развернулись акции гражданского протеста – как проявления формирующегося гражданского общества, завершившиеся «Бархатной революцией».

Ключевые слова: протестные движения, политический протест, гражданский протест, гражданская идентичность, социально-психологический контекст протестных движений, гражданское общество.

Очевидно, что в современном мире происходит актуализация протестных движений – массовые протесты детерминируются как серьезными общественно-политическими, так и проблемами быденного характера (например, повышением цен на транспорт или на коммунальные услуги), и развертываются как в отсталых, так и наиболее развитых странах. Есть точка зрения, что рост протестных настроений связан с атомизацией общества и распространением ценностей эпохи постмодерна. Но необходимо признать, что протест, особенно в условиях демократии, является естественным явлением, а право на протест – естественным правом. Хотя государство, как институт публичной политики, и декларирует, что защищает интересы всего общества, но всегда есть группы, которые считают, что их интересы ущемлены. В этом контексте, с одной стороны, актуален вопрос о правовых осно-

ваниях протестных движений, а с другой – допустимых пределов протестов, грозящих трансформировать общественный порядок в хаос.

Необходимо отметить, что хотя нет отдельного целостного исследования протестных движений в Армении, но их некоторые аспекты становились предметом изучения [1, 2]. Есть также исследования, посвященные конкретным акциям протеста, например, движению в поддержку группы «Саснац-пер» [3]. Большой резонанс в научном сообществе вызвала «Бархатная революция» [4, 5]. Необходимо признать, что многие оценки были достаточно категоричны и эмоционально окрашены. Часто исследователи либо искусственно подводили движения под определенные теоретические схемы, либо ограничивались их описанием без выявления их глубинной детерминации.

Очевидно, что протестные движения в Армении нуждаются в дальнейшем научном исследовании. Более того, необходимо осветить разные аспекты их детерминации, чтобы восстановить все многообразие того контекста, в котором протекали эти процессы. С методологической точки зрения, интересно рассмотрение протестных движений сквозь призму трансформации политической и гражданской идентичностей.

Модель армянской идентичности, сформировавшаяся еще в V–VI вв., иногда называют моделью «культурной нации», которая предполагала развитие армянской нации и в условиях отсутствия собственной государственности [6]. Отсутствие на протяжении долгих веков армянской государственности, что означало включение армянства как на исторической родине, так и в различных общинах диаспоры, в разные государственные образования, препятствовали формированию модели «гражданской нации». Армянская государственность была восстановлена только в 1918 г. Но Первая армянская республика просуществовала только два с половиной года. Затем Армения была включена в состав СССР, получив в дальнейшем статус «союзной республики».

Считаем, что аспект трансформации идентичности армянства (хотя бы той ее части, которая проживала в Армянской ССР) в советский период мало исследован. На наш взгляд, в рамках советского проекта шел интересный процесс совмещения наднационального и этнонационального: с одной стороны, декларировался процесс формирования единого советского народа, с другой, в республиках интенсивно шел процесс этнического нациестроительства. В любом случае, наличие некоторых элементов государственности в рамках СССР в определенной степени повлияло на процесс формирования гражданской культуры армянства.

В данной статье мы основываемся на том постулате, что на процесс общественных трансформаций первоочередное влияние оказали различные

протестные движения, развертывавшиеся в Армении с 1988 по 2018 гг. Нашей же исследовательской задачей является выявление некоторых аспектов социально-психологического контекста трансформации гражданской идентичности на разных этапах развертывания протестных движений.

Первый этап: от Карабахского движения и требований демократизации к движению за независимость (1988–1991 гг.).

При исследовании процессов в независимой Армении за исходную точку необходимо принять 1988 г. В феврале этого года началось Карабахское движение. Развернулось невиданное в СССР по своему размаху массовое движение. Первоначально это был даже не протест, а движение в поддержку воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией. Данное движение иногда характеризуют как пробуждение национального самосознания. Но интересно то, что происходило также пробуждение гражданского самосознания. Неслучайно, что выдвигались также требования демократизации общественной жизни. Это были годы перестройки, были провозглашены лозунги демократизации и гласности. Общество поверило в них. Социально-психологический контекст данного процесса можно назвать «воодушевленным доверием» на фоне пробуждения гражданского и этно-национального самосознания. Ярким проявлением этого является то, что люди приходили на многотысячные митинги как с национальными символами, так и символами советского государства, как с портретами национальных деятелей, так и руководства СССР. Примечательно также то, что лидеры и участники движения в своих действиях оставались строго в рамках советских законов. Но погромы в Сумгаите, а в дальнейшем – и в других районах Азербайджана, и неадекватная реакция советского руководства на них, постепенно стали трансформировать движение в протест. Неслучайно, что вскоре движение декларирует своей главной целью достижение независимости.

В итоге, в структуре общественного сознания, на наш взгляд, произошел частичный крен от гражданских ценностей в сторону национализма, что в дальнейшем, в целом, скажется на развитии армянского общества и армянской государственности. Начало военных действий в Карабахе, а также на границе с Азербайджаном между армянскими и азербайджанскими силами, только способствовало этому процессу.

Второй этап: война и социально-экономический коллапс (1991–1995 гг.).

21 сентября 1991 г. в результате общенародного референдума, Армения была провозглашена независимой республикой. Казалось, что после форми-

рования независимой Республики Армения процесс развития и трансформации гражданского сознания станет более интенсивным. Но этот процесс в дальнейшем был, по существу, свернут, что имело свои причины. Во-первых, состояние войны с Азербайджаном и блокада со стороны Турции и Азербайджана требовали концентрации власти в одном месте, создавая почву для формирования авторитарных форм властвования. В подобных условиях необходимость «гражданской социализации» ушла на второй план. Во-вторых, распад СССР, как мы уже отмечали, способствовал расцвету этнонационализма, который, в отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже «мягкого» армянского национализма развитие гражданского сознания было не перспективным. В-третьих, армянство, по существу, продолжало рассматриваться скорее как культурно-конфессиональное образование, что выражалось, на наш взгляд, скрытым конфликтом между традиционными культурно-цивилизационными и гражданскими ценностями.

Государство постепенно отчуждалось от общества, формировались новые элиты со своими правилами игры. Социально-психологический же фон определялся, с одной стороны, Карабахской войной, которая рассматривалась как битва за существование, а с другой, тяжелейшей социально-экономической ситуацией в стране (полный крах экономики, отсутствие газа, электричества и т.д.). Все это оставило свой неизгладимый след на массовой психологии армянского общества, которое эти тяжелые годы до сих пор с содроганием называет «темными и холодными».

Третий этап: процесс отчуждения от государства и публичной политики (1996–2008).

В годы Карабахской войны протестная активность общества убавилась, ибо общество мобилизовало свои силы для решения внешней экзистенциальной угрозы, но сразу же после победы в этой войне она стала развертываться с новой силой. Протесты, направленные против формирующейся авторитарной власти, развернувшиеся в Армении с середины 90-х гг. XX века, концентрировались вокруг оппозиционных партий. Хотя необходимо признать, что поддержка со стороны масс этих партий и их лидеров была обусловлена не столько их конструктивными программами, сколько массовым неприятием наличной власти. Сами же партии воспринимались персонафицированно – не столько их политическая программа, тем более идеологические ценности, определяли массовую поддержку их деятельности, сколько позитивное восприятие персоны лидера партии, в которого верили и

с кем связывали надежды. Накопившаяся негативная энергия иногда приводила к столкновениям с силами правопорядка, которые применяли насилие и разгоняли акции протеста (например, после президентских выборов 1996г.). Оппозиционные же партии (а скорее, их лидеры), как правило, шли на компромисс с властью. Массовое разочарование их деятельностью постепенно привело к резкому снижению в общественном сознании доверия к политическим партиям и публичным политическим деятелям [7].

Чрезмерно негативное воздействие на общественное сознание оказал теракт в Национальном собрании Армении 27 октября 1999г., в результате которого погибли премьер-министр, председатель парламента и другие. Можно сказать, что общество оказалось в состоянии глубокой массовой депрессии, потеряв последнюю надежду на достойное развитие.

Последним актом консолидации оппозиционных политических сил и протестующих масс стали акции протеста после президентских выборов 2008г. Но разгон данных акций с применением насилия, в результате чего погибли 10 человек, стал последней каплей в процессе отчуждения масс уже не только от политических партий, но и от официальных общественно-политических институтов в целом. Уровень доверия к ним также резко упал [8]. Из всей совокупности институтов в общественном сознании достаточный уровень доверия имели в тот момент армия и церковь. Армия в современном армянском общественном дискурсе занимала (и занимает) особое место, ибо в наличных геополитических условиях и угрозах безопасности воспринималась как гарант существования армянской государственности. Авторитет же Армянской церкви, хотя продолжал оставаться достаточно высоким, но все же намечалась тенденция падения доверия и к ней, что, с одной стороны, можно считать еще одним следствием кризиса модели «культурно-конфессиональной нации», а, с другой, следствием позиции церковных элит, которые своим авторитетом, по существу, пытались легитимизировать нелегитимную с точки зрения граждан государственную власть.

Таким образом, социально-психологический фон данного этапа определялся в основном своеобразным сдвигом в общественном сознании общества, состоявшем в постепенном отчуждении от публичной политики и ее институтов: сначала – от государства, а затем – и от политических партий.

Четвертый этап: период акций спонтанного гражданского протеста (2012–2018гг.).

Протестные движения, возглавляемые политическими партиями, сменились акциями спонтанного гражданского протеста. Начиная с 2012г. в

Республике Армения разворачиваются протестные движения, которые воспринимаются как признак формирования гражданского общества. Сначала было движение против вырубки деревьев в «студенческом парке» и «парке Маштоца», затем – акции против повышения цен на транспорт и новой системы отчислений в пенсионные фонды и др. Наиболее мощный резонанс имело движение противповышения тарифов на электроэнергию («Электрик-Ереван»). Данные движения характеризовались спонтанной самоорганизацией, и даже осознанным дистанцированием от политических партий. Лидерами же движений становились не профессионалы-политики, а малоизвестные гражданские активисты. Следует добавить также, что данные движения выделялись исключительно мирными, ненасильственными формами борьбы и акциями гражданского неповиновения.

На развитие процессов в Армении оказала влияние Четырехдневная апрельская война 2016г. Она обнажила различные наличные проблемы, в том числе в сфере внешней безопасности, потребность обеспечения которой легитимизировалось большинством упущений и недостатков внутренней политики. Недовольство общества и протестный потенциал достигли критического уровня. Неслучайно, что следующая протестная акция, в принципе, вышла за рамки рациональной детерминации. Бесвыходность положения заставила общество делать иррациональные в целом и не присущие армянскому менталитету действия. Общество организовало массовые акции в поддержку группы «Сасна црер», которая захватила здание полицейского участка в Ереване. Полицейские оказались в заложниках, несколько человек погибло. Поддержка обществом этой акции свидетельствует о том, что отчуждение между государством и обществом достигло предела.

Пятый этап: «Бархатная революция» (март–май 2018г.).

Весной 2018 года началась новая акция протеста, возглавляемая лидером оппозиционной парламентской фракции «Елк» Николом Пашиняном, которая была поддержана широкими народными массами. Следует отметить, что методы борьбы были опять же ненасильственными, нашедшие свое выражение в различных формах гражданского неповиновения. Необходимо отметить, что массовые протесты весны 2018г. выделялись высочайшим уровнем национального единства: в них принимали участие представители всех социальных слоев и всех возрастных групп. В результате произошла смена власти. Сам же процесс назвали «Бархатной революцией».

Анализ «Бархатной революции» интересен с точки зрения выявления некоторых социально-психологических аспектов и механизмов воздействия

на массовое сознание. Как известно, «при определенных обстоятельствах сам образ лидера становится важным элементом формирования и воспроизводства групповой идентичности, центром организующим общность, и приобретает сакральные функции» [9], при этом «внушение в процессе массовой политической коммуникации может осуществляться с опорой на личности, символы» [10]. Лидер «Бархатной революции» Н. Пашинян в своем арсенале использовал символические образы как национальных деятелей (например, Монте Мелконяна), так и других (М. Ганди, Н. Мандела). Армянский политолог А. Искандарян считает, что «персонификация была стратегией протестов весны 2018 года», объясняя это особенностью армянского менталитета персонифицированно воспринимать политику. По его мнению, персонифицировалось также то, против чего выступил Пашинян: символом всех проблем и неудач, «олицетворением зла» стал представляться Серж Саркисян [11]. В данном случае сработал также тезис, что «для идентификации с общностью, воспринимаемой как “мы”, существенное значение имеют “они” – враги и недоброжелатели...», в результате чего враг также «индивидуализируется и приобретает символический смысл...» [12].

В целом, негативные лозунги действительно были залогом успеха кампании. Как пишет А. Искандарян: «Любая позитивная программа может работать против протестующих, будь то левых или правых, пророссийских или прозападных, у всех позитивных лозунгов есть свои сторонники и противники. Однако никто не поддерживает коррупцию и никто не против честных выборов; чем проще дихотомия, тем шире поддержка» [13].

Армянский опыт протестных движений должен быть поучителен для всех правящих элит, которые не осмысливают того, что «...сегодня даже краткосрочное планирование в политике невозможно без учета существующих и прогнозируемых массовых настроений» [14]. Факт отрыва от массовой психологии, неуделение должного внимания исследованию реальных массовых настроений может иметь катастрофические последствия для правящих элит. И наоборот, осмысление реального уровня развития гражданского и политического сознания общества и построение действий в соответствии с этим становится залогом успеха оппозиционных сил.

Постпротестный период: конструктивный гражданский консенсус или угроза перманентного протеста?

Хотя протесты 2018г. завершились сменой власти, но после этого армянское общество не стало «безпротестным». Более того, в массовом сознании укоренилось, что наличные проблемы (даже обыденно-житейские) мож-

но решить методами гражданского протеста, что порождает угрозу перманентного протеста, в условиях которого трудно развернуть долгосрочные конструктивные программы. Н. Пашинян и его команда пришли к власти с громадным заделом легитимности. Казалось, что, наконец, состоялся консенсус как внутри самого общества, так и между гражданским обществом и государством. Но насколько данный консенсус основывается на рациональных основаниях, например, на идеологических постулатах и ценностях, и насколько – на вере в лидера революции? В условиях достаточно низкого уровня развития гражданской культуры могут сформироваться основы для нового авторитаризма. Произойдет ли это, зависит, в первую очередь, от того, как новая властная элита, большая часть представителей которой еще недавно были гражданскими активистами, построит свое отношение к обществу – сугубо как к объекту властвования, или как к равноправному партнеру.

Таким образом, анализ развития армянской государственности и армянского общества за последние 30 лет, позволяет утверждать, что важным фактором, воздействующим на это развитие, были разнообразные протестные движения, которые мы рассматриваем как проявление спонтанной трансформации гражданской идентичности общества. Каждый этап протестных движений и трансформации гражданской идентичности развертывался в определенном социально-психологическом контексте. Если Карабахское движение развернулось в контексте пробуждения национального сознания, то борьба за демократизацию и независимость протекали на фоне зарождения элементов гражданского сознания. Но уже в первые годы независимости проявилась тенденция постепенного отчуждения друг от друга государства и гражданского общества. В общественном сознании постепенно росло недоверие не только к государству, но и к институтам публичной политики в целом, а результатом психологического отчуждения от них стали перманентные акции спонтанного гражданского протеста, в итоге завершившиеся «Бархатной революцией» 2018 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саркисян О.Л. Протестные движения в Армении: лидеры и технологии // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»: материалы Всероссийской конференции с международным участием. М. Изд-во «Перо», 2019. СС. 24–29.
2. Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. СС. 53–72.

3. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о «Сасна Црер» // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. СС. 78–92.
4. Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико- протестной активности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. СС. 80–98.
5. Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. Volume 26. No 4. November 2018.
6. Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции (3–4 ноября 2017г.). Ер: Изд-во РАУ, 2017. СС. 134–153.
7. Кавказский исследовательский ресурсный центр (Caucasus Research Resource Center – CRRC). [Эл. ресурс.] URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en>.
8. Там же.
9. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. М.: Изд-во Московского университета, 2013. СС. 24–25.
10. Там же. С. 69.
11. Iskandaryan A. The Velvet Revolution in Armenia: How to Lose Power in Two Weeks. PP. 465–482 // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. Volume 26. No 4. November 2018. P. 479.
12. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. М.: Изд-во Московского университета, 2013. СС. 25–26.
13. Iskandaryan A. The Velvet Revolution in Armenia: How to Lose Power in Two Weeks. PP. 465–482 // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. Volume 26. No 4. November 2018. P. 478.
14. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 140.

PROTEST MOVEMENTS IN ARMENIA (1988–2018)

N. Dunamalyan, D. Sargsyan

ABSTRACT

It is postulated in the article, that to understand the transformation of civil society in Armenia during the years of independence, it is important to study the protest movements on the various levels of their development. The movement for independence took place against the background of the awakening national identity and the desire of democratization of public life. Then, in the context of the formation authoritarian forms of rule, protest movements unfolded led by political parties. Finally, in the context of fall in reliance in political institutions in the mass consciousness and the alienation of society from public politics, civil protest actions took place, as a demonstration of emerging civil society which culmination was the “velvet revolution”.

Keywords: protest movements, political protest, civil protest, civil identity, socio-psychological context of protest movements, civil society.

ДИСКУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ж.А. Тадевосян

Российско-Армянский университет

polit.jane@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье сделана попытка анализа различных моделей национальной идентичности и их проявления в современном глобализированном пространстве сквозь призму существующих на сегодняшний день концепций и теорий глобализации и межкультурного взаимодействия. На протяжении последних десятилетий дискуссии по поводу национальной идентичности вновь оживились и получили новое звучание в контексте глобализации и ее последствий. Вместе с тем, исходя из того, что проявления национальной идентичности в разных странах (культурах) настолько разнообразны, что невозможно сформулировать какую-либо единую универсальную теорию национальной идентичности, актуализируется проблема типологии и классификации наиболее общих видов (моделей) национальной идентичности и выявления их основных черт как на уровне теории, так и на практической плоскости.

На основе результатов исследования делается вывод, что феномен национальной идентичности и дискурс относительно последней остается актуальной проблемой современной политической науки и практики, несмотря на существование постнациональной конъюнктуры, вызванной глобализационными процессами.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, межкультурные взаимодействия, национальное государство, идентификационные модели.

Дискуссии по поводу национальной идентичности превратились в характерную черту нашего времени. Гибель знакомого мира заставила всех переопределять себя в новых условиях, искать новые точки опоры. По мнению С. Хантингтона, «почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Иными словами, кри-

зис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [1].

Оживление и обострение дискуссии вокруг проблемы национальной идентичности связано с комплексом причин, которые определяют не только перспективы и приоритеты, но и серьезные трудности в развитии национального государства в глобализирующемся мире. В их числе: а) влияние глобализации, повышающее роль неполитических субъектов политического процесса; б) повышение порога рисков и угроз, которые развиваются во многом вне и помимо национальных сообществ; в) рост социальной исключенности в условиях продолжающейся индивидуализации и атомизации современных обществ и размывание привычных социальных связей на уровне микрогрупп; г) оживление этнонационализма и обострение проблем, связанных с интеграцией инокультурных сообществ; д) проблемы нахождения приемлемого для динамичного развития равновесия между национальным и наднациональным уровнем принятия решений, а также согласования интересов регионов в составе государств [2].

Как следствие отмеченных процессов в политическом дискурсе последних десятилетий, актуализировались две противоречащие друг другу тенденции: глобалистская и антиглобалистская (националистическая). Сторонники первой предсказывают становление «постнационального государства», «сетевого общества», глобальной «империи» или «глобальной демократии», поскольку национальное государство полностью изжило себя и уходит с исторической арены, уступая место наднациональным силам и образованиям. По их мнению, глобализация – это процесс и состояние, несовместимые с существованием наций и направленные на упразднение, ликвидацию национальных общностей. Интеграционные процессы разрушают суверенитет государственных единиц, которые находятся в поле ее действия. Глобализация выступает как процесс, направленный на разрушение любого государственного суверенитета. Предметом глобалистских инвектив выступает национальный суверенитет, национальное государство, национальная идентичность.

В противовес им, сторонники второй тенденции утверждают, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс, и нужно ожидать подъема движений и настроений по сохранению национальной идентичности. В данном контексте примечательны идеи Б. Андерсона о том, что «конец эпохи национализма, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко», а «быть нацией – по сути самая универсальная и легитимная ценность нашего времени» [3].

Несмотря на правомерность и обоснованность каждой из отмеченных выше тенденций, на повестку дня выходит вопрос: «Как и почему в рамках современного глобализированного общества идея национального государства все еще остается актуальной?». Почему даже малочисленные народы Европы во вполне демократических странах (шотландцы, валлийцы, валлоны, фламандцы, баски, каталонцы и т.д.) добиваются государственности? На этот вопрос попытался ответить британский социолог Зигмунт Бауман: «Парадоксально, но факт: не триумф, а упадок государственного суверенитета придал идее государственности столь гигантскую популярность». Из сказанного становится ясным, что профессор Бауман видит поводом для усиления националистических тенденций угрозу и страх исчезновения национального государства (а, как следствие, и наций) на современной политической арене. Чем больше углубляется процесс глобализации и стирания границ, тем сильнее проявляются идеи сильного национального государства, то есть наблюдаются действия на основе механизма «стимул-реакция», где в качестве стимула выступают процессы глобализации (интеграции, вестернизации), а реакция – процессы подъема националистических настроений.

Из вышесказанного следует, что не только глобализация невозможна без наращивания сил и потенции национальной жизни (а это – прямая функция национального государства), но и сама глобализация придала национальному государству принципиально новую, ранее неизвестную, функцию. В современном глобальном мире социальная мобильность, принявшая гигантские масштабы, интенсивность коммуникаций и пропасть неравенства между странами и народами создают новые факты, условия и основы отношений между группами, общностями людей. Идет активное распределение и перераспределение социальных ролей, жизненных возможностей. Речь теперь идет не только о том, насколько неловко и неадекватно чувствует себя человек вне культурных национальных границ, но, в особенности, о том, что в конкурентной борьбе за жизненные перспективы он, как и целые коллективы, не получит выигрышных ролей, если не будет опираться на силу государства. Может быть, здесь кроется загадка популярности современного национального государства, причина, по которой народы готовы идти на жертвы ради него. В этой связи определенный интерес представляют идеи современного российского исследователя философа Ф.Х. Кессиди, который отмечает следующее: «Каждая из культур (цивилизаций) как Востока, так и Запада имеет свой особый генотип в собственном смысле этого слова и внутреннюю (при прочих равных условиях) логику развития. Это значит, что говорить в отношении обозримого (и даже отдаленного) будущего о возможно-

сти создания некой крупномасштабной общности на базе определенной социокультурной парадигмы по меньшей мере опрометчиво. Речь может идти лишь о взаимодействии (созидательном или разрушительном) культур, но не об их взаимопроникновении, т.е. тенденции к интеграции, во всяком случае, когда речь идет о культурах Востока и Запада» [4]. В качестве иллюстрации своих утверждений он приводит пример Японии, которая сумела сохранить свою этническую идентичность, следуя своего рода заповеди «Японский дух – западная технология», так же как и другие страны Юго-Восточной Азии, придерживающиеся принципа: «Думай глобально, действуй локально!». Вместе с тем, Кессиди рассматривает также пример многих стран Западной и Восточной Европы (страны Балтии, Нидерланды, Польша и др.), которые, наоборот, стали жертвами глобализации, постепенно теряя свой национальный (этнический) окрас.

Таким образом, становится ясным, что сегодня процессы глобализации и усиления националистических настроений протекают параллельно. Глобализация проверяет на прочность те культуры, которые пренебрегают новыми технологиями и научным прогрессом. Именно для таких культур национальное государство служит единственно приемлемой формой выживания, а родовые, ментальные архетипы выступают своеобразной поддержкой, позволяющей противостоять натискам глобализации. Поэтому особенно остро встает вопрос о соотношении культурной памяти и модернизации.

Известно, что культура любого сообщества опирается в своем развитии на традиции прошлого и настоящего. Отчуждение личности от собственной культуры, культурное забвение представляют истинную опасность для успешного развития культуры, в результате чего теряется культурное лицо не только индивидуума, но и сообщества людей (народа, нации). Чем сильнее глобализация отрывает культуру, ценности, экономическую жизнь от их собственной исторической почвы, тем большее число людей ищет убежища в своем, предсказуемом мире норм и моделей поведения, в стремлении сохранить особенности и отличия своей культуры. Иными словами, идет процесс напряженного и обостренного поиска национально-культурной идентичности.

В этой связи вновь на первый план выходит проблема поиска идентичности, ориентирующейся не на одну конкретную культуру, а на межкультурные взаимодействия, а решение этой проблемы возлагается на плечи современных государств, многие из которых позиционируют себя в качестве национальных. В этой связи обратимся к рассмотрению основных теорий, описывающих процесс межкультурного взаимодействия, имеющих прямое

отношение к проблеме соотношения глобализации и идентичности. Итак, одной из отмеченных теорий является теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона, согласно которой глобализация не способствует взаимопониманию культур, а напротив – может привести при неадекватной политике к столкновению цивилизаций. Столкновение цивилизаций – это столкновение попыток сохранить идентичность группой традиционно ориентированных цивилизаций – таких, как исламская, православно-христианская, конфуцианская, или изменить ее под влиянием западно-христианской цивилизации как лидера глобализации [5].

Следующей известной концепцией межкультурного взаимодействия является теория гибридизации Я. Питерса. Она напоминает изложенные в XIX веке в России Н. Данилевским модели взаимодействия между культурами, так же, как гибридизация, представленные в терминах, близких садоводческой деятельности: пересадка, прививка, почвенные удобрения. Эти мягкие формы сращивания свойств различных культур создают новые типы идентичностей.

Последняя из отмеченных теорий – теория макдональдизации Дж. Ритцера, сумевшего увидеть в ресторане «Макдональдс» не просто форму «быстрой еды», а упрощенную систему рациональности, которая соответствует уровню адаптации и способствует примитивной рационализации этого уровня. По мнению Ритцера, глобализации легче поддается символическая, а не вещественная или субстанциональная сторона. Эти выводы весьма прогностичны для понимания того, почему среди форм культуры только массовая культура глобализируется. Это позволяет понять значение массовой культуры как инструмента разрушения традиционной идентичности [6].

Таким образом, в области культурной идентичности рассматриваются возможные варианты развития идентичности: столкновение, мягкое взаимодействие и изменение, отрыв от традиционной идентичности посредством схем упрощенной рациональности.

Сегодня мир сталкивается с многообразием типов проявления самобытности. Как отмечает испанский социолог-постмарксист Мануэль Кастельс, проявление самобытности в современных условиях связано со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур. В глобализованном мире носители этнической культуры этого типа, по мнению ученого, открываются навстречу контактами с другими культурами, тем самым, создавая атмосферу «предуготовленности» к диалогу. Иные цели преследуют носители «самобытности как формы закрытости»: за-

цита своего природного и социокультурного пространства – противопоставление своих ценностей чужим, которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной видится ему «самобытность, устремленная в будущее, – “project identity”, создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма [7].

Из сказанного выше следует, что с одной стороны, ориентации на ценности открытого мира предполагают расширение процессов взаимодействия, но необязательно ведут к унификации культур, ибо могут служить развитию культурного плюрализма и поддержанию этнокультурного разнообразия путем создания полей ценностного взаимодействия. С другой стороны, могут способствовать формированию образцов транснациональной культуры, вбирающих в себя и нивелирующих этнические ценности и этнокультурную самобытность. И это всего лишь два сценария из множества возможных альтернатив будущего развития.

В этой связи нам представляется важным также рассмотрение основных черт формирующихся этнокультурных моделей идентичности на уровне групп и сообществ (этнонациональная, региональная и др.), личности (личностная, социокультурная). В качестве таковых нами выделяются следующие варианты: размывание идентичности и усложнение идентификационной модели.

Итак, «размывание идентичности» – это отказ от жесткого каркаса этнокультурной идентичности в глобальном мире. Основной установкой является принцип, согласно которому этнокультурную самобытность нельзя поддерживать без доверия к другим культурам, ибо без контактов иссякают механизмы ее самоорганизации. Поэтому каждая культура по отношению к другой культуре выполняет функции не только сохранения своей идентичности, но и поддерживает другую идентичность. Таким образом, идентичность в современном глобализирующемся мире становится мобильной и открытой, то есть ориентированной другими этнокультурными обществами, границы которых не являются жесткими.

Что касается усложнения идентификационных моделей, отметим, что оно предполагает трансформацию идентификационных характеристик традиционной культуры – таких, как закрытость и самоизоляция. Под воздействием информационно-коммуникативных систем в этих культурах начинается рост иного, и этот рост противоречив, ибо одновременно деструктивен (разрушает традиции) и креативен (разрушая – обновляет).

В связи с этим возникает естественный вопрос: «Можно ли сблизить в процессе глобализации культуры и что предполагает это сближение?». Все народы должны будут обрести некую единую идентичность, говорить на од-

ном языке и обрести одни символы веры? Или, быть может какой-то одной культуре будет отведено место «главной культуры»?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к рассмотрению трех концепций культурной ассимиляции – плавильного тигля, томатного супа и салата [8]. Концепция плавильного тигля была выдвинута Эктором Сент-Джоном де Кревекером в 1780-х годах. В Америке, утверждал Кревекер, «представители всех народов словно сплавляются в новую расу». При этом переплавка и преобразование подразумевали не просто взаимопроникновение народов и рас, но создание новой общей культуры, которая объединила бы всех жителей страны.

Концепция томатного супа (она же – «англо-конформистская модель») фокусируется на культурной ассимиляции. Она основана на допущении, что «иммигранты и их потомки должны адаптироваться к культурной истории англо-американского населения страны. То есть эта концепция указывает на центральное положение культуры первопоселенцев в структуре общества. Кулинарная метафора трактуется следующим образом: англо-протестантская культура есть томатный суп, куда иммигранты добавляют свои культурные «специи», улучшающие вкус этого блюда, однако поглощаемые с тем результатом, что мы все равно едим именно суп, а не что-то другое.

Концепции плавильного тигля и томатного супа, в той или иной степени, выражали американский национализм и давали относительно точное описание американской идентичности. В 1915 году Хорас Каллен выдвинул концепцию салата, которую сам назвал теорией «культурного плюрализма». Название оказалось запоминающимся, хотя и не совсем верным: теории Каллена больше подходило название «этнического плюрализма». По Каллену, люди могут сменить культуру, но не в силах поменять этническую принадлежность. Биология – судьба, идентичности «определяются происхождением» и выражают «фундаментальные различия групп». Иммиграция, по Каллену, растворила в себе прежнюю американскую национальность и превратила Америку в «федерацию национальностей» или «демократию национальностей» [9]. Подчеркивание доминирующей роли происхождения в формировании национальной идентичности абсолютно лишает смысла само словосочетание «культурный плюрализм».

В рамках данного вопроса определенный интерес представляют взгляды российского ученого-этнолога В.А. Тишкова относительно социокультурной обусловленности этнической идентичности. Он выделяет несколько ее характеристик. Во-первых, существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и

существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей, или социально конструируемых коалиций, составляет разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности или идентичность, а также возникающую на основе этой общей идентичности солидарность. Во-вторых, границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, и содержание идентичности являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативных планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков. В-третьих, конструируемая и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами обеспечение социального комфорта в рамках культурно-гомогенного сообщества [10].

К отмеченной проблеме обращался также норвежский социальный антрополог Фредерик Барт в своем эмпирическом исследовании природы этнических границ. По мнению Ф. Барта, во-первых, «границы сохраняются, невзирая на то, что люди их постоянно нарушают». При этом необходимым условием существования категориальных этнических различий является не отсутствие мобильности, контактов, информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которых дифференциальные признаки продолжают сохраняться, несмотря на изменения форм группового участия и этнической принадлежности на протяжении истории жизни того или иного индивида. Во-вторых, «существуют устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения, которые устанавливаются поверх таких границ и зачастую базируются именно на дихотомии этнических статусов». Существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия. Напротив, они нередко становятся тем фундаментом, на котором возводятся все социальные системы. Взаимодействие в таких социальных системах не ведет к исчезновению той или иной группы в результате культурных изменений и аккультурации. Исходя из этого, Ф. Барт делает вывод: культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям [11].

В контексте рассмотрения заданной нами тематики, а именно, современного дискурса национальной идентичности, отметим также, что в современных научных исследованиях проблема национальной идентичности рас-

сматривается преимущественно в двух основных формах, а именно: как этнонациональная идентичность, основу которой составляет тот или иной этнос и его культура, а также как идентичность социально-политическая или согражданство. Этим двум формам идентичности соответствуют два типа самосознания нации. Одна из них является завершенной политической формой развития этноса, этничность и культура которого поглощают этничности и культуры меньшинств, то есть подвергает их структурной ассимиляции. Другая строится на основе использования организационных, идеологических, формообразующих ресурсов государства, отдающих предпочтение социально-политическому содержанию национальной идентичности, нации и, тем самым, сдерживает «национальные притязания» этносов.

Переходя к выводам, отметим следующее: несмотря на то, что на фоне процессов глобальной интеграции национальные государства все более утрачивают свои позиции по защите национальной экономики, обеспечению своими силами экологической безопасности, а их внутренняя и внешняя политика становится все более зависимой от международных наднациональных структур и институтов, в политических границах государства по-прежнему находится место для сосуществования и сотрудничества различных этнических и культурных сообществ. Возможно, и в будущем их взаимодействие так же будет выполнять важнейшую интегрирующую функцию в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни национального общества. В этом плане можно согласиться с К. Хюбнером, что нация, как форма существования государственно-политической общности, с точки зрения мультикультурной перспективы развития, и далее будет сохранять свое значение [12].

Таким образом, несмотря на постнациональную конъюнктуру, вызванную глобальными интеграционными процессами, вопросы, связанные с нацией, нациестроительством, национальным государством, а, следовательно, и с национальным самосознанием и идентичностью, остаются востребованными и актуальными как в зарубежном, так и в отечественном научном и политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. СС. 204–205.
2. Полис. 2008. № 3. С. 2.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространении национализма. М., 2001. С. 27.
4. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // «Вопросы философии». № 1. 2003. С. 77.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // «Полис». № 1. 1994. СС. 33–48.
6. Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005. СС. 150–151.
7. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. СС. 307–308.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. СС. 204–205.
9. Там же. СС. 206–207.
10. Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005. СС. 150–151.
11. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. / Под ред. Ф. Барта. Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С. 10.
12. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. 400с.

NATIONAL IDENTITY DISCOURSE IN AN ERA OF GLOBALIZATION

Zh. Tadevosyan

ABSTRACT

Over the past decades, discussions about national identity have revived and gained new meaning in the context of globalization and its consequences. At the same time, proceeding from the fact that the manifestations of national identity in different countries (cultures) are so diverse that it is impossible to formulate any single universal theory of national identity, the problem of mapping and classifying the most common types (models) of national identity and identifying their basics becomes relevant both at the level of theory and in practice.

The article attempts to analyze various models of national identity and their manifestation in a modern globalized space through the prism of current concepts and theories of globalization and intercultural interaction. Based on the results of the study, it is concluded that the phenomenon of national identity and the discourse regarding the latter remains an urgent problem of modern political science and practice, despite the existence of a post-national conjuncture caused by globalization processes.

Keywords: national identity, globalization, intercultural interactions, nation-state, identification models.

УДК 32

Поступила: 12.03.2020г.
Сдана на рецензию: 13.03.2020г.
Подписана к печати: 22.03.2020г.

ОПЫТ АРМИЕСТРОИТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ НАЦИЯ-АРМИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ (ОПЫТ ИЗРАИЛЯ)

Э.Т. Дарбинян

*Российско-Армянский университет
hermine121@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается та идея, что в условиях стремительных изменений в Армении требуется новая модель армиестроительства, которая, став действующей системой, обеспечит эффективное функционирование военных и гражданских институтов государства. Естественно, что данная система должна основываться не только на специфике Армении и армянства, но и с учетом опыта других стран. В этом контексте интересным представляются некоторые особенности армиестроительства Израиля.

Ключевые слова: армиестроительство, нациестроительство, армия, Республика Армения, Израиль.

Учитывая геополитическое положение, отношения с соседями и стремительные изменения в мире необходимо всесторонне изучить сферу безопасности Республики Армения. Приоритетным направлением государственной политики в сфере безопасности является обеспечение национальной безопасности, обороны, суверенитета и территориальной целостности страны, которые достигаются с использованием всех имеющихся сил, средств и ресурсов государства, возможностей всех сфер общественной жизни. Военная безопасность является важнейшей составной частью национальной безопасности страны. Вместе с тем, в ее обеспечении определяющее значение имеет военный потенциал государства, формирующийся главным образом в военной сфере жизни общества.

В Военной доктрине Республики Армения отмечается: «Национальным гарантом обеспечения военной безопасности являются боеспособные Вооруженные Силы, оснащенные современным вооружением, имеющие высокий уровень боевой и морально-психологической подготовки, способные защитить суверенитет и территориальную целостность Республики Армения, готовые к предотвращению и нейтрализации угроз военной безопасности. В

целях обеспечения своей военной безопасности Республика Армения применяет Систему военной безопасности государства посредством координации всего политического, экономического, военного потенциала государства и его централизованного и целенаправленного руководства» [1].

Как известно, армия и общество непосредственно и глубоко взаимно влияют друг на друга. Влияние армии на общество особенно сильно в недавно провозглашенных республиках, которые находятся на стадии становления. Успехи в сфере обеспечения безопасности и военные успехи – это не только материальная способность вести боевые действия, обеспечивать национальную безопасность, но психологические особенности, наличие воли, а также готовность народа и общества внести свой собственный вклад, наравне с государственными органами, которые, естественно, призваны выполнять функции обеспечения безопасности.

Становление армянской армии протекало в сложнейшей обстановке. Ее создание было необходимым в условиях становления Республики Армения и Карабахской войны: требовалось обеспечить безопасность армянского населения. Армия была первоначальным и, можно сказать, самым развитым не только государственным, но и общественным институтом в новопровозглашенной Республике, и остается таковым по сей день.

Исходя из масштабов военной угрозы, требуется вовлечь все население в дело обеспечения безопасности страны. Армянская армия имеет неиспользованный потенциал объединения народа и, учитывая, что Армения уступает своим вероятным противникам в численности населения и по другим важным ресурсам, требуется разработать такую модель взаимоотношения между обществом и армией, основой которой станет принцип «качество против количества». Сравнительно небольшое количество армии должно компенсироваться строгой дисциплиной, сильными связями и быстрым реагированием. Такую модель очень эффективно использует Израиль, исходя из своих характерных особенностей.

С момента своего образования государство Израиль находится в состоянии постоянной войны: большинство ближневосточных конфликтов 2-ой половины XX века и начала нынешнего столетия, так или иначе, были связаны с Израилем. Государство окружено враждебными соседями, численность которых намного превышает численность населения Израиля, часть которых в качестве своей официальной идеологии поставили перед собой задачу физическое уничтожение еврейского государства. Чтобы понять особенности Армии обороны Израиля (АОИ) и причины ее успехов, следует обратиться к истории израильского государств и армии. Историю израиль-

ской армии следует начать с 20-ых годов XX века. После появления на землях Палестины первых еврейских поселений были созданы боевые отряды самообороны, которые защищали израильтян от арабских погромщиков. К моменту начала Второй мировой войны они достаточно окрепли и стали серьезной силой в регионе, с которой остальные были вынуждены считаться.

Армия обороны Израиля (на иврите сокращенно: «Цахал») была образована в 1948г. непосредственно после появления самого государства на политической карте мира. Военная доктрина Израиля была разработана в 1949 году. В этом документе очень четко отображены геополитические реалии, в которых оказалось молодое еврейское государство. Основные положения военной доктрины были сформулированы с учетом следующих условий: «Население Израиля уступает по численности странам-соседям, и в обозримом будущем государство будет вынуждено вести войну против противника, превосходящего его в живой силе. Спор Израиля с соседними государствами состоит не в урегулировании границ, а в том, что противник не допускает самого факта существования еврейского государства и будет вести войну на его уничтожение. Принимая во внимание географическое положение страны, а также значительный перевес противника в военной технике и живой силе, Израиль может рассчитывать на победу только в случае быстрого выведения из строя его военной инфраструктуры. Полностью уничтожить врага на поле боя практически невозможно. Небольшая территория, сильно изрезанные границы и близость инфраструктуры и крупных городов к линии фронтов лишают государство Израиль какой-либо стратегической глубины. В самой узкой зоне расстояние от Средиземного моря до границы (на тот момент – иорданской) составляет не более 14 км. Естественные барьеры (широкие реки и озера, возвышенности) для построения прочной обороны в приграничных районах отсутствуют. Израиль не имеет возможности вести длительную войну, так как это приведет к необходимости мобилизации значительной части населения. В таких условиях экономика государства перестанет функционировать уже через некоторое время после начала боевых действий» [2].

Все вышеперечисленные тезисы были неоднократно подтверждены в ходе последующих многократных конфликтов. Обратимся к некоторым из них.

Война за независимость. На следующий день после провозглашения независимости Израиля пять арабских стран (Египет, Сирия, Ирак, Иордания, Ливан) объявили ему войну. 26 мая 1948г. глава Временного правительства Давид Бен-Гурион подписал указ о создании национальных вооруженных сил – Цахала. В его состав вошли все военизированные подпольные еврейские организации: «Хагана», «Эцель» и «Лехи». В ходе этой войны ев-

реи не только смогли отстоять независимость своего государства, но и существенно расширить его границы. «Война за независимость» привела к массовому бегству с территории Палестины арабского населения, в то же время около 800 тыс. евреев были изгнаны из мусульманских стран, и большинство их осели в Израиле. Во время Войны за независимость Армия обороны Израиля испытывала острейший дефицит оружия (особенно – современного) и боеприпасов. Евреям приходилось использовать устаревшее вооружение Второй мировой или налаживать кустарное производство.

Суэцкая война. В 1956 году между Израилем и Египтом вспыхнула война, которая закончилась в марте 1958 года полной победой еврейского государства.

Шестидневная война. Началась в 1967 году между Израилем и арабской коалицией, состоящей из Египта, Сирии, Алжира, Ирака и Иордании. Она также закончилась полной победой Цахала, причем ключевую роль в ней сыграла израильская авиация. ВВС арабов были уничтожены буквально за несколько часов, после чего в течение 6 дней наземные войска коалиции были разгромлены. Благодаря этой победе Израиль присоединил Голанские высоты, Сектор Газа и Синайский полуостров, а также западный берег Иордана.

Война Судного дня. Четвертый арабо-израильский конфликт начался 6 октября 1973 года. Война началась с внезапной атаки объединенных сирийско-египетских войск в районе Синайского полуострова и Голанских высот. Внезапность удара позволила арабам захватить инициативу и первое время добиться значительных успехов. Однако позже израильтяне перегруппировались и полностью вытеснили противника с Голанских высот, а на Синае им удалось окружить целую египетскую армию. После этого была принята резолюция ООН «О прекращении огня». В этом конфликте обе стороны понесли тяжелые потери, хотя число убитых и раненых со стороны арабской коалиции было в несколько раз больше. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении потерь бронетехники и авиации. Войну Судного дня можно назвать одним из самых тяжелых испытаний для Израиля и его вооруженных сил.

Первая Ливанская война. Началась в 1982 году, в ее ходе израильские войска вторглись на территорию Ливана с целью нанести поражение Организации освобождения Палестины. Цахал оккупировал южную часть Ливана и оставался там до 2000 года.

Операция «Медведка 19». Представляет большой интерес с точки зрения действия авиации Израиля, которые благодаря новой тактике сумели

в кратчайшие сроки уничтожить мощнейшую сирийскую ПВО в Ливане, при этом практически не понеся потерь.

Операцию «Опера». Была проведена в 1981 году, ее целью было уничтожение ядерного реактора в Ираке, который мог быть использован Саддамом Хусейном для изготовления оружия массового поражения. В итоге авиационного налета реактор был уничтожен, причем израильская сторона не понесла потерь.

Операция против «Хезболлы». В 2006 году израильтянам опять пришлось вести войну в Ливане. На этот раз их противником была радикальная шиитская организация «Хезболла», которую многие страны считают террористической. Ей предшествовали несколько операций против боевиков «Хезболлы» и восстаний палестинских арабов в Секторе Газа и на западном берегу р. Иордан.

С учетом полученного в ходе военных действий опыта положения первой военной доктрины страны постоянно уточнялись и дополнялись. Как мы видим, за недолгие годы своей насыщенной истории страна не имела стратегических поражений. Сегодня АОИ считается самой мощной в регионе и одной из самых боеспособных в мире. Успех операций израильской армии связан с тем, что ее стратегическая доктрина АОИ носит оборонный характер, а тактика – наступательный. Поскольку в стране отсутствует территориальная глубина, АОИ вынуждена брать на себя инициативу там, где это необходимо, а в случае нападения мгновенно переносить театр военных действий на вражеские земли. Хотя армии противника всегда превосходили ее по численности, АОИ обладает неоспоримым качественным преимуществом: это самые передовые системы вооружений, многие из которых разрабатываются и производятся в Израиле с учетом его конкретных нужд. Но самой главной ценностью Армии обороны Израиля всегда были и всегда будут ее солдаты.

Согласно Закону о воинской повинности от 1986г., действительная служба, а по ее прохождении – ежегодные военные сборы, – являются обязательными. Сроки службы в израильской армии:

- **обязательная служба.** Все юноши и девушки, пригодные к службе в армии, призываются в возрасте 18 лет. Юноши служат три года, а девушки – два. Студентам университетов, отвечающим соответствующим требованиям, может быть предоставлена отсрочка от службы. Новые репатрианты также имеют право на отсрочку или сокращение срока службы в зависимости от их статуса на момент въезда в страну (не подлежат призыву девушки, репатрировавшиеся в возрасте, старше 17 лет; молодые люди, прибывшие в страну в возрасте, старше 24 лет, не призываются на срочную службу). От несения

воинской повинности освобождаются (либо, как и новые репатрианты, служат меньший, чем обычно, срок) учащиеся, полностью посвятившие себя религиозным занятиям, и девушки из религиозных семей (по желанию).

- *резервистская служба*. После окончания обязательной службы все солдаты переводятся в резервистские подразделения и могут призываться на резервистскую службу, пока им не исполнится 51 год. После прохождения обязательной службы каждый солдат приписывается к резервному подразделению. Мужчины в возрасте до 51 года служат не более 39 дней в году; этот срок в чрезвычайных обстоятельствах может быть продлен. В последнее время проводится политика, направленная на облегчение службы резервистов: резервисты, проходившие службу в боевых частях, могут выйти в отставку по достижении 45 лет.

- *кадровая служба*. Солдаты, прошедшие обязательную службу и отвечающие текущим потребностям АОИ, могут остаться в армии в качестве кадровых офицеров или военнослужащих сержантского состава. Они являются ядром командного и административного состава Армии обороны Израиля. Выпускники офицерских или летных курсов, а также специальных военно-технических служб обязаны остаться для прохождения кадровой службы в течение определенного срока (как правило, 3 года) [3].

Воинская повинность женщин является специфической особенностью Армии обороны Израиля, позволяющей высвободить большее число мужчин для строевой службы и, тем самым, в известной мере компенсировать численное превосходство армий враждебных Израилю арабских стран. Женщины заняты в связи, обслуживании электронной аппаратуры, сборке парашютов, на инструкторских, канцелярских и административных должностях и т.п. Женщины служат во всех родах войск, и многие (по большей части на сверхсрочной службе) носят офицерские звания и занимают ответственные посты.

Обязательная воинская повинность распространяется на еврейских и друзских граждан Израиля; граждане мусульманского и христианского вероисповеданий (арабы и бедуины) могут поступить на военную службу в качестве добровольцев. Особенно поощряется добровольная служба бедуинов, следопытские навыки которых используются для охраны границ государства и военных объектов.

Армия обороны Израиля подчиняется правительству Израиля в лице министра обороны. Министерство обороны несет ответственность за долгосрочную оборонную политику и стратегическое планирование, определяемое специальным министерским Комитетом по делам обороны, и ведает произ-

водством и закупками вооружения. Министерство располагает самым большим в стране ведомственным бюджетом. Оперативное руководство вооруженными силами находится в руках Генерального штаба во главе с начальником Генерального штаба, назначаемым министром обороны по согласованию с кабинетом министров на три года (с возможностью продления на четвертый год). В оперативном отношении вооруженные силы подразделяются на три территориальные округа (Северный, Центральный и Южный), а по родам войск – на сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы [4].

Израильская армия насчитывает сравнительно небольшое число кадровых военнослужащих и состоит преимущественно из военнослужащих срочной службы и резерва (число кадровых военнослужащих относительно велико в ВВС и ВМС). По этой причине израильские вооруженные силы, в отличие от большинства других армий, не образуют замкнутую профессиональную корпорацию, но в полном смысле слова являются общенациональной армией. Следствие этого – заинтересованность Армии обороны Израиля в повышении профессионального и общеобразовательного уровня населения страны. Мобилизованные получают в армейских технических школах знания и навыки, необходимые в современном военном деле; специальные образовательные программы направлены на расширение и углубление знаний солдат в области еврейской истории, географии, археологии Израиля и т.п.; армия заботится о том, чтобы новые репатрианты и новобранцы, формальное образование которых осталось незавершенным, лучше овладели навыками чтения и письма; армия направляет специально подготовленных девушек-инструкторов в города развития для ликвидации неравенства в сфере образования.

В Цахале существует ряд особых программ службы.

- Иешивот ха-хесдер – специальный вариант срочной службы, при котором службу совмещают с учебой в иешиве¹. Эта служба предназначена для учеников средних школ-иешив, призывников Цахала. Срок такой службы – 4 года, в том числе 16 месяцев боевой службы, а остальное время – учеба в иешиве.

- Нахал – особые регулярные подразделения, в которых военная служба совмещается с сельскохозяйственной работой в новых поселениях. Опорные пункты Нахала располагаются вдоль границ и в кибуцах²; когда поселение, созданное Нахалом, экономически достаточно укрепляется, армия пере-

¹ Иешива, в еврейской истории – название института, являющегося высшим религиозным учебным заведением, предназначенным для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

² Кибуц – сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

дает его гражданским властям. По завершении службы солдаты Нахала могут оставаться в его составе и продолжать жить в основанном ими поселении. Срок службы для женщин – 23 месяца, для мужчин – 40 месяцев. Бойцы подразделений Нахала основали десятки новых поселений в периферийных районах страны.

- Общественная предармейская служба (шнатшерут – буквально «год службы») – отсрочка от срочной службы длительностью до одного года для юношей и девушек на общественных началах, работающих инструкторами в одном из молодежных движений или занимающихся другой признанной общественно-полезной деятельностью.

- Предвоенные подготовительные курсы (мехин откдам цваййот) – отсрочка от срочной службы длительностью до одного года в рамках учебы на светских или религиозных подготовительных курсах.

- В ведении Армии обороны Израиля находятся сотни клубов Гадна (гдудейно‘ар – молодежные батальоны), в которых молодежь допризывного возраста (по преимуществу, не завершившая формального образования) проходит общеобразовательную и военную подготовку. Многие участники организации проходят специальные курсы по предварительной подготовке летчиков, моряков, десантников и т.п.[5].

Израильские военные специалисты считают, что победа в современной войне достигается, прежде всего, в результате согласованных действий всех видов ВС и родов войск. В связи с этим особое значение придается организации четкого взаимодействия между ними. Повышенные требования предъявляются к разведке как основному виду боевого и оперативного обеспечения.

Израильская армия способна в 24 часа осуществить мобилизацию большинства резервных частей, что до известной степени компенсирует стратегические слабости Израиля, позволяя в считанные часы доставить подкрепления частям регулярной армии, держащей фронт. Другие важнейшие аспекты израильской стратегической доктрины, призванной решить проблему малой страны, окруженной численно превосходящим неприятелем, – наступательный характер военных действий, перенесение военных действий на территорию неприятеля и, по возможности, отдаление их от границ страны, быстрая переброска войск с фронта на фронт, сосредоточение максимума сил в месте основной угрозы, концентрированное и координированное использование ВВС против наземных сил и тылов противника (что, среди прочего, позволяет уменьшить людские потери), нанесение (в благоприятных политических условиях) превентивных ударов, а также максимальное ис-

пользование технологических достижений мировой и отечественной военной промышленности.

Мощь Армии обороны Израиля определяется не только современным оружием, закупаемым за границей, но в значительной степени зависит от индустриальной инфраструктуры, с которой израильские вооруженные силы образуют единый военно-промышленный комплекс: вооруженные силы ставят перед израильской военной промышленностью технические задачи, а военная промышленность обогащает арсенал Цахала своими техническими достижениями, открывающими новые оперативные возможности. Высокий уровень израильской военной промышленности является результатом не столько экономических факторов, сколько политических решений, так как с первых же дней существования еврейского государства стало очевидно, что в чрезвычайных обстоятельствах нельзя полагаться на доставку заказанного за рубежом оружия и снаряжения. Сегодня продукция израильской промышленности охватывает практически все основные отрасли военного производства. Преимуществом израильского вооружения и военной техники, поставляемой на внешний рынок, является то, что практически вся она была испытана в реальных боевых действиях, доработана в соответствии с требованиями полевых условий ее эксплуатации, и поэтому отличается весьма высокой надежностью. Доходы от экспорта военной промышленности Израиля служат ее дальнейшему развитию [6].

Опыт Израиля служит хорошим примером, что, имея ограниченные ресурсы возможно построить достаточно хорошую боеспособную армию, сделав ее лучшей в регионе. Конечно, нужно учитывать, что у Израиля есть свои особенности, и ее опыт не может быть в таком же виде использован в Армении, но можно обратить внимание на механизмы и принципы, которые он использует и адаптировать их для армянской действительности.

Учитывая стоящие перед страной вызовы, нехватку ресурсов, демографические и географические особенности, мы должны разработать свою модель армии- и нациестроительства, когда каждый человек будет знать свое место в деле обороны страны и иметь необходимые навыки и опыт для решения этих задач. Страна должна развивать военно-промышленный комплекс, сделав его одним из основных стержней экономики Армении, а срочная служба в армии должна быть реформирована, учитывая лучшие примеры в мире. По нашему мнению, необходимо:

- переориентироваться на собственные возможности обороны;
- максимизировать использование технологических достижений мировой и отечественной военной промышленности с учетом конкретных нужд страны;

- увеличить резервную армию, сделать регулярными призывы на службу и учебные курсы;
- гармонично соединить гражданские и военные обязанности;
- организовать четкое взаимодействие армии и общества, заинтересовать армию в повышении профессионального и общеобразовательного уровня населения страны, сделав армию общенациональной;
- создать механизмы для осуществления мобилизации большинства резервных частей за 24 часа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная доктрина Республики Армения. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/155588/mil-doctrine-rus.pdf>
2. Военная доктрина Израиля. URL: http://factmil.com/publ/strana/izrail/voennaja_doktrina_izrailja_2015/36-1-0-735
3. Министерство иностранных дел Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/AboutIsrael/Pages/StateArmy.aspx>
4. См. так же.
5. Государство Израиль. Вооруженные силы Израиля. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/government-system/11734/>
6. См.: там же.

THE FOREIGN COUNTRIES' ARMY-BUILDING ATTEMPT IN THE CONTEXT OF BECOMING THE NATION-ARMY SYSTEM IN THE REPUBLIC OF ARMENIA (THE ATTEMPT OF ISRAEL)

H. Darbinyan

ABSTRACT

Armenia needs a new model of the army-building, which can become an operating system and will ensure the effective functioning of the military and civil institutions of the state in the conditions of rapid changes. Naturally, that system should be based not only on the specifics of Armenia and the Armenians, but also take into account the experience of other countries. In this context, some features of Israel army-building are interesting.

Keywords: army-building, nation-building, army, Republic of Armenia, Israel.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.9

Поступила: 14.01.2020г.

Сдана на рецензию: 03.02.2020г.

Подписана к печати: 12.03.2020г.

ИНТЕГРАЦИЯ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РА

А.В. Манукян

*Армянский Государственный Педагогический Университет им. Х. Абовяна
htayakmanukyan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические вопросы юридической конфликтологии, а также правовые вопросы реализации процедуры медиации в РА. Реализация закона РА «О медиации» от 13 июня 2018г. и более широкое использование практики альтернативных способов преодоления правовых конфликтов в Армении наталкивается на множество препятствий объективного и субъективного характера. В статье комплексно рассмотрен вопрос соотношения медиации и гражданского судопроизводства, даны рекомендации по выработке оптимальной модели согласования примирительной процедуры (медиации) с гражданским судопроизводством в РА.

Ключевые слова: медиатор, правовая культура, добровольная модель судебной медиации, гражданское судопроизводство.

С середины XX века наблюдается активизация использования медиации. Причиной послужило то, что большинство правовых систем испытало увеличение числа судебных споров с одновременным затруднением доступа граждан к правосудию в связи с затратами и задержками, связанными с судопроизводством. Юристы во многих странах мира осознали, что альтернативные методы разрешения споров, отличающиеся от метода судопроизводства, могут помочь им решать правовые споры быстро, дешево, к большому удовлетворению участников спора и наиболее эффективно. Сторонники альтернативного разрешения споров обосновали концепцию, согласно которой каждый спор заслуживает индивидуальный подход к его разрешению, и подобный подход должен быть определяющим.

Как отмечает О.В. Аллахвердова, «медиация – это процесс переговоров с участием третьей, нейтральной стороны, которая является заинтересованной лишь в том, чтобы стороны разрешили свой спор (конфликт) максимально выгодно для обеих (всех) сторон» [1]. По мнению ученого, медиация может быть выгодна сторонам в тех случаях, когда необходимо сохранить конфиденциальность процесса; важно конфликт разрешить в максимально короткие сроки и сэкономить время и, соответственно, сократить издержки и затраты сторон; следует самостоятельно принять решение по выходу из конфликтной ситуации; огласка спора может испортить репутацию и поставить под угрозу партнерские отношения; конфликт не исчерпывается правовым полем и затрагивает личное взаимодействие; в конфликте задействованы ценностные и культурные факторы; перспективы судебного процесса запутаны и неоднозначны [2].

Институт медиации, наряду с другими альтернативными способами урегулирования споров, является признаком развитого гражданского общества, показателем высокого уровня правовой культуры и зрелости экономических отношений, важнейшим критерием развития демократии. Между тем, практическое проведение медиативных процедур в Армении не получило широкого распространения.

Процедура медиации является, по своей сути, инновационной для современного армянского менталитета, соответственно к ней относятся с некоторой долей недоверия, как и ко многим инновациям в обществе. Естественно, возникает вопрос относительно отличия эффективности спора от судебной процедуры разрешения.

Одним из существенных преимуществ медиации, по сравнению с судебным разбирательством, является то, что в ходе данной процедуры спорящие стороны самостоятельно вырабатывают приемлемое для них решение и, соответственно, стремятся выполнить его. Следует отметить, что процедура медиации заканчивается составлением и подписанием соглашения, удовлетворяющего интересы всех сторон, гарантирующего долгосрочное, прочное и реальное выполнение обязательств.

Еще одним отличием медиации от судебной процедуры является то, что спорящие стороны вступают в процесс медиации добровольно, и медиатор свободно выбирается сторонами, тогда как судебное разбирательство проводится по месту жительства, и в суде стороны не могут избирать судью.

Другое отличие заключается в том, что задачей суда является выявление и наказание виновных, медиация же изначально нацелена на поиск согласия и возможных вариантов решения конфликта.

В суде разработка и принятие решения относится к функциям судьи, и спорящие стороны обязаны подчиниться судебному решению, даже если одна или обе стороны этим решением недовольны, в медиации, как говорилось выше, все решения принимаются только по обоюдному согласию сторон, и они добровольно берут на себя обязанность выполнять совместно принятые ими решения.

Следующим отличием медиации от суда является то, что последняя происходит конфиденциально, и каждая сторона в любой момент может отказаться от продолжения процесса, тогда как в суде, напротив, стороны не всегда могут прекратить разбирательство в любой момент, а конфиденциальность, в принципе, невозможна, поскольку в суде существует обязательный перечень документов, которые должны быть обнаружены.

Необходимо, на наш взгляд, привести еще один весомый аргумент в пользу медиации: судебный процесс, как правило, является публичным, и по причине этических или правовых ограничений не все значимые вопросы могут быть рассмотрены в суде, тогда как в медиации стороны могут поднимать любые вопросы, имеющие отношение к конфликту. В процессе медиации посреднику легче обнаружить нераскрытые, глубинные причины конфликта и предложить нетрадиционные решения, удовлетворяющие все стороны, поскольку указанный метод не призван руководствоваться предписанными нормами.

Основными преимуществами судебной системы можно назвать применение судами права, как и любой системы социальных норм, которая ставит перед собой цель снижение конфликтности общества, используя свои специфические методы. Тем не менее, суд замыкает цепь правовых норм и институтов, работающих с конфликтом, поскольку он является последней инстанцией. Он «жестко» устраняет правовой спор, иногда переводя конфликт на новый, не всегда положительный, уровень. Как ни была бы унифицирована судебная модель, она не может быть совершенной. Таким образом, появилась необходимость во внесудебном порядке урегулирования споров и становлении альтернативных способов разрешения споров.

Основной предпосылкой развития альтернативных способов разрешения споров является низкая эффективность работы армянской судебной системы, особенно при рассмотрении отдельных категорий дел, заключающаяся в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства и других недостатках.

Как правило, с помощью суда конфликт может быть разрешен, но когда урегулировать его подобным образом не удается, тогда он хранится в

глубине сознания и эмоций конфликтующих сторон. Опасность возникновения новой вспышки и эскалации конфликта остается на продолжительное время. Соглашение, достигнутое в ходе медиации, удовлетворяет интересы каждой из сторон и способствует примирению конфликтующих сторон, в то время, как судебное решение может удовлетворить только одну из сторон, и не всегда в полном объеме.

Недостаточная эффективность работы судов не является единственным движущим фактором. Другой причиной развития альтернативных способов разрешения споров можно назвать желание сторон сберечь деловые и партнерские отношения, что вполне представляется возможным при использовании альтернативного разрешения споров. В мировой практике сложилось понимание предпочтительности примирительных процедур, так как считается, что судебное разрешение конфликта – это гласное и открытое признание вины и недобросовестности какой-либо из сторон. Поэтому урегулирование спора путем обращения в суд наносит гораздо больший вред репутации недобросовестной компании и, практически, исключает сохранение с такой стороной деловых отношений на будущее.

Формирование практики медиации в Армении осложнено неурегулированностью вопроса о формах взаимодействия медиатора и суда, что, в свою очередь, затрудняет институализацию медиации как института, призванного обеспечить снижение судебной нагрузки. За последние два года суды общей юрисдикции рассмотрели более 170000 гражданских дел [3]. Поэтому проблема снижения трудозатрат судей по рассмотрению и разрешению гражданских дел является сверхактуальной.

Чтобы задействовать ресурс примирительных процедур и начать формировать практику передачи гражданских дел на медиацию необходимо, на наш взгляд, разработать программу обучения юристов медиативным технологиям, провести научные исследования проблем интеграции медиации в юридическую деятельность, организовать широкую пропаганду и информирование граждан и организаций о преимуществах примирительных процедур. При этом наиболее значимой проблемой остается выработка организационных, процедурных, процессуальных форм реализации, «Закона о медиации РА» от 13.06 2018г., вступившего в силу в 5 июня 2018г. [4].

Изучение опыта интегрирования медиации в правовую культуру в европейских странах и США [5–13] позволило нам предложить оптимальную модель согласования примирительной процедуры (медиации) с гражданским судопроизводством и разработать ряд документальных форм взаимодействия между судом и медиаторами в РА.

Преимуществом судебной медиации может служить законодательное закрепление процессуальных гарантий прав сторон. Так, вопрос о необходимости проведения посредничества решается судом, исходя из интересов сторон и эффективности правовой защиты. Если просьба сторон не является злоупотреблением правом, суд предпринимает попытку урегулирования конфликта, и своим постановлением назначает процедуру, посредника и срок выполнения поручения.

Современная общественная и экономическая ситуация в Армении создает условия, в которых судебная система и медиация должны и могут взаимодополнять друг друга. Государство заинтересовано в сопряжении усилий судебной системы и института медиации, прежде всего, с целью совершенствования правовой системы, повышения доверия к институтам государственной власти, гармонизации деловых и общественных отношений в целом. Медиацию и суд объединяют общие задачи в виде разрешения споров, хотя данные способы урегулирования различаются по своей природе и принципам, на основании которых строится деятельность каждого института.

Необходимость комплексной интеграции медиации в работу судов РА обусловлена следующими причинами: а) институт медиации способствует защите прав и интересов граждан, предлагая упрощенную и ускоренную процедуру; б) институт медиации способствует разгрузке судебной системы и системы принудительного исполнения судебных решений.

Это происходит:

1) За счет собственно урегулирования споров с помощью процедуры медиации; часть споров, рассматриваемых в настоящее время в судах, могла бы быть урегулирована с помощью медиации в досудебном или внесудебном порядке. В случае урегулирования спора с помощью процедуры медиации после обращения в суд и принятия иска не требуется проводить судебное разбирательство и выносить решение по существу спора, составлять мотивировочную часть.

2) За счет предупреждения возникновения последующих споров в будущем между одними и теми же сторонами стороны не инициирует новых исков в суд.

3) За счет того, что большинство решений, принимаемых в результате процедуры медиации, исполняются сторонами добровольно и в дальнейшем не оспариваются и не обжалуются в суд вышестоящей инстанции.

Судебная система, поддерживая развитие альтернативных форм урегулирования споров – таких, как процедура медиации, способствует повышению уровня правовой культуры, гармонизации социальных отношений и

снижению конфликтности в обществе. Предоставляя гражданам, наряду с судебным способом защиты прав, возможность выбора медиации и иных способов урегулирования, судебная система позволяет заявителям осознанно выбрать наиболее адекватный способ урегулирования спора и защиты своих прав, в зависимости от конкретной ситуации. Таким образом, обеспечивается многообразие средств защиты прав граждан без ущемления права на судебное разбирательство, что способствует повышению доверия к суду и, в целом, к институтам государства.

Для успешной интеграции медиации в гражданское судопроизводство Республики Армении, на наш взгляд, необходим комплекс мер, в частности:

- 1) разработать процессуальные механизмы передачи спора на медиацию на стадии подготовки дела к судебному разбирательству;
- 2) разработать документальные формы передачи споров на медиацию;
- 3) разработать требования к форме и содержанию медиативного соглашения, позволяющие суду прекратить производство по делу – в связи с утверждением мирового соглашения и отказа истца от иска;
- 4) разработать программу обучения судей методикам разъяснения участникам процесса права на урегулирование спора в рамках процедуры медиации;
- 5) разработать специальную программу обучения судей медиативным технологиям, применяемым при рассмотрении гражданских дел.

Применение знаний о медиации и медиативных навыков судьями и помощниками судей содействует совершенствованию качества и повышению эффективности их работы. Владение медиативными навыками позволит работникам аппарата суда компетентно направлять стороны к процедурам медиации, содействовать примирению сторон, используя адекватные коммуникативные стратегии в потенциально конфликтных ситуациях. Судья должен иметь необходимые знания, умения и навыки, чтобы определить применимость медиации к конкретному случаю, разъяснить сторонам право на использование медиации, информировать стороны о ее особенностях, возможностях и преимуществах, направлять стороны на процедуру медиации, используя установленные процессуальные механизмы.

Для успешной реализации предложенного нами комплексного подхода необходим мониторинг нарабатываемых практикой применения медиации в Армении проблем и их обобщение. На наш взгляд, нужны и пилотные проекты создания моделей применения медиации в судах. Все предложенное позволит пошагово представить процесс интеграции медиации в гражданское судопроизводство РА.

Итак, судебная система должна сыграть ключевую роль в вопросах распространения и популяризации медиации. Предложение или направление суда на процедуру медиации, разъяснение сторонам сути данной процедуры позволит решить сразу несколько задач. С одной стороны, информируя стороны о праве обратиться к процедуре медиации и разъясняя ее суть, особенности и преимущества, суд выполняет информационно-просветительскую функцию, которая сама по себе является важной социальной миссией судьи и судебной системы в целом, как наиболее авторитетного института государственной власти – гаранта правосудия и справедливости. С другой стороны, в случае предложения провести процедуру медиации или предписания суда на медиацию стороны спора более склонны обращаться к данной процедуре, в силу уважения к суду и опасаясь негативных процессуальных последствий. Одновременно с этим, частично решается задача по стимулированию сторон к обращению к процедуре медиации в случае, когда они потенциально заинтересованы разрешить спор без судебного вмешательства, но по субъективным причинам не иницируют данный процесс самостоятельно. В целях создания основ для предоставления вариативных возможностей применения медиации как до, так и во время судебного разбирательства, необходимо развитие программ медиации при судах, в частности, создание при судах служб медиации.

Необходимо также и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей интеграцию медиации в судопроизводство, в частности:

1) расширить правовую базу в части увеличения категорий дел, в которых возможно применение медиации, в том числе распространение законодательства о медиации на административные и публичные правоотношения;

2) разработать положения о службе медиации при суде;

3) предоставить суду дополнительные правовые инструменты, позволяющие направить стороны на процедуру медиации или стимулировать стороны обратиться к процедуре медиации, в частности, установить права суда в определенных случаях, рекомендовать обратиться к процедуре медиации и предоставить права суду стимулировать стороны к обращению к процедуре медиации, используя процессуальные меры (в частности, санкции за недобросовестное уклонение от участия в процедуре медиации, за несоблюдение медиативной оговорки и пр.);

4) нормативно закрепить полномочия должностных лиц государственных и муниципальных органов участвовать в процедурах медиации, определить порядок участия и согласования принимаемых решений с уполномоченными органами;

5) создать предпосылки для развития практики досудебной медиации при условии гарантированного права на судебную защиту;

6) совершенствовать институт медиативных оговорок, в том числе придать медиативным оговоркам статус обязательного досудебного порядка урегулирования споров;

7) законодательно закрепить возможности оказания медиативных услуг на бесплатной основе определенной категории лиц в рамках оказания бесплатной юридической помощи населению;

8) совершенствовать правовой статус медиативного соглашения: определить медиативное соглашение как отдельное, особое основание для прекращения дела.

Итак, государство должно проявлять большую заинтересованность в развитии медиации в Армении и в части формирования принципиально иной культуры урегулирования споров, и в части пропаганды альтернативных способов разрешения правовых конфликтов. Необходима активизация информационной и пропагандистской работы на уровне государственных структур и органов местного самоуправления, средств массовой информации, профессиональных объединений медиаторов. На наш взгляд, медиация в Армении не приобретает должного признания, главным образом, по причине низкого уровня правовой культуры населения и наличия стереотипов относительно существующей системы судебных и внесудебных способов разрешения споров. Вероятно, это происходит из-за низкой осведомленности в обществе о практике медиации и ее преимуществах.

Таким образом, интеграция медиации в систему разрешения споров должна стать частью государственной политики, направленной на совершенствование институтов государственной власти, правовой системы, снижение нагрузки на судей, повышение доверия общества к судебной системе и правовой системе, в целом, развития культуры конструктивного, дружественного разрешения споров в различных сферах деятельности, снижение коррупционных факторов, совершенствование общественных отношений в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллахвердова О.В.* Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 4. С. 31.
2. Там же. С. 36.
3. Դատական տեղեկատվական համակարգ (доступно в Интернете по адресу <http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&page=default&tab=civil>).
4. ՀՀ օրենքը հաշտարարության մասին (доступно в Интернете по адресу: <https://www.arlis.am/documentView.aspx?docid=98072>).

5. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы относительно путей облегчения доступа к правосудию 14 мая 1981г. № R (81)7 (доступно в Интернете по адресу <http://base.garant.ru/2541415/>).
6. Commission Recommendation of 30 March 1998 on the principles applicable to the bodies responsible for out-of-court settlement of consumer disputes (доступно в Интернете по адресу: <https://eur-lex.europa.eu/%20LexUriServ/%20LexUriServ.do?uri=%20OJ:L:1998:115:0031:0034:EN:PDF>).
7. Green Paper on Alternative Dispute Resolution in civil and commercial matters (presented by the Commission), Brussels, 19.04.2002, COM(2002) 196 final (доступно в Интернете по адресу: <https://eur-lex.europa.eu/%20LexUriServ/%20LexUriServ.do?uri=%20COM:2002:0196:FIN:EN:PDF>).
8. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре (2002) (доступно в Интернете по адресу: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-conc/03-90955_Ebook.pdf).
9. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters (доступно в Интернете по адресу: <https://eur-lex.europa.eu/%20LexUriServ/%20LexUriServ.do?uri=%20OJ:L:2008:136:0003:0008:EN:PDF>).
10. Федеральный закон Австрии «О посредничестве по гражданским делам» (доступно в Интернете по адресу: <http://intermediation.narod.ru/index/0-36>).
11. Гражданское процессуальное уложение Германии. Deutsche Zivilprozessordnung mit Einfuehrungs gesetz: Ввод. закон к Гражд. процессуальному уложению: пер. с нем. / [В. Бергманн]. (доступно в Интернете по адресу: <https://books.google.am/books?id=Tfwpo-U6j9QgC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>).
12. Woolf's Final Report on July 1996 is published in full on the Department for Constitutional Affairs website.URL: <http://www.dca.gov.uk>. (доступно в Интернете по адресу: <https://web.archive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.dca.gov.uk/civil/final/index.htm>).
13. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции /Пер. с франц. В. Захватаев / Предисловие: А. Довгерт, В. Захватаев / Отв. ред. А. Довгерт. К., 2004.

INTEGRATION OF MEDIATION IN THE CIVIL PROCEEDINGS OF THE RA

H. Manukyan

ABSTRACT

The article discusses the theoretical issues of legal conflict resolution, as well as the legal issues of the implementation of the mediation procedure in the Republic of Armenia. The implementation of the RA Law "On Mediation" of June 13, 2018 and the wider use of the practice of alternative ways to overcome legal conflicts in Armenia encounter many obstacles of an objective and subjective nature. The article comprehensively addresses the issue of the relationship between mediation and civil proceedings, gives recommendations for developing an optimal model for reconciling a conciliation procedure (mediation) with civil proceedings in the Republic of Armenia.

Keywords: mediator, legal culture, voluntary model of judicial mediation, civil proceedings.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОощРИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ О ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИИ ПО УК РА И РФ

А.А. Саргсян

*Российско-Армянский университет
adelina-sargsyan@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются некоторые аспекты поощрительной нормы о деятельном раскаянии в уголовных законодательствах РА и РФ, создающие определенные трудности в правоприменительной практике, в частности, затрагивающие вопросы противоречия интересов лица, потерпевшего от преступления и принципа личной ответственности виновного; несогласованности принципа неотвратимости уголовной ответственности и гуманизации действующего уголовного законодательства, устанавливающего возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Рассматриваются также некоторые проблемы, касающиеся такого признака деятельного раскаяния, как необходимость утраты виновным общественной опасности и понятия лица, впервые совершившего преступление – с учетом законодательного регулирования этих вопросов в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, утрата общественной опасности, возмещение ущерба, освобождение от уголовной ответственности.

Современная уголовно-правовая политика Республики Армения и Российской Федерации – с учетом развития общественных отношений – одним из своих приоритетных направлений провозгласила гуманизацию действующего уголовного законодательства, приведение в соответствие целей исправления лиц, совершивших преступление, предупреждения преступности с восстановлением социальной справедливости. Положительный опыт зарубежных государств и практика показывают, что только лишь репрессивными мерами невозможно в должной степени достичь минимизации преступности в том или ином государстве, пресечения дальнейшей криминализации общества в целом. Именно с этой целью законодательства Армении и России пре-

дусмотрели институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, применение которого стимулирует положительное постпреступное поведение лиц, совершивших преступление, способствует раскрытию преступлений, характеризующихся высокой степенью латентности и предупреждению совершения новых преступлений.

Полноценное применение института деятельного раскаяния предполагает обязательное комплексное рассмотрение принципов справедливости, гуманизма, дифференциации и индивидуализации ответственности, неотвратимости ответственности и равенства в совокупности граждан перед законом. В действительности, институт деятельного раскаяния не является нарушением принципа неотвратимости уголовной ответственности. Принцип неотвратимости ответственности означает требование того, чтобы ни одно лицо, избалованное в совершении преступления, не оставалось безнаказанным. Это чрезвычайно важно для общей и специальной превенции преступлений. Несвоевременное раскрытие последних, безнаказанность преступников и пр. создают возможность для новых нарушений уголовно-правового запрета. Именно в связи с вышеизложенным важное социально-правовое значение приобретают поощрительные нормы о деятельном раскаянии, преследующие цель раскрытия преступлений, возмещения вреда, причиненного в результате преступления и дифференцированным подходом к лицам, их совершившим.

В целях исключения противоречий между соблюдением принципа неотвратимости уголовной ответственности и поощрением позитивного постпреступного поведения посредством поощрительных норм, интересным и заслуживающим заимствования является зарубежный опыт. Так, интересен подход законодателя Кыргызской Республики, совпадающий с позицией, изложенной в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ. Согласно ст. 10 УК Кыргызской Республики (Принцип неотвратимости уголовной ответственности), «Лицо, совершившее деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, подлежит наказанию и (или) другим мерам уголовно-правового воздействия. Освобождение от уголовной ответственности, наказания или его отбывания, а также замена наказания более мягким допускаются лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Аналогичное положение содержится в Уголовном кодексе Республики Беларусь, согласно ч. 4 ст. 3 которого «Каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

Далее, следующим вопросом, возникающим при реализации нормы о деятельном раскаянии, является отсутствие законодательного закрепления одного из его признаков, а именно – понятия лица, впервые совершившего преступление. Как отмечает М.Б. Кострова, «термин «лицо, впервые совершившее преступление» используется в УК РФ, начиная с первоначальной его редакции, не будучи разъясненным в тексте уголовного закона, в связи с чем всегда существуют сложности в уяснении его содержания» [1]. Сказанное в определенной степени препятствует эффективной реализации указанной поощрительной нормы, в связи с чем представляется необходимым внесение законодательных предложений с целью совершенствования правоприменительной практики и единообразного толкования рассматриваемого понятия. Единственным ориентиром для правоприменительных органов являются Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» и соответствующие решения Кассационного Суда РА, в которых дается разъяснение понятия лица, впервые совершившего преступление. Анализ отмеченных постановлений позволяет заключить, что первостепенное значение для определения понятия «лица, впервые совершившего преступление», имеет не сам факт совершения преступления, а его юридическое закрепление.

Также ни в одном УК стран СНГ, а также ряде стран, ранее входивших в состав СССР, не отражен факт совершения преступления в первый раз в жизни. Как и в УК РФ, понятия преступления, совершенного впервые, или лица, впервые совершившего преступление, имеют не фактическое, а юридическое значение, что обусловлено наличием во всех УК положений о том, что погашение или снятие судимости аннулирует (прекращает) все правовые (уголовно-правовые) последствия, связанные с осуждением [2].

Спорным, на наш взгляд, представляется положение Постановления Пленума ВС РФ, согласно которому лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, если ранее оно освобождалось от уголовной ответственности за другое преступление. Анализ «Обзора судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием» от 1 июня 2005г. позволяет заключить, что есть положительный ответ на вопрос о том, является ли лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, лицом, впервые совершившим преступление. Столь расширительное толкование поощрительной нормы представляется нецелесообразным, отнюдь не соответствующим ее сущности, и пола-

гаем, что если за ранее совершенное преступление лицо освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то признак совершения преступления «впервые» отсутствует. Применение нормы о деятельном раскаянии в отношении лица, освобождавшегося от ответственности по нереабилитирующим основаниям, приведет к нарушению принципа неотвратимости уголовной ответственности, позволяющей избегать привлечения к ней. В этой связи интерес представляет ч. 2 ст. 85 проекта нового Уголовного кодекса Республики Армения, сделавшая определенный шаг на пути к усовершенствованию нормы о деятельном раскаянии, согласно которой «Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному настоящей статьей, не может быть вновь освобождено от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному частью первой настоящей статьи».

В свете обсуждаемой проблемы необходимым является указание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [3], в котором дается определение лица, впервые совершившего преступление, применительно к ст. 76.1 УК РФ: «лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается». Данный подход представляется вполне целесообразным, однако, несмотря на это, в нем усматривается противоречие с позицией, нашедшей свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. № 19.

Пробельность законодательной регламентации нормы о деятельном раскаянии, условий ее реализации – способствует возникновению многочисленных злоупотреблений со стороны лиц, вновь и вновь совершающих преступления и избегающих уголовной ответственности, вследствие чего важное правовое и превентивное значение имеет совершенствование механизма применения института деятельного раскаяния. Смысл введения нормы о деятельном раскаянии заключается в стимулировании позитивного постпреступного поведения виновного, превенции совершения им новых преступлений и способствованию реализации цели его исправления и воспитания. В связи с этим представляется нецелесообразным многократное применение рассматриваемого средства уголовно-правового поощрения к лицу, в отношении которого не были достигнуты вышеуказанные цели. В теории уголовного права неоднократно встречаются суждения о том, что именно закон до-

пускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно [4]. Безусловно, только лишь посредством применения мер уголовной репрессии зачастую невозможно добиться снижения количества совершенных преступлений, их полной раскрываемости и достижения цели перевоспитания виновных лиц, и, как следствие этого, опираясь на международную практику в уголовно-правовой сфере, законодательство Армении и России также пошло по пути гуманизации уголовной политики и введения в действие поощрительных норм, основная цель которых – оказание позитивного мотивационного влияния на поведение лица, совершившего преступление. Однако, на наш взгляд, действие этой нормы ориентировано неприменительно к данному конкретному случаю. Предполагается, что положительные последствия для лица, совершившего преступление, в результате применения поощрительной нормы, приведут к окончательному его исправлению.

Примечательным также является отсутствие в вышеуказанных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ на категории преступлений применительно к разъяснению понятия «лица, впервые совершившего преступление». Вследствие этого возникает проблема, связанная с разрешением вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, совершившего впервые преступление небольшой тяжести, однако до этого виновного в совершении тяжкого преступления. Отсутствие четких указаний по данному вопросу в соответствующих разъяснениях Пленум Верховного Суда РФ влечет за собой возможность дискреционного подхода правоприменителя. На наш взгляд, в подобных случаях представляется совершенно нецелесообразным освобождать от уголовной ответственности, в связи с чем следует конкретизировать категории преступлений или в статьях УК, или же в соответствующих Постановлениях Пленума ВС РФ.

Определенный интерес представляет Уголовный кодекс Испании, также упоминающий о факте совершения преступления впервые. Испанский законодатель указывает в качестве одного из условий приостановления исполнения наказания «совершения преступления данным лицом в первый раз». Однако, следует отметить, что не учитываются предыдущие приговоры за преступления, совершенные по неосторожности. Позиция испанского законодателя представляется рациональной, и ранее нами уже предлагалось редакцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы изложить в следующем виде: *«Лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если оно ранее не совершило умышленного преступления...»*.

Следующим вопросом, заслуживающим внимания, является требование об утрате лицом, освобождаемым от уголовной ответственности, обще-

ственной опасности. Проблема возникает в связи с тем, что данное понятие относится к категории оценочных, избежать которых, увы, законодатель во многих случаях не в состоянии, однако, при этом, правоприменительная практика зачастую не способна обеспечить единообразное понимание и толкование понятия «лица, утратившего общественную опасность». Таким образом, рассматриваемое оценочное понятие также выступает источником судебного усмотрения.

Анализ ч. 1 ст. 75 УК РФ приводит к следующему вопросу: необходимо ли соблюдение всех условий деятельного раскаяния для признания лица утратившим общественную опасность?

Сторонниками теории антикумулятивизма или же разумного куммулятивизма, получивших соответствующую правовую регламентацию, выступают законодатели Республики Таджикистан и Республики Беларусь. Так, согласно ч. 1 ст. 72 УК Республики Таджикистан, «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало раскрытию преступления или возместило причиненный ущерб или иным образом загладило нанесенный преступлением вред». Таджикский законодатель изложил норму о деятельном раскаянии достаточно широко – с предвидением возможности признания деятельного раскаяния и при наличии совершения одного из действий, указанных в уголовно-правовой норме, тем самым, предоставив возможность большому кругу лиц воспользоваться данной поощрительной нормой.

Заслуживает внимания подход белорусского законодателя, также в определенной степени расширяющий границы применения нормы о деятельном раскаянии. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УК РБ, «Лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин».

Интересным и соответствующим идее и самой сущности деятельного раскаяния, а также правилам законодательной техники, является подход армянского законодателя, который в ст. 72 Уголовного кодекса и вовсе не упоминает о необходимости утраты общественной опасности лицом, совершившим преступление. Нами представляется совершенно излишней законодательное закрепление такого условия освобождения от уголовной ответственности, как лицо «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным», введенного в рассматриваемую уголовно-правовую норму в 2003 году Федеральным законом от 08.12.2003г. № 162-ФЗ. Само по себе предусмотренное законодателем возможности освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о снижении степени общественной опасности лица, совершившего преступление и, следовательно, нецелесообразности его привлечения к уголовной ответственности.

Однако требование утраты лицом общественной опасности создает и ряд других проблем, на которых следует остановиться. Если речь об абсолютной утрате лицом вследствие деятельного раскаяния общественной опасности, тогда логично возникает необходимость обязательного освобождения такого лица от уголовной ответственности, в то время как нынешняя редакция ст. 75 УК РФ и 72 УК РА носит дискреционный характер, и разрешение данного вопроса оставлено на усмотрение правоприменителя. В подобной ситуации представляется целесообразным изменение редакции ст.ст. 72 УК РА и 75 УК РФ, в которых следует заменить управомочивающее выражение «может быть освобождено от уголовной ответственности» на императивное обязательство «освобождается от уголовной ответственности». В обратном случае, в целях оставления за нормой характера управомочивающей, следует поступить аналогично армянскому законодателю и исключить из ч. 1 ст. 75 УК РФ формулировку «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным».

Также заслуживает внимания вопрос относительно того, свидетельствует ли наличие в постпреступном поведении лица, совершившего преступление, всех условий, перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ (ч. 1 ст. 72 УК РА), об утрате им общественной опасности? На наш взгляд, даже в подобной ситуации нельзя однозначно ответить на данный вопрос, тем более, учитывая то обстоятельство, что мы не придерживаемся позиции обязательного учета мотивов деятельного раскаяния при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности по данному основанию.

Однако некоторые авторы, в соответствии с позицией российского законодателя, также полагают, что освобождение от уголовной ответственности

сти в силу деятельного раскаяния в настоящее время основывается на выводах предположительного характера, а именно: предположений о наличии раскаяния и реальной утрате лицом в результате деятельного раскаяния общественной опасности [5]. С данным мнением трудно согласиться ввиду того, что, на наш взгляд, речь должна идти не об утрате общественной опасности, а о ее снижении. Закрепленные в ст. 75 УК РФ и ст. 72 УК РА позитивные условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием свидетельствуют об относительном снижении общественной опасности лица, совершившего преступление. Таким образом, на момент освобождения от уголовной ответственности имеет место быть снижению общественной опасности лица вследствие его добровольной явки с повинной, способствования им раскрытию и (или) расследованию преступления и возмещению вреда, причиненного преступлением.

Поскольку речь идет об относительном снижении, а не об утрате общественной опасности лица, совершившего преступление, то представляется целесообразным установление определенного испытательного срока для виновного лица с комплексом мер контроля в целях наиболее эффективного достижения целей его исправления, в соответствии с характеристиками данного лица. Так, наиболее часто авторы обращают внимание на необходимость дополнительного учета сведений о личности виновного. Так, В.К. Дуюнов предлагает дополнить ст. 75 УК РФ требованием обязательного учета положительной характеристики обвиняемого по месту жительства, учебы, работы, лечения и других учетов, а также ненахождение обвиняемого на учете в связи с отклоняющимся от социальных норм поведением [6]. Однако проблема заключается в том, что законодатель предусмотрел деятельное раскаяние в качестве безусловного основания освобождения от уголовной ответственности без возможности возложения на них определенных обязанностей или запретов, тем самым, сделав вывод об абсолютной безопасности для общества лица, совершившего преступление. В связи с чем, нами предлагается изменение редакции указанных статей Уголовного кодекса РА и РФ и закрепление в них требования не «утраты общественной опасности», а «снижения общественной опасности».

В научной литературе зачастую встречается мнение о том, что действия лица, направленные на устранение причиненного в результате совершенного им преступления вреда, свидетельствуют о том, что оно не представляет большой общественной опасности [7]. Безусловно, в определенных случаях заглаживание виновным лицом причиненного им вреда непременно выступает в качестве положительного обстоятельства, характеризующего его и

его желание устранить вредные последствия преступления. Однако вполне возможны ситуации, в которых лицо, имея финансовые возможности, возмещает ущерб, причиненный совершенным им преступлением, но сделанный им постпреступный «положительный» поступок не означает утрату им общественной опасности.

В научной литературе нет единого мнения по вопросу об объеме возмещения ущерба и заглаживания вреда, причиненного преступлением. Доминирующими являются три основные позиции, согласно которым для освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ (ч. 1 ст. 72 УК РА) необходимо: 1) полное возмещение ущерба, причиненного преступлением; 2) возмещение ущерба в объеме, определенном потерпевшем; 3) определение объема возмещения ущерба органами предварительного расследования с учетом мнения потерпевшего.

Отсутствие судебного приговора при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием делает весьма затруднительным определение действительного объема ущерба, подлежащего возмещению, в связи с чем единственно возможным ориентиром в данном случае выступает мнение потерпевшего от преступления. С нашей точки зрения, представляется неприемлемым отнесение возмещение ущерба или иного заглаживания вреда к обязательным признакам деятельного раскаяния, поскольку как бы искусственным образом сужается сфера применения рассматриваемой поощрительной нормы. Необходимо также отметить мнение ряда исследователей по этому вопросу, полагающих, что возмещение вреда, причиненного в результате преступления, является факультативным элементом деятельного раскаяния [8], несмотря на то, что условие о возмещении вреда прямо предусмотрено ст. 75 УК РФ. К сожалению, судебная практика также не выработала единого подхода к механизму применения института деятельного раскаяния.

Так, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указано: как установил суд, М. обвиняется в совершении преступления средней тяжести, ранее к уголовной ответственности не привлекался, вину признал, чистосердечно раскаялся в содеянном, активно помогал следствию и способствовал раскрытию преступления, по месту работы и жительства характеризуется исключительно положительно, имеет на иждивении малолетнего ребенка. При таких данных у суда имелись законные основания для освобождения М. от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, как это предусмотрено ч. 1 ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ. Небезынтересным является то обстоятельство, что при отсутст-

вии в данном случае возмещения вреда со стороны обвиняемого, тем не менее, Верховный Суд указал на допустимость применения в отношении виновного института деятельного раскаяния.

Противоречивость позиции судебной практики по вопросу об обязательности выполнения всех условий деятельного раскаяния, в том числе возмещение ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного в результате преступления, наблюдается также и в результате анализа обзора судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам (2-е полугодие 2009г.).

Так, приведенный в приговоре Октябрьского районного суда г. Саранска от 22 октября 2009г. вывод суда о том, что прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, возможно только при наличии совокупности всех условий, указанных в этих статьях, в том числе при наличии явки с повинной, был признан не соответствующим требованиям уголовного закона. В обзоре судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам (2-е полугодие 2009г.) указано, что по смыслу названных норм освобождение лица от уголовной ответственности и прекращение в отношении него уголовного дела возможно как при установлении всей совокупности предусмотренных ими обстоятельств, так и какого-либо одного из этих обстоятельств при условии, что оно свидетельствует о действительном деятельном раскаянии. Как следует из материалов дела, М. впервые совершил преступление средней тяжести, способствовал раскрытию преступления, вину в содеянном признал полностью, раскаялся, в полном объеме возместил причиненный вред до возбуждения уголовного дела. При таких обстоятельствах судебная коллегия сочла возможным прекратить уголовное дело ввиду деятельного раскаяния [9].

Следует отметить, что сумма ущерба, подлежащая возмещению, принципиального значения не имеет, поскольку для деятельного раскаяния значимым обстоятельством является направленность действий виновного на заглаживание причиненного вреда. Ю.В. Матвеева также указывает на второстепенное значение размера компенсации для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ: «Даже в том случае, когда потерпевший не удовлетворен размером компенсации и возражает по этой причине решению об освобождении от уголовной ответственности, его мнение должно учитываться наряду с другими обстоятельствами дела... так как прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию не умаляет право потерпевшего на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства» [10].

Е.В. Попаденко отмечает, что «в том случае, когда обвиняемый не может возместить причиненный преступлением вред, ему может быть предоставлена рассрочка выплаты возмещения вреда» [11].

Требование обязательного возмещения причиненного преступлением ущерба выступает обстоятельством, ограничивающим применение нормы о деятельном раскаянии. Так, тяжелое материальное положение виновного делает абсолютно невозможным выполнение условия о возмещении ущерба или заглаживании вреда иным образом. В связи с этим совершенно верно отмечает А.А. Житный: «Учитывая значительное социальное расслоение населения, можно предположить, что выполнение условия полного возмещения ущерба доступно для весьма ограниченного числа граждан, тогда как данное обстоятельство (возмещение вреда) является обязательным для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности деятельно раскаявшегося лица» [12]. Подобное положение дел является непонятным в силу того, что благополучное материальное состояние виновного отнюдь не свидетельствует о его пониженной общественной опасности и действительном его исправлении.

В качестве возможного выхода из рассматриваемой ситуации предлагается дополнить УК Республики Армения и Российской Федерации положениями, предоставляющими виновному некоторое время для накопления средств, необходимых для возмещения ущерба, причиненного в результате преступления. Так, например, Ю.В. Голик указывает на необходимость предусмотрения в законе возможности условного приостановления судебного разбирательства сроком до одного года, при котором обвиняемый берет на себя обязательство возместить причиненный преступлением ущерб в определенный срок [13]. Следует отметить правовое регулирование института судебного приказа о компенсации в Великобритании, связанное с расширением допустимости рассмотрения в уголовном судопроизводстве вопросов возмещения вреда от преступлений. В частности, суд определяет размер компенсации, исходя из возможностей осужденного и его материального состояния. Как отмечают исследователи, приказ о компенсации не может отдаваться на сумму, превышающую ту, которую осужденный мог бы уплатить, а при недостатке средств у осужденного для одномоментной оплаты суды вправе требовать уплаты суммы компенсации в рассрочку [14].

Определенный интерес представляет п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которому «Возме-

шение ущерба и (или) заглаживание вреда (Статьи 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами» [15]. Сказанное выдвигает на первый план проблему противоречия между принципом личной ответственности лица, совершившего преступление и личного непосредственного претерпевания негативных последствий совершенного им деяния и интересами потерпевшего и государства, нарушенными в результате совершения преступления. С одной стороны, для потерпевшего совершенно не имеет значения, чьими силами будет возмещен причиненный ему в результате преступления ущерб, а с другой стороны – поощрительная норма о деятельном раскаянии рассчитана на оказание положительное воздействия именно на лицо, совершившего преступления и предполагает его личные усилия в заглаживании последствий совершенного им преступного деяния. На наш взгляд, данное положение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, равно и как возможность уплаты штрафа родителями вместо несовершеннолетних детей, совершивших преступление, является противоречащим принципу личной ответственности и не способствуют исправлению виновного.

В завершение нашего исследования необходимо отметить определенные шаги российского и армянского законодателя на пути к совершенствованию нормы о деятельном раскаянии, нуждающиеся, однако в дополнении, а также безусловную необходимость заимствования положительного опыта некоторых зарубежных государств в вопросах, нуждающихся в дополнительной законодательной корректировке в Уголовных кодексах Республики Армения и Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кострова М.Б.* Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // “Lexrussica”. 2015. № 8. С. 73.
2. *Пархоменко Д.А.* Лицо, впервые совершившее преступление. Закон, теория, практика: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. С. 38.
3. БВС РФ. 2017. № 1.
4. *Николаев П.М., Узарбаев Р.А.* Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // «Законность». 2016. № 8. СС. 34–36.
5. *Аликперов Х., Курбанова К.* УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности... С. 55; *Аликперов Х.Д.* Освобождение от уголовной ответственности... С. 85.
6. *Дуюнов В.К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. СС. 338–339; *Хамаганова А.Х.-И.* Проблемы уголовно-правового значения данных о личности виновного при освобождении его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 54.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности – издание профессора Малинина. С-Пб: ГКА, 2008. (автор главы 2 – Коробов П.В.). С. 288.
8. Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Российская юстиция. 1999. № 12; Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М.: Воронеж, 2001; Савкин А. Распространить норму о деятельном раскаянии на совершивших преступление средней тяжести // Российская юстиция. 2002. № 5.
9. Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам (2-е полугодие 2009г.) // СПС «Гарант».
10. Матвеева Ю.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 19.
11. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. С. 97.
12. Житный А.А. Деятельное раскаяние: сравнительный анализ законодательства Беларуси, России и Украины // «Российская юстиция». 2002. № 10. С. 56.
13. Голик Ю. Институт примирения с потерпевшим нуждается в совершенствовании // «Уголовное право». 2003. № 3. С. 21.
14. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования): монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 90.
15. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

**SOME ASPECTS OF THE REALIZATION AND IMPROVEMENT
OF INCENTIVE RULES ON ACTIVE REPENTANCE
IN THE CRIMINAL CODE OF THE RA AND RF**

A. Sargsyan

ABSTRACT

The article analyzes some aspects of incentive rules on active repentance in the criminal legislation of the RA and RF, which creates certain difficulties in law enforcement practice, in particular regarding issues of conflicts of interests of the person, the victim of the crime and the principle of personal responsibility of the perpetrator; the inconsistency of the principle of inevitability of criminal responsibility and humanization of criminal legislation, which establishes the possibility of exemption from criminal responsibility in connection with active repentance. We also consider some problems related to such a sign of active repentance as the need for the perpetrator to lose public danger and the concept of a person who committed a crime for the first time, taking into account the legislative regulation of these issues in the criminal legislation of some foreign countries.

Keywords: active repentance; loss of public danger; compensation for damage; first time; exemption from criminal liability.

УДК 347

Поступила: 17.01.2020г.

Сдана на рецензию: 20.01.2020г.

Подписана к печати: 16.03.2020г.

ՄԱՆԿՈՒԹՅԱՆ ՎԱՐՈՒՅԹԻ ԿԱՍԵՑՈՒՄԸ ԳՈՐԾԻ ՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆՀՆԱՐԻՆՈՒԹՅԱՆ ԴԵՊՔՈՒՄ

Ա.Մ. Դավթյան

*Հայ-ռուսական համալսարան
davtian.lawyer@outlook.com*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Համաձայն ՀՀ «Սնանկության մասին» օրենքի, սնանկության գործերի վարումն իրականացվում է Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով, եթե «Սնանկության մասին» օրենքով այլ բան նախատեսված չէ, սակայն, Հայաստանի Հանրապետության վճռաբեկ դատարանը սնանկության գործերի կասեցման հետ կապված տվել է այն լուծումը, որը չի համապատասխանում վերը նշված նորմին և ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով սահմանված կասեցման ձևաչափին:

Հիմնաբառեր՝ սնանկ, սնանկության վարույթ, գործի կասեցում, վճռաբեկ դատարան, նախադեպ:

ՀՀ վճռաբեկ դատարանը թիվ ԵԿԴ/0074/04/09 քաղաքացիական գործով նշել է, որ «պահանջի դեմ առարկելու բավարար հիմքեր» ձևակերպումը ներառում է նաև պարտավորության հիմքերի հետ կապված նյութաիրավական վեճի առկայությունը [1]:

Հարկ ենք համարում արձանագրել այն փաստը, որ 09.04.2018 թվականին ուժի մեջ է մտել նոր՝ «Հայաստանի Հանրապետության դատական օրենսգիրք» ՀՀ սահմանադրական օրենքը, որով նախատեսվել էր ՀՀ սնանկության դատարանի ստեղծումը, և ՀՀ սնանկության դատարանը գործում է 01.01.2019 թվականից: Իսկ 09.02.2018 թվականին ընդունվել է նոր «ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրքը», որն ուժի մեջ է մտել 09.04.2018 թվականից: Նկատի ունենալով, որ տեղի են ունեցել ինչպես օրենսդրական, այնպես էլ դատարանակազմության առումով փոփոխություններ և զարգացումներ՝ գտնում ենք, որ առկա է նաև իրավունքի և դատական պրակտիկայի զարգացման խնդիր, և, ինչպես Մարդու իրավունքների Եվրոպական դատարանն է նշում ՄԻԵԿ-ի կենդանի փաստաթուղթ լինելու մասին, այնպես էլ նշված պարագայում

դատական պրակտիկան պետք է համահունչ լինի օրենսդրական զարգացումներին:

Սահմանադրական դատարանը ՄԴՈ-735 գործով որոշման մեջ արձանագրել է՝ «...պահանջի դեմ առարկելու բավարար հիմքեր» ձևակերպումը ենթադրում է, որ խոսքը վերաբերում է ոչ թե պարտապանի պարտավորության կամ կետանցի բացակայության փաստն ապացուցող հիմքերին, այլ նյութաիրավական վեճի առկայությանը, այն է՝ պարտավորության վիճելիությունը հավաստող հիմքերին: Դա բխում է օրենքի վիճարկվող նույն 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի տրամաբանությունից, որը սնանկ ճանաչելու հիմք է դիտարկում ոչ թե ընդհանրապես վճարային պարտավորությունը, այլ անվիճելի վճարային պարտավորությունը: Օրենքի 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի «ա», «բ», «գ», «դ» կետերը վերաբերում են վճարային պարտավորության անվիճելիությանը, այլ ոչ թե սնանկության հիմքերին և նպատակ չեն հետապնդում սնանկության գործը քննող դատարանին ներքաշելու նյութաիրավական վեճի լուծման գործընթացի մեջ [2]:

Քանի որ ՀՀ վճարեկ դատարանի նախադեպային որոշման համաձայն նյութաիրավական վեճի առկայությունը հնարավորություն է տալիս միջնորդել, **որպեսզի գործը կարճվի և սնանկության դիմումը մերժվի**, այլ ոչ թե Քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով նախատեսված կարգով գործը կասեցվի մինչև սնանկության դատարանի կողմից վերջնական դատական ակտ կայացնելը, հարկ ենք համարում նշել այն բացասական իրավական հետևանքները, որոնք կրում է սնանկության վարույթի կողմը:

Սնանկության դիմումը նյութաիրավական վեճի առկայության դեպքում մերժելը առանց վերջնական դատական ակտ կայացնելու և «անվիճելիության» պահանջի չիրականացման բերում է դատավարական մասնակիցների անհավասարության, մրցակցության և դատարանի մատչելիության սկզբունքների խաթարման, արդար դատաքննության իրավունքից զրկման՝

- սնանկության դիմումատուն և պարտապանը չեն լինում հավասար պայմաններում, քանի որ դիմումատուն կրում է դիմումի մերժման բացասական հետևանքները, նույնիսկ այն դեպքում, երբ ընդհանուր իրավասության դատարանը հետազայում մերժում է պարտապանի հայցադիմումը: Բացասական հետևանք են հանդիսանում նյութական հետևանքները (պետական տուրք, փաստաբանի վարձատրություն, սնանկության վարույթի ընթացում առաջացած ծախսերի հատուցում և այլն), վեճի հետ կապված հետևանքները (օրինակ՝ վաղեմության ժամկետի

լրանալը կամ պարտապանի կողմից նյութաիրավական վեճի ընթացքում գույքի վաճառքը),

- քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով նախատեսված մրցակցության սկզբունքը ևս տվյալ պայմաններում չի գործում, քանի որ պարտապանը ստանում է ավելի բարենպաստ դիրք և դիմումատուն չի կարողանում լիարժեք օգտվել իր դատավարական իրավունքներից,

- այս ամենը կարող է հանգեցնել նրան, որ սնանկության գործերով ձևավորվել է բացասական պրակտիկա, երբ կողմը, ընդամենը վիճարկելով գործարքը և չարաշահելով իր դատավարական իրավունքները, հնարավորություն է ստանում հասնել դիմումի մերժմանը:

Մտացվում է, որ տվյալ դեպքում դատարանը չի ապահովում անձանց կոնվենցիոն և սահմանադրական իրավունքը՝ արդար դատաքննության իրավունքը, որն իր մեջ ներառում է դատարանի մատչելիության սկզբունքը և «գենքերի հավասարության սկզբունքը»: Դատավարության մեկ կողմը ի սկզբանե ստանում է ավելի բարենպաստ պայմաններ, իսկ մյուսը ունենում է ոչ հավասար պայմաններում գործելու իրավիճակ:

Մարդու իրավունքների համընդհանուր հռչակագրի 7-րդ հոդվածի համաձայն՝ օրենքի առաջ բոլոր մարդիկ հավասար են և առանց որևէ խտրության օրենքի հավասար պաշտպանության իրավունք ունեն: ... [3]

Մարդու իրավունքների համընդհանուր հռչակագրի 8-րդ հոդվածի համաձայն՝ յուրաքանչյուր ոք սահմանադրությամբ կամ օրենքով իրեն տրված հիմնական իրավունքների ոտնահարման դեպքում այդ իրավունքները իրավասու ազգային դատարանների միջոցով արդյունավետ կերպով վերականգնելու իրավունք ունի: [3¹]

Մարդու իրավունքների համընդհանուր հռչակագիրը, կարևորելով մարդու իրավունքների պաշտպանությունը, ամրագրել է բոլորի հավասարությունը օրենքի առաջ սկզբունքը և ազգային դատարանների միջոցով արդյունավետ կերպով ոտնահարված իրավունքների վերականգնելու իրավունքը:

Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին կոնվենցիայի (այսուհետ նաև՝ ՄԻԵԿ) 6-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ յուրաքանչյուր ոք, երբ որոշվում են նրա քաղաքացիական իրավունքներն ու պարտականությունները կամ նրան ներկայացված ցանկացած քրեական մեղադրանքի առնչությամբ ունի օրենքի հիման վրա ստեղծված անկախ ու անաչառ դատարանի կողմից ողջամիտ ժամկետում արդարացի և հրապարակային դատաքննության իրավունք: [4]

Օրինականությունը, անկախությունը և անաչառությունը այն երեք անկյունաքարային երաշխիքներն են, որոնք ապահովվում Մարդու իրավունքների Եվրոպական կոնվենցիայով նախատեսված արդար դատաքննության իրավունքը:

Սույն հոդվածի ֆունկցիոնալ երաշխիքներին է վերաբերում նաև «զենքերի հավասարությունը»: «Զենքերի հավասարության» սկզբունքը կոչված է արգելելու կողմերից մեկի գերակշռությանը դատավարությունում [5]: Այսինքն, ՄԻԵԿ-ը, հռչակելով արդար դատաքննության իրավունքը, սահմանում է և դրա մեջ ներառում է կողմերի հավասարությունը դատավարությունում, ինչը նշանակում է հավասար իրավունքներ և հավասար պարտականություններ:

Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրության 28-րդ հոդվածի համաձայն՝ բոլորը հավասար են օրենքի առջև [6]:

Օրենքի առջև բոլորի հավասարությունը իրավահավասարության դրսեվորումն է: Ընդ որում, մարդկանց իրավական հավասարություն նշանակում է, որ մարդիկ հավասար են առհասարակ իրենց ունեցած իրավունքներով ու ազատություններով: Օրենքի առջև հավասարության սկզբունքը, ըստ էության, վերաբերում է ամբողջ իրավական համակարգին, իրավունքի բոլոր ճյուղերին՝ առանց բացառության, և, հետևաբար, ենթադրում է իրավունքի կոնկրետ ճյուղի առանձնահատկություններին համապատասխան մշակել սահմանադրական այս պահանջի իրականացման անհրաժեշտ կառուցակարգեր (մեխանիզմներ) [7]:

Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրության 63-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ յուրաքանչյուր ոք ունի անկախ և անաչառ դատարանի կողմից իր գործի արդարացի, հրապարակային և ողջամիտ ժամկետում քննության իրավունք [8]:

Արդար դատաքննության իրավունքը իր մեջ ներառում է նաև **արդարադատության մատչելիության սկզբունքը**: ՀՀ Սահմանադրական դատարանը ՄԴՈ-1257 գործի շրջանակներում արտահայտել է հետևյալ դիրքորոշումը. անձի իրավունքների ու ազատությունների դատական պաշտպանության իրավունքի իրացումը երաշխավորելու տեսանկյունից ընդհանրապես առաջնահերթ կարևոր է, թե որքանով է մատչելի (հասանելի) արդարադատությունը, ինչպիսի իրավական պայմաններ են առաջադրված դատարան դիմելու իրավունքն իրացնելու, հետևաբար, նաև դրանով պայմանավորված՝ դատավարական (քրեական, քաղաքացիական և վարչական) կոնկրետ ընթացակարգի շրջանակներում արդար, հրապարակային դատաքննությամբ անձի խախտված իրավունքներն ու ազատությունները վերականգնելու համար: Առանց անձի՝ դատարան

դիմելու կամահայտ դրսևորման, դատական պաշտպանության իրավունքի իրացումը և ընդհանրապես արդարադատության իրականացումն իրավաբանորեն անիրագործելի են: Դատարան դիմելու անձի իրավունքի իրացման երաշխավորումն իրավական առաջնահերթ նախապայման է անձի սահմանադրական իրավունքներն ու ազատությունները դատական կարգով պաշտպանելու համար: Հետևաբար, այդ հանգամանքով է պայմանավորված վեճի առարկա իրավակարգավորման սահմանադրականությունը հատկապես դատարանի մատչելիության իրավունքի համատեքստում գնահատելը [9]:

Նույն որոշման շրջանակներում ՀՀ Սահմանադրական դատարանը նշել է՝

- դատարանի (արդարադատության) մատչելիությունը կարող է ունենալ որոշակի սահմանափակումներ, որոնք չպետք է խաթարեն այդ իրավունքի բուն էությունը...:

Մարդու իրավունքների Եվրոպական դատարանը ևս հայտնել է դիրքորոշում արդարադատության մատչելիության սկզբունքի վերաբերյալ՝ նշելով, որ դատական պաշտպանության իրավունքը, որի մի մասն էլ կազմում է դատարանի մատչելիության իրավունքը, բացարձակ չէ, բայց կարող է ենթարկվել սահմանափակումների: Այնուհանդերձ, կիրառված սահմանափակումները չպետք է այն կերպ կամ այն աստիճանի սահմանափակեն անձի դատարանի մատչելիության իրավունքը, որ վնաս հասցվի այդ իրավունքի բուն էությանը: Բացի այդ, սահմանափակումը հողված 6-ի 1-ին մասին չի համապատասխանի նաև եթե կիրառված միջոցների և հետապնդվող նպատակի միջև չկա համաչափության ողջամիտ հարաբերակցություն (տե՛ս Խալֆաուին ընդդեմ Ֆրանսիայի (Khalfaoui v. France), թիվ 34791/97, պարբ. 35, ECHR 1999–IX և Պապոնն ընդդեմ Ֆրանսիայի (Papon v. France), թիվ 54210/00, պարբ. 90, ECHR 2002 VII) [10]:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 13-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ քաղաքացիական իրավունքների պաշտպանությունը, Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով սահմանված գործերի ենթակայությանը համապատասխան, իրականացնում է դատարանը կամ արբիտրաժային տրիբունալը (այսուհետ՝ դատարան) [11]:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի համաձայն՝ անձիք կարող են պաշտպանել իրենց խախտված իրավունքները օրենքով նախատեսված ցանկացած ձևով, ներառյալ՝ դատական պաշտպանությունը:

ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 13-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ քաղաքացիական դատավարությունն իրականացվում է գործին մասնակցող անձանց մրցակցության հիման վրա՝ բացառությամբ սույն օրենսգրքով նախատեսված դեպքերի [12]:

Մրցակցության սկզբունքը այն անկյունաքարային սկզբունքն է, որը տալիս է քաղաքացիական դատավարության կողմերին հավասար իրավունքներ և հնարավորություններ իրենց դատական պաշտպանությունը կառուցելու հարցում: Տվյալ դեպքում դատարանը ունի պարտավորություն այնպես կազմակերպել դատավարությունը, որ կողմերը հնարավորինս կարողանան իրագործել իրենց տրված իրավունքները և պարտականությունները:

ՀՀ վճռաբեկ դատարանը նախկինում կայացրած որոշումներում բազմիցս անդրադարձել է դատավարությունում կողմերի մրցակցության սկզբունքի ապահովմանը՝ որպես ՀՀ Սահմանադրությամբ և Կոնվենցիայով երաշխավորված յուրաքանչյուր անձի արդար դատաքննության իրավունքի իրացման կարևոր նախապայման: Մասնավորապես՝ ՀՀ վճռաբեկ դատարանն արձանագրել է, որ դատավարությունում կողմերի մրցակցության և իրավահավասարության սկզբունքները՝ կողմերի միջև «արդարացի հավասարակշռության իմաստով», սահմանադրորեն երաշխավորված արդար դատաքննության հիմնական տարրերից են՝ ուղղված կողմերի դատավարական իրավունքների լիարժեք իրականացման ապահովմանը: Այսինքն՝ այն պահանջում է, որպեսզի յուրաքանչյուր կողմին (գործին մասնակցող անձանց) տրամադրվի ողջամիտ հնարավորություն՝ ներկայացնելու իր գործն այնպիսի պայմաններում, այդ թվում՝ ապացույցներ ներկայացնելու, որոնք նրան իր հակառակորդի նկատմամբ չեն դնի էականորեն նվազ բարենպաստ վիճակում (տե՛ս, օրինակ, «Դավիթ առևտրի տուն» ՓԲԸ-ն ընդդեմ «Դվին կոնցեռն» թիվ 3-59 (ՏԴ) քաղաքացիական գործով ՀՀ վճռաբեկ դատարանի 01.02.2008 թվականի որոշումը) [13]:

Մեկ այլ որոշմամբ ՀՀ վճռաբեկ դատարանը, անդրադառնալով ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 6-րդ հոդվածի վերլուծությանը, արձանագրել է, որ քաղաքացիական դատավարությունը կողմերի իրավահավասարության հիման վրա իրականացնելու սկզբունքի էությունը կայանում է նրանում, որ դատավարության բոլոր փուլերում կողմերն օժտված են իրենց իրավունքների և օրինական շահերի պաշտպանության միջոցներ օգտագործելու հավասար հնարավորություններով (տե՛ս, Լիլիթ Գևորգյան ընդդեմ Սվետլանա Միքայելյանի թիվ

ԵԷԴ/1730/02/11 քաղաքացիական գործով ՀՀ վճռաբեկ դատարանի 05.04.2013 թվականի որոշումը) [14]:

ՀՀ վճռաբեկ դատարանը ԵԿԴ/0062/04/16 քաղաքացիական գործով նշել է, որ օրենսդրի կողմից պարտավորության անվիճելիությունն ինքնանպատակ չի սահմանվել, և ցանկացած նյութափրավական վեճի առկայության դեպքում սնանկ ճանաչելու հնարավորությունը բացառելը կարծեզրկի նման նորմի նպատակը, այն է՝ բացառել անձին սնանկ ճանաչելը մասնավորապես այնպիսի պարտավորությունների վրա հիմնված պահանջով, որը հետագայում կարող է վերանալ մեկ այլ գործի շրջանակներում կայացված ակտի հիման վրա: Այսինքն՝ նյութափրավական վեճը պետք է լինի այնպիսին, որ հնարավորություն ստեղծի պարտապանի կողմից ընդհանրապես չկատարել պարտատիրոջ պահանջը՝ անկախ նյութափրավական վեճի հիմքից [15]:

Սակայն տվյալ ձևակերպումը բերել է մեկ իրողության, երբ կողմերը, օգտվելով սույն դրույթներից, հնարավորություն են ստացել դիմել ընդհանուր իրավասության դատարան նյութափրավական վեճերով, որպեսզի սնանկության դիմումները մերժվեն:

ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 14-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ դատավարության մասնակիցները պետք է իրենց դատավարական իրավունքներից օգտվեն և իրենց դատավարական պարտականությունները կատարեն բարեխղճորեն [16]:

Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքը, 2018 թվականին մտնելով ուժի մեջ, սահմանեց նոր սկզբունք՝ **դատավարական իրավունքների չարաշահման անթույլատրելիության սկզբունքը**: Սույն սկզբունքը արգելում է քաղաքացիական դատավարության մասնակիցներին կատարել այպիսի գործողություններ, որոնք կգնահատվեն որպես իրավունքի չարաշահում:

Տվյալ դեպքում դատավարական պրակտիկան ցույց է տալիս, որ նյութափրավական վեճի առկայությունը կարող է դառնալ պատրվակ սնանկության վարույթի կարճման համար, ինչն իրենից ներկայացնում է դատավարական իրավունքների չարաշահում:

«Մասնկության մասին» ՀՀ օրենքի 1-ին հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ սնանկության գործերի վարումն իրականացվում է Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով, Հայաստանի Հանրապետության դատական օրենսգրքով և սույն օրենքով սահմանված կարգով [17]:

«Մասնկության մասին» ՀՀ օրենքի 1-ին հոդվածի 2-րդ մասի համաձայն՝ եթե սույն օրենքով սահմանված են այլ կանոններ, քան Հայաստանի Հանրապետության օրենսգրքով սահմանված են, ապա կիրառվում են այլ կանոններ, քան Հայաստանի Հանրապետության օրենսգրքով սահմանված են:

տանի Հանրապետության քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքով, ապա սնանկության գործի քննությունն իրականացվում է սույն օրենքով սահմանված կանոններով [18]:

ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 157-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ դատարանը պարտավոր է կասեցնել գործի վարույթը, եթե անհնարին է տվյալ գործի քննությունը մինչև սահմանադրական, քաղաքացիական, քրեական կամ վարչական դատավարության կարգով քննվող այլ հարցով կամ գործով եզրափակվիչ ակտ կայացնելը [19]:

Քանի որ «Սնանկության մասին» ՀՀ օրենքը չի պարունակում դրույթներ գործի վարույթը կասեցնելու մասին, ուստի տվյալ դեպքում կիրառել էն ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 157-րդ հոդվածի դրույթները:

«Սնանկության մասին» ՀՀ օրենքի 3-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 1-ին կետի «բ» ենթակետի համաձայն՝ պարտապանը դատարանի վճռով կարող է սնանկ ճանաչվել՝ հարկադրված սնանկության դիմումի հիման վրա, եթե թույլ է տվել օրենքով սահմանված նվազագույն աշխատավարձի հազարապատիկը գերազանցող անվիճելի վճարային պարտավորությունների 60-օրյա կամ ավելի ժամկետով կետանց, և վճռի կայացման պահին նշված կետանցը շարունակվում է (փաստացի անվճարունակություն): Վճարային պարտավորությունն անվիճելի է, եթե պարտապանը չի առարկում դրա դեմ կամ եթե առարկում է հիշյալ պարտավորության դեմ, սակայն՝

բ) պահանջը հիմնված է գրավոր գործարքի վրա և պարտապանը չի ապացուցում, որ տվյալ պահանջի դեմ առարկելու բավարար հիմքեր ունի (ներառյալ՝ պահանջի հաշվանցը) [20]:

Նշված նորմի վերլուծությունից պարզ է դառնում, որ եթե պահանջը հիմնված է գրավոր գործարքի վրա, ապա վճարային պարտավորությունն անվիճելի է և միայն կարող է հակառակը լինել, եթե պարտապանը ապացուցում է, որ տվյալ պահանջի դեմ առարկելու բավարար հիմքեր ունի, ընդ որում այդ դեպքում օրենքը նախատեսում է, որ դատարանը պետք է քննարկման առարկա դարձնի անվճարունակության վիճելիության հարցը:

Սույն գործով պարտապանի պահանջի դեմ առարկելու հիմքը այլ քաղաքացիական գործով վեճի առկայությունն է, որի շրջանակներում ներկայացված պահանջի բավարարման դեպքում պարտապանը չի կարող սնանկ ճանաչվել: Եթե ընդունենք պարտապանի դիրքորոշումը, ապա պարտապանը չի կարող սնանկ ճանաչվել ոչ թե ինքնին վեճի առկայության պատճառով, այլ, եթե առկա լինի օրինական ուժ ստացած

դատական ակտ, որի համաձայն դիմումատուի և պարտապանի միջև կնքված գործարքը ճանաչվել է անվավեր: Այսինքն՝ բավարար հիմք կարող է հանդիսանալ դատարանի կողմից կայացրած վերջնական դատական ակտը, այլ ոչ թե դատարանի որոշումը հայցադիմումը վարույթ ընդունելու մասին:

ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 126-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝

1. Առաջին ատյանի դատարանը մերժում է հայցադիմումի ընդունումը, եթե՝

1) գործը ենթակա չէ քննության քաղաքացիական դատավարության կարգով.

2) նույն անձանց միջև նույն առարկայի մասին և միևնույն փաստական հիմքերով գործի վերաբերյալ առկա է դատարանի՝ օրինական ուժի մեջ մտած եզրափակիչ դատական ակտ՝ բացառությամբ հայցը (դիմումը) առանց քննության թողնելու մասին որոշման.

3) նույն անձանց միջև նույն առարկայի մասին և միևնույն փաստական հիմքերով գործի վերաբերյալ առկա է արբիտրաժի վճիռ կամ ֆինանսական համակարգի հաշտարարի որոշում՝ բացառությամբ դատարանի կողմից արբիտրաժի վճռի կամ ֆինանսական համակարգի հաշտարարի որոշման հարկադիր կատարման համար կատարողական թերթ տալը մերժելու դեպքի.

4) նույն անձանց միջև նույն առարկայի մասին և միևնույն փաստական հիմքերով գործի վերաբերյալ առկա է հայցադիմումի ընդունումը մերժելու մասին որոշում.

5) հայցը ներկայացվել է սույն օրենսգրքի 140-րդ հոդվածի 4-րդ մասի պահանջների խախտմամբ [21]:

Ակնհայտ է, որ ընդհանուր իրավասության դատարանի կողմից վարույթ ընդունելու մասին որոշումը չի կարող լինել բավարար հիմք սնանկության դիմումը մերժելու համար, քանի որ ընդհանուր իրավասության դատարանը պարտավոր է գործը ընդունել վարույթ, եթե չկան ձևական խախտումներ (որի դեպքում ընդհանուր իրավասության դատարանները վերադարձնում են հայցադիմումները և ժամանակ է տրվում սխալների շտկման համար, տե՛ս՝ ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 127-րդ հոդվածը) և ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքի 126-րդ հոդվածի 1-ին մասով նախատեսված դեպքերը, այսինքն՝ գործերի ճնշող մեծամասնությունը ընդհանուր իրավասության դատարանները ընդունում են վարույթ, և դա չի կարող լինել «բավարար հիմք» գրավոր գործարքի վրա հիմնված դիմումը «անվիճելի»

չհամարելու համար, իսկ սույն հիմքով սնանկության դիմումի կարճումը հանդիսանում է մրցակցության սկզբունքի խաթարում:

Ստացվում է, որ նյութաիրավական վեճի պատրվակով կողմերը կարող են լինել անհավասար պայմաններում, կիսախտվի կողմերից մեկի իրավունքները: Քանի որ ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի կողմից արդեն իսկ առկա է նմանատիպ նախադեպ, կարծում ենք, որ իրավիճակը հարկավոր է շտկել կա՛մ Սահմանադրական դատարան դիմելով՝ պնդելով, որ ստեղծված դատական պրակտիկան հակասում է Սահմանադրությանը, կա՛մ օրենսդիրը, տեսնելով խնդիրը, պետք է փոփոխություն և լրացում կատարի «Սնանկության մասին» ՀՀ օրենքի մեջ՝ փաստացի կրկնելով ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգրքում նշված գործի կասեցման հիմքերը՝ տվյալ դեպքում դատարանի կողմից գործի քննության անհնարիությունը, մինչև քաղաքացիական, քրեական, վարչական, սահմանադրական դատարանների կողմից վերջնական դատական ակտ կայացնելը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանը թիվ ԵԿԴ/0074/04/09 քաղաքացիական գործով նախադեպային որոշում:
2. Սահմանադրական դատարանը ՍԴՈ-735 գործով որոշում:
3. Մարդու իրավունքների համընդհանուր հռչակագիր ընդունված 1948 թվականի դեկտեմբերի 10-ին:
4. Մարդու իրավունքների և հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին կոնվենցիա ընդունված 1950 թվականին:
5. Մարդու իրավունքների Եվրոպական Կոնվենցիայի մեկնաբանությունը և կիրառումը՝ ԻԳԴ Տումանով և Լ.Մ. Էնտինա:
6. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն. ընդունվել է 06.12.2015 թվականին:
7. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրության մեկնաբանություններ՝ Գ. Հարությունյան, Ա. Վաղարշյան:
8. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն. ընդունվել է 06.12.2015 թվականին:
9. ՀՀ Սահմանադրական դատարանը ՍԴՈ-1257 գործով որոշում:
10. Խալֆաուին ընդդեմ Ֆրանսիայի (Khalfaoui v. France), թիվ 34791/97, պարբ. 35, ECHR 1999-IX և Պապոնն ընդդեմ Ֆրանսիայի (Papon v. France), թիվ 54210/00, պարբ. 90, ECHR 2002 VII):
11. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք. ընդունվել է 09.02.2018 թվականին ՀՕ-110-Ն:
12. «Դավիթ առևտրի տուն» ՓԲԸ-ն ընդդեմ «Դվին կոնցեռն» թիվ 3-59(ՏԴ) քաղաքացիական գործով ՀՀ վճռաբեկ դատարանի 01.02.2008 թվականի որոշումը:
13. Լիլիթ Գևորգովան ընդդեմ Սվետլանա Միքայելյանի թիվ ԵԷԴ/1730/02/11 քաղաքացիական գործով ՀՀ վճռաբեկ դատարանի 05.04.2013 թվականի որոշումը:

14. ՀՀ վճարելի դատարանի ԵԿԴ/0062/04/16 քաղաքացիական գործով 2017 թվականի դեկտեմբերի 27-ին որոշում:
15. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք. ընդունվել է 09.02.2018 թվականին ՀՕ-110-Ն:
16. ՀՀ «Մասնկության մասին» օրենք՝ ընդունված 25.12.2006 ՀՕ-51-Ն:

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЛА ПО БАНКРОТСТВУ ПРИ НЕВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

А.М. Давтян

АННОТАЦИЯ

Согласно закону Республики Армения «О банкротстве», в Армении ведение дел по банкротству может осуществляться согласно гражданско-процессуальному кодексу. В случаях, когда закон «О банкротстве» устанавливает иные положения, нежели гражданско-процессуальный кодекс, то данный вопрос регулируется согласно закону «О банкротстве».

Гражданско-процессуальный кодекс Республики Армения устанавливает перечень факторов, при наступлении которых дело приостанавливается. Одним из подобных факторов является наличие иного дела – в гражданском, административном, уголовном или конституционном судах, которое может повлиять на исход текущего дела. В подобных ситуациях законодатель установил обязательство суда приостанавливать дела, так как без подобного окончательного судебного решения, вынесения решения по текущему делу будет невозможным.

Законодательство о банкротстве не предусматривает случаев, когда дело должно быть приостановлено. Следует отметить, что ранее дела о банкротстве рассматривал суд общей юрисдикции, но с 2019 года в Республике Армения действуют специализированные суды по банкротству.

Кассационный суд пошел по другому пути, и вместо руководства гражданско-процессуальным кодексом в ситуациях, когда при рассмотрении дела по банкротству имеется иное дело в гражданском суде (суде общей юрисдикции) постановил, что в подобных ситуациях необходимо отказывать в заявлении по делу банкротства. Кассационный суд обосновал свое решение тем, что наличие спора в ином суде относительно требования, представленного в суде по банкротству, делает данное требование соответствующим установленным законом РА «О банкротстве» положениям о наличии отсутствия достаточных оснований для возражения (опротестования) требования.

Суждения кассационного суда относительно отсутствия достаточных оснований для возражения являются рациональными, но следует их рассматривать сквозь призму конвенционных и конституционных прав сторон, принципа диспозитивности, в том числе обратить внимание на требования к исковому заявлению при представлении дела в суд общей юрисдикции.

Что же требуется для того, чтобы суд общей юрисдикции принял дело в производство? Стоит отметить, что, принимая дело в производство, суд не рассматривает обоснованность иска – это дело суда в процессе судопроизводства, но никак не на момент принятия дела в производство. Для того чтобы дело было принято в производство, необходимо соблюсти технические требования, установленные ст. 121–122 гражданского процессуального кодекса Республики Армения.

То есть, исходя из этого, можно сделать вывод, что наличие дела в суде общей юрисдикции не может считаться отсутствием достаточных оснований. Данный прецедент привел в тому, что, при наличии малейшей возможности, стороны обращаются в суды общей юрисдикции (обжаловать сделку или признать ее незаконной) для того, чтобы в заявлении по банкротству было отказано. Практически в большинстве случаев стороны обращаются в суд общей юрисдикции без наличия какой-либо весомой причины, просто имея цель задержать процесс банкротства и получить отказ в признании банкротом до момента, пока по новому делу будет вынесен окончательный судебный акт.

Получается, что подобные прецеденты привели к негативной практике, когда с стороны в судебном процессе представляются неравными. Нарушается важнейший принцип гражданского судопроизводства – диспозитивность сторон!

Лицо также лишается своего конвенционного права на справедливое судебное разбирательство, так как компонентом справедливого судебного разбирательства является принцип «равенства оружия», который из себя представляет запрет на доминирование одной из сторон в процессе судебного разбирательства. Выходит, что Европейская конвенция по правам человека, закрепляя принцип справедливого судебного разбирательства, подразумевала наличие равенства сторон, что представляет из себя наличие равных прав и равных обязанностей.

Конституция Республики Армения, помимо установления принципа равенства всех перед законом, устанавливает положение относительно права каждого на рассмотрение его судебного дела справедливо, публично и в разумные сроки со стороны независимого и беспристрастного суда.

Принцип справедливого судебного разбирательства включает в себя, в том числе, принцип доступности правосудия.

В частности, стоит отметить, что новый гражданско-процессуальный кодекс закрепил за собой новый процессуальный принцип – запрещение злоупотребления гражданскими правами. Данный принцип в процессе судопроизводства представляет из себя обязанность сторон не предпринимать таких действий, которые бы представляли из себя злоупотреблением прав граждан.

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что прецедентное решение кассационного суда, которое, на первый взгляд, вытекало из сущности законодательства по банкротству, на самом деле привело к тому, что конвенционные, конституционные пра-

ва сторон ущемляются. Также нарушается принцип диспозитивности, в том числе, стоит отметить, что данный прецедент привел к нарушению принципа запрета злоупотребления гражданскими правами в судебном процессе. Стоит подчеркнуть необходимость в подобных ситуациях руководствоваться ст. 1 и ст. 2 закона «О банкротстве» Республики Армения, которые для подобных ситуаций делают отсылку к гражданско-процессуальному кодексу Республики Армения. Помимо этого, необходимо констатировать факт, касающийся полномочий кассационного суда – обеспечивать единообразное применение закона, что призвано восполнять, в том числе, имеющиеся пробелы в законодательстве, но решение кассационного суда не может менять положение закона, а положение закона на вышеприведенном примере является достаточно очевидным.

Ключевые слова: банкрот, производство дела по банкротству, приостановление дела, Кассационный суд, прецедент.

PREVENTION OF PRODUCTION OF CASE ON BANKRUPTCY AT IMPOSSIBILITY OF CONSIDERATION OF CASE

A. Davtyan

ABSTRACT

According to the Law of the Republic of Armenia “On Bankruptcy”, in the Republic of Armenia the introduction of bankruptcy cases is carried out in accordance with the Code of Civil Procedure, unless otherwise provided by the Law on Bankruptcy. However, the Cassation Court of the Republic of Armenia on bankruptcy cases set a precedent, which does not at all correspond to the above norms and provisions of the Civil Procedure Code of the Republic of Armenia on the suppression of civil affairs.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, liquidation of cases, court of cassation, precedent.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В.А. Петросян

Российско-Армянский университет

veronika05petrosyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена изучению репродуктивных прав женщин и гендерного равенства в международном праве. Репродуктивные права являются правами женщин, и нарушения данной группы прав являются, в первую очередь, проявлением дискриминации, бедности и насилия.

В статье исследуется международно-правовое регулирование репродуктивных прав, их соотношение с такими основополагающими правами женщин, как право на равенство и свободу воли. Цель исследования – показать, как гендерный фактор непосредственно влияет на реализацию всей группы репродуктивных прав и к каким последствиям для женщин приводит несоблюдение последних. Проблематика данного вопроса осуществляется нами путем анализа конвенций и международно-правовых консенсусных документов.

Ключевые слова: репродуктивные права, гендерное равенство, гендерные стереотипы, права человека, дискриминация.

Из всех препятствий, стоящих на пути к достижению и реализации репродуктивных прав, наиболее сложными для преодоления оказались те, которые основаны на гендерном факторе. Гендерная проблематика представляет из себя набор общепринятых моделей и социальных норм, в совокупности определяющих соответствующее поведение женщин и мужчин, а также их роли и характерные особенности. Будучи предметом изучения, усвоения и утверждения в процессе социального взаимодействия людей, гендерный фактор оказывает глубокое влияние практически на все сферы жизнедеятельности индивида. Несмотря на то, что в различных условиях гендерное самовыражение может отличаться, практически, во всех обществах отношение к гендерной проблематике сводится к тому, что женщина находится в подчиненном положении у мужчины, при этом мужественность и женственность ассоциируются с определенным уровнем властных полномочий и социальным

авторитетом. В результате подобных различий женщины лишаются возможности самостоятельно и свободно принимать решения во всех сферах жизни, и, в особенности, в вопросах, связанных с репродуктивной функцией.

Репродуктивные права лежат в основе прав человека женщин. Поскольку услуги в сфере репродуктивного здоровья – это услуги, в которых женщины, в первую очередь, нуждаются в силу их различных репродуктивных возможностей, то обеспечение доступа к таким услугам в сфере репродуктивного здоровья, как аборты, контрацепция, а также услуги в сфере охраны материнства, – играют важную роль в вопросе обеспечения возможности женщинам в равной степени реализовывать свои права.

Репродуктивные права базируются на ряде фундаментальных гарантий прав человека, защищаемых как основополагающими инструментами по правам человека, так и международными и региональными договорами в данной области. Международная конференция ООН по народонаселению и развитию 1994г. провозглашает: «Репродуктивные права охватывают некоторые права человека, которые уже признаны в национальных законодательствах, международных документах по правам человека и других соответствующих документах Организации Объединенных Наций, принятых на основе консенсуса. Указанные права зиждутся на признании основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов и времени их рождения, и располагать для этого необходимой информацией и средствами, а также на праве достичь максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья. Это также включает их право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия, о чем говорится в документах по правам человека» [1].

Репродуктивные права прямо включены в две статьи Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ). Статья 12 касается равенства в праве на здоровье, предусматривая, что «государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем, чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в частности, в том, что касается планирования размера семьи» [2]. Далее, в статье 12 перечисляются специальные меры защиты женщин во время беременности, родов и в послеродовой период: «предоставление бесплатных услуг, когда это необходимо». Репродуктивные права также прямо признаются в статье 16 Конвенции КЛДЖ, которая предусматривает право принимать решения о числе детей и интервалах между их рож-

дением [3]. Эта статья защищает самостоятельность женщин в принятии решений об их репродуктивных правах, включая гарантирование доступа к информации, и требует от государств ликвидации дискриминации и обеспечения равенства женщин в браке и семейных отношениях.

Таким образом, международные нормы устанавливают, что нарушения репродуктивных прав выражаются главным образом проявлениями дискриминации и насилия. Если не осуществляются права женщин на недискриминацию и равенство, то возможности женщин делать выбор в отношении репродуктивной жизни и получать доступ к услугам в области репродуктивного здоровья ограничены. Подобная ситуация еще больше усугубляется по причине дифференцированного воздействия деторождения на жизнь и здоровье женщин, в том числе в сферах образования и занятости. В результате гендерного неравенства появляются специфические гендерные барьеры на пути осуществления прав женщин, включая системную и историческую дискриминацию, гендерные стереотипы о роли женщин как матерях, носителях и воспитателях детей, а также культурные и традиционные представления о месте женщины в обществе.

С момента первого включения гендерного равенства во Всеобщую Декларацию прав человека (далее – ВДПЧ) международные принципы в области прав человека признают право женщин на равенство [4]. Две модели равенства – формальное и фактическое, стали основными способами, с помощью которых правозащитные механизмы и суды пытаются бороться с неравенством.

Формальное равенство, которое также называют “*de jure*”-равенством, требует, чтобы государства обеспечивали равенство в законе и в обращении для всех групп, включая мужчин и женщин. Эта модель равенства подчеркивает необходимость устранения государствами различий в законах и политике, основанных на групповых характеристиках – таких, как раса или пол [5]. То есть эта модель равенства направлена на устранение стереотипов и дискриминации путем попытки создать мир, где закон относится ко всем одинаково. Принципы формального равенства были полезны для решения проблемы сохраняющегося гендерного неравенства, однако сами по себе они не достигли цели преодоления гендерных стереотипов и прекращения дискриминации в отношении женщин. Формальное равенство не решает проблемы, которая связана с исторически и социально укоренившимися гендерными ролями и стереотипами. Причиной тому является то обстоятельство, что формальное равенство базируется на равенстве в законе, а не на практике, что требует от государств воздерживаться от актов дискриминации

и преследовать их в судебном порядке, но необязательно требует от государств принятия позитивных мер по поощрению равенства.

Для борьбы с исторической и социализированной дискриминацией и барьерами, с которыми сталкиваются женщины и другие маргинализованные группы – такие, как расовые меньшинства и др., – международные органы по правам человека установили принцип фактического равенства или “defacto” равенства. Для женщин фактическое равенство направлено на устранение укоренившейся дискриминации, требующей от государств принятия позитивных мер для решения различных проблем неравенства, с которыми они сталкиваются [6]. Под «фактическим равенством» понимается требование признать наличие различных форм проявления дискриминации в жизни женщин, признание и анализ дискриминационных властных структур, включая историческую и социализированную роли женщин, гендерные стереотипы, законы и политику – и того, как эти структуры влияют на то, как отдельные лица и группы сталкиваются с дискриминацией. Также, согласно фактическому равенству, государства обязаны обеспечить принятие ими необходимых мер для активного устранения этих последствий и изменения условий, в которых возникает дискриминация.

В международных договорах по правам человека четко указывается, что обеспечение гендерного равенства является обязательством в области прав человека, которое государства должны уважать, защищать и выполнять. Три основополагающих документа по правам человека – ВДПЧ, Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) – требуют недискриминации при осуществлении всех прав, а также равного осуществления прав как мужчин, так и женщин [7]. Затем Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обеспечивает всеобъемлющую основу для решения проблемы дискриминации и неравенства по признаку пола. Статья 1 определяет дискриминацию в отношении женщин следующим образом: «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на «нет» признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, и на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой других областей [8]. Статья 2 описывает общие методы, с помощью которых государства должны ликвидировать дискриминацию, включая, в том числе, путь обеспечения равенства между мужчинами и

женщинами по закону и пути уважения, защиты и осуществления прав женщин с помощью законодательства и других средств как в государственной, так и в частной сферах [9]. Многие нормы, касающиеся репродуктивных прав и равенства, также вытекают из международных консенсусных документов, включая новаторский комплекс политических обязательств, принятый в Каире в 1994 году, – программу действий Международной конференции по народонаселению и развитию (МКНР), и в Пекине в 1995 году – Пекинскую платформу действий. Как в Пекинской платформе действий, так и в программе действий МКНР признается дисбаланс сил, который приводит к неблагоприятным последствиям для здоровья женщин. Действительно, в Пекинской платформе действий рассматривается тот факт, что «политика и программы в области здравоохранения часто увековечивают гендерные стереотипы... и могут не в полной мере учитывать отсутствие самостоятельности женщин в отношении их здоровья» [10]. В программе действий МКНР признается, что женщины должны иметь возможность принимать репродуктивные решения «без дискриминации, принуждения и насилия, как это отражено в документах по правам человека» [11].

Как признает статья 5 Конвенции КЛДЖ, обеспечение равенства женщин требует от государств решения проблемы укоренившейся дискриминации в отношении женщин, включая дискриминацию на основе гендерных стереотипов [12]. В контексте репродуктивных прав гендерные стереотипы, усиливающие традиционную роль женщин в качестве матерей и воспитателей, часто означают, что женщины лишены необходимых услуг в области репродуктивного здоровья. Решение комитета КЛДЖ в деле Л.С. против Перу содержит руководящие указания в отношении обязательства государств ликвидировать гендерные стереотипы в отношении женщин как матерей и лиц, обеспечивающих уход, в контексте обеспечения их репродуктивного равенства. Л.С. было 13 лет, когда она забеременела в результате сексуального насилия. Она попыталась совершить самоубийство, спрыгнув со крыши здания, в результате чего получила серьезные травмы позвоночника, которые потребовали срочной операции. Тем не менее, врачи отказались предоставить ей необходимую медицинскую помощь для исправления травм позвоночника, поскольку они были обеспокоены тем, что операция будет представлять опасность для плода. Только после того, как у Л.С. случился выкидыш почти три месяца спустя, она получила необходимую медицинскую помощь, и в результате она продолжает испытывать тяжелую форму физической инвалидности. Комитет КЛДЖ установил, что Перу нарушило права Л.С. на равенство и недискриминацию, ее право на здоровье и ее право быть

свободной от гендерных стереотипов, поскольку законы и политика государства фактически лишают ее доступа к необходимой медицинской помощи в связи с ее беременностью. Комитет КЛДЖ, основываясь на Статье 5, использовал рамки фактического равенства для определения нарушений права на свободу от гендерных стереотипов, отметив, что «на решение отложить операцию в связи с беременностью повлиял стереотип о том, что защита плода должна превалировать над здоровьем матери» [13].

Таким образом, защита репродуктивных прав имеет важнейшее значение для обеспечения гендерного равенства женщин с тем, чтобы они могли осуществлять самостоятельность и принимать осмысленные решения в отношении своей жизни, не ограничиваясь дискриминацией или отсутствием возможностей или возможных результатов, и без неоправданного влияния или принуждения. В этом случае фактическое равенство может также играть важную роль в анализе и устранении нарушений репродуктивных прав, поскольку фактическое равенство позволяет женщинам делать выбор в отношении их собственного репродуктивного здоровья и жизни, а также требует от государств устранения исторических причин гендерного неравенства, связанного со здоровьем.

В наши дни женщины больше, чем когда-либо, имеют возможность контролировать репродуктивную сферу своей жизни. Способность женщин делать самостоятельный выбор по поводу того, когда и сколько заводить детей, предоставило им возможность отказаться от жизни, которая полностью подчинена вынашиванию, рождению и воспитанию детей, что, в свою очередь, приведет к сокращению гендерного неравенства. Несмотря на то, что право женщин свободно выбирать число, сроки и интервалы между рождением детей в наши дни получило практически всеобщее признание, в конечном счете, на сегодняшний день большое количество женщин репродуктивного возраста в какой-то момент своей жизни сталкиваются с недостаточным доступом к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья [14]. А этот доступ в большей степени зависит от преобладающих норм гендерно обусловленного поведения.

Закрепление гендерного неравенства в социальных нормах и моделях поведения увеличивает отрицательные последствия иных препятствий на пути к реализации прав и возможностей выбора. Так как репродуктивную функцию принято считать одним из основополагающих элементов общественного идеала, который связан как с женственностью, так и мужественностью, представители обоих полов могут сталкиваться с давлением уже на ранних этапах супружеских отношений при доказательстве своей способ-

ности завести детей. Аналогичная ситуация связана также с полом ребенка, когда имеет место явно выраженное предпочтение иметь ребенка мужского пола, что, само по себе, означает глубоко укоренившиеся и несправедливые взгляды на неотъемлемую ценность жизни женщин. В подобных условиях женщины подвергаются сильному давлению и чувствуют себя обязанными родить именно сына. В случае рождения девочки женщины могут столкнуться с насилием, уходом мужа из семьи, принудительному аборт. По данной причине у женщин остается мало возможностей настоять на своем, заявить о своем мнении или сделать свой выбор, и, следовательно, их самостоятельность сильно ограничивается.

Взаимосвязь решений в репродуктивной сфере и роли, которую играет в их принятии гендерная принадлежность, выражается в том, что при реализации обоих явлений имеет место взаимодействие с другими людьми – сексуальными или романтическими партнерами, остальными членами семьи, даже сотрудниками таких учреждений, как больницы и клиники. В рамках этого взаимодействия индивидам иногда приходится поступаться своей свободной волей. В частности, важное значение при принятии решений в сексуальной и репродуктивной сфере имеют три гендерно зависимых аспекта взаимоотношений: сила личности; право голоса, то есть та степень, в какой люди способны четко выразить и отстаивать свои потребности и желания; и та степень, в какой люди имеют реальные возможности выбора [15]. В совокупности, указанные три аспекта взаимоотношений определяют степень свободы воли индивида в межличностных отношениях, отношениях с учреждением или обществом. Степень свободы воли может определяться также уровнем существующих взаимоотношений. Например, на свободу воли на индивидуальном уровне могут влиять такие факторы, как обладание знаниями об охране репродуктивного и сексуального здоровья и прав. Чем больше осведомлен человек о своих правах, тем более эффективно он может защищать свое мнение и делать самостоятельный, осознанный выбор. Свобода воли также зависит от таких факторов, как степень уважения физической неприкосновенности партнера и степень свободы выбора в отношении контрацепции. Во всех указанных взаимоотношениях существенную роль играют гендерные нормы. Они способны как укреплять, так и подрывать свободу воли во всех сферах жизнедеятельности, и, в особенности, в вопросах охраны репродуктивного и сексуального здоровья.

Нельзя отрицать тот факт, что, начиная с 1969 года и по сей день, в деле защиты репродуктивных прав был достигнут большой прогресс. Тем не менее, для дальнейшего продвижения этого прогресса следует прямо ставить

под сомнение взаимосвязь между репродуктивной функцией и гендерной принадлежностью, а также существующими патриархальными социальными нормами. На наш взгляд, эффективным средством для оказания помощи женщинам в осуществлении своих репродуктивных прав могут выступать программы охраны репродуктивного и сексуального здоровья, которые учитывают влияние гендерного фактора на степень свободы воли в рамках взаимоотношений между индивидами. Например, программы в сфере планирования семьи могут стать проводниками гендерных преобразований, способствовать более глубокому пониманию гендерного фактора, в результате чего будет обеспечено большее равенство и свобода в принятии решений в сексуальной и репродуктивной сферах жизни. Обеспечение равенства должно быть достигнуто также с помощью взаимодействия с мужчинами в качестве равноправных и полноправных партнеров, чтобы они могли вкладывать средства в свое здоровье и поддерживали самостоятельность женщин.

К инициативам, использующим этот подход, относится программа «Мобилизация мужчин», которая привела к сокращению масштабов насилия в отношении женщин в Индии, Кении и Уганде, в Нигере «Эколь-де-Мари»/или «школа для мужей», добилась значительных успехов, побуждая состоящих в браке мужчин к участию в решении вопросов, касающихся охраны сексуального и репродуктивного здоровья как их самих, так и их жен [16].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы пришли к выводу, что репродуктивные права являются неотъемлемыми правами женщин, несоблюдение которых приводит к дискриминации и подавлению воли при принятии решений в данной сфере. Чтобы реализация репродуктивных прав женщин осуществлялась в полной мере, необходимо, чтобы были искоренены гендерно обусловленные роли и их социальное воздействие в той части, которая отражается на сферу репродуктивного здоровья.

Поскольку анализ международно-правового регулирования данной группы прав выявил, что не существует комплексного, юридически обязывающего международного документа в данной сфере, то, на наш взгляд, будет целесообразным разработать подобный документ в виде конвенции. При наличии конвенции, посвященной именно данной проблематике, станет возможно, во-первых, детально регламентировать всю группу репродуктивных прав на международном уровне, и, во-вторых, конвенция будет способствовать уважению, соблюдению и ненарушению репродуктивных прав со стороны государств.

По нашему мнению, решение данной проблематики невозможно без привлечения мужчин в качестве партнеров и защитников в поддержании

репродуктивных прав женщин. Поэтому необходимо предусмотреть международные обязательства по вовлечению мужчин для поддержки репродуктивных прав женщин в рамках национальной политики, стратегий и руководящих принципов – таких, как национальные стратегии в области репродуктивного здоровья и ВИЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Programme of Action of the International Conference on Population and Development, Cairo, Egypt, Sept. 5–13, 1994, para. 7.3, U.N. Doc. A/CONF.171/13/Rev.1 (1995).
2. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 entry into force 3 September 1981, in accordance with article 27(1).
3. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 entry into force 3 September 1981, article 16.
4. Universal Declaration of Human Rights, adopted Dec. 10, 1948, art. Preamble, G.A. Res. 217A (III), U.N. Doc. A/810 at 71 (1948) (“Whereas the peoples of the United Nations have in the Charter reaffirmed their faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person and in the equal rights of men and women and have determined to promote social progress and better standards of life in larger freedom...”).
5. Committee on Economic, Social and Cultural Rights (ESCR Committee), General Comment No. 16: The equal right of men and women to the enjoyment of all economic, social and cultural rights (Art. 3), (34th Sess., 2005), in *Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies*, para. 7, U.N. Doc. HRI/GEN/1/ Rev.9 (Vol. I) (2008)
6. Catherine Albertyn, Sandra Fredman & Judy Frank, “Introduction: Substantive Equality, Social Rights, and Women: A Comparative Perspective”, 23 *S. Afr. J. on Hum. Rts.* 209, 209 (2007).
7. Universal Declaration, preamble; International Covenant on Civil and Political Rights, adopted Dec. 16, 1966, art. 3, G.A. Res. 2200A (XXI), U.N. GAOR, 21st Sess., Supp. No. 16, U.N. Doc. A/6316 (1966), 999 U.N.T.S. 171 (entered into force Mar. 23, 1976); International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted Dec. 16, 1966, art. 3, G.A. Res. 2200A (XXI), U.N. GAOR, Supp. No. 16, U.N. Doc. A/6316 (1966) (entered into force Jan. 3, 1976).
8. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 entry into force 3 September 1981, article 1.
9. The report of Center for reproductive rights “Substantive equality and reproductive rights: A briefing paper on aligning development goals with human rights obligations”, 2014.
10. Beijing Declaration and the Platform for Action, Fourth World Conference on Women, Beijing, China, Sept. 4–15, 1995, para. 1, U.N. Doc. A/CONF.177/20 (1996).
11. Programme of Action of the International Conference on Population and Development, Cairo, Egypt, Sept. 5–13, 1994, para. 7.2, U.N. Doc. A/CONF.171/13/Rev.1 (1995).
12. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979 entry into force 3 September 1981, article 5.

13. L.C. v. Peru, Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW Committee), Commc'n No. 22/2009, U.N. Doc. CEDAW/C/50/D/22/2009 (2011).
14. CEDAW Committee, General Recommendation No. 24: Article 12 of the Convention (women and health), (20th Sess., 1999), in *Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies*, para. 11–12, U.N. Doc. HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. II) (2008)
15. The report of UNFPA state world of population 2019 “Unfinished business – the pursuit of rights and choices for all”. PP. 89–90.
16. The report of UNFPA state world of population 2019 “Unfinished business – the pursuit of rights and choices for all”. P. 92.

WOMEN'S REPRODUCTIVE RIGHTS AND GENDER EQUALITY IN INTERNATIONAL LAW

V. Petrosyan

ABSTRACT

This scientific article is devoted to the study of women's reproductive rights and gender equality in international law. Reproductive rights are women's rights, and their violations are primarily manifestations of discrimination, poverty and violence.

The article examines the international legal regulation of reproductive rights, their relationship with such fundamental rights of women as the right to equality and freedom of will. The author's goal is to show how the gender factor directly affects the realization of the entire group of reproductive rights and the consequences for women of non-compliance with these rights. The author deals with this issue by analyzing conventions and international legal consensus documents.

Keywords: reproductive rights, gender equality, gender stereotypes, human rights, discrimination.

ЭКОНОМИКА

УДК 338

Поступила: 18.02.2020г.

Сдана на рецензию: 20.02.2020г.

Подписана к печати: 19.04.2020г.

ՀԱՆՔԱՐԴՅՈՒՆԱԲԵՐՈՒԹՅԱՆ ՈԼՈՐՏԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ. ՎԻՃԱԿԱԳՐԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿ

Ա. Գ. Ավետիսյան

Հայ-ռուսական համալսարան

ani.avetisyan@rau.am

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Բնական պաշարները մի շարք երկրների համար դառնում են տնտեսական աճի հիմնական գործոնը՝ ապահովելով արտահանման մեծ ծավալներ, ներդրումների ներհոսք, աշխատատեղեր և պետական բյուջեի մուտքեր՝ հարկերի տեսքով: Բնական պաշարներից կախում ունեցող երկրների ցանկում առկա է նաև Հայաստանը: Հանքարդյունաբերությունը՝ ոլորտում զբաղվածության, ինչպես նաև գործող կազմակերպությունների կողմից վճարված հարկերի քանակով առաջատար չէ՝ տնտեսության մի շարք այլ ճյուղերի համեմատ: Սակայն, ոլորտի դերը էական է արտահանման տեսանկյունից: Վիճակագրությունը փաստում է, որ Հայաստանում արտահանումը բավականին կենտրոնացված է. արտահանման ապրանքային կառուցվածքում հանքահումքային և պատրաստի սննդի արտադրանքը միասին կազմում են արտահանման ծավալների գրեթե կեսը: Այսպիսով, արտահանման ծավալները դրամական արտահայտությամբ էապես կախված են արտաքին շուկաներում հանքահումքային արտադրանքի գներից: Հանքարդյունաբերության ոլորտը նկարագրող այս և մի շարք այլ տնտեսական ցուցանիշների վերլուծությունը ներկայացված է սվյալ հոդվածում:

Հիմնաբառեր՝ հանկարդունաբերություն, հարկեր, արտահանում:

Համաշխարհային պատկերը

Համաշխարհային տնտեսության զարգացման միտումները փաստում են, որ ժամանակակից աշխարհում մրցունակություն պահպանելու ամե-

նակարևոր գրավականը տեղեկատվական տեխնոլոգիաները զարգացնելն է ու նոր թվային լուծումներ գտնելը: Դրա հետ մեկտեղ մի շարք երկրներում մեծ դերակատարություն ունի նաև հանքարդյունաբերության ոլորտը: Որոշ երկրների համար հենց բնական պաշարներն են դառնում տնտեսական աճի հիմնական գործոնը՝ ապահովելով արտահանման մեծ ծավալներ, ներդրումների ներհոսք, աշխատատեղեր և պետական բյուջեի մուտքեր՝ հարկերի տեսքով: Այսպիսով, նման երկրները մեծապես կախված են նաև համաշխարհային շուկաներում ձևավորվող բնական պաշարների գներից: Այս ամենը հաշվի առնելով՝ անհրաժեշտություն է առաջանում հանքարդյունաբերության ոլորտի կառավարման արդյունավետ մոդել մշակելու, ինչը երկրների մեծամասնությանը չի հաջողվում¹: International Council on Mining and Metals միջազգային կազմակերպությունն՝ ըստ իր վերլուծաբանների կողմից հաշվարկած Mining Contribution Index 2018 [1] ցուցանիշի², առանձնացնում է բնական պաշարներից կախում ունեցող 25 երկիր, որոնց շարքում են մեծամասամբ ցածր և միջինից բարձր եկամուտ ունեցող երկրները, այդ թվում նաև Հայաստանը, որն իր տվյալներով զբաղեցնում է 14 հորիզոնականը: Միևնույն ժամանակ առանձնացված է մեկ այլ ցուցակ՝ Top 20 Countries Ranked on Production Value of Metallic Mineral and Coal, որի կազմում են հիմնականում միջինից բարձր և բարձր եկամուտ ունեցող երկրները, այդ թվում՝ հանքարդյունաբերական արտադրանքի այնպիսի առաջատարներ, ինչպիսիք են Չինաստանը, ԱՄՆ-ը, Ռուսաստանը, Կանադան և Ավստրալիան [2]:

2017թ. տվյալներով՝ Հայաստանը մոլիբդենի արտադրության ծավալներով զբաղեցնում էր 7-րդ հորիզոնականը մոլիբդեն արտադրող երկրների ցանկում (1,74%), պղնձի արտադրության ծավալներով՝ 23-րդ հորիզոնականը (0,48%), ոսկու՝ 54-րդ հորիզոնականը (0,14%): Համեմատելով վերոնշյալ երկրների արտադրության ծավալները՝ հարկ է նշել, որ, ըստ Համաշխարհային բանկի տվյալների³, 2018թ. դրությամբ արդյու-

¹ Աղբյուրը՝ Mining Contribution Index/International council on Mining and Metals, <https://www.icmm.com/en-gb/society-and-the-economy/role-of-mining-in-national-economies/mining-contribution-index#>

² Այս և հողվածում ներկայացված բոլոր վիճակագրական տվյալները պաշտոնական աղբյուրներում հասանելի ամենավերջին տվյալներն են: Տվյալների համադրելիությունն ապահովելու համար տվյալների մեծամասնության վերլուծությունը ներկայացված է 2018թ.-ի կտրվածքով՝ տարեկան ցուցանիշները վերլուծելու նպատակով:

³ Աղբյուրը՝ Համաշխարհային բանկի տվյալների բազա, <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS>

նաբերական ոլորտում⁴ ստեղծված ավելացված արժեքի տեսակարար կշիռն երկրի համախառն արտադրանքի մեջ կազմում էր Չինաստանում՝ 40,65%, Ռուսաստանում՝ 32%, Ավստրալիայում՝ 24%, ԱՄՆ-ում՝ 18%, Հայաստանում՝ 25%: Միննույն ժամանակ, բնական պաշարներից գոյացող ռենտան երկրում արտադրված համախառն ներքին արդյունքի մեջ 2017թ. դրությամբ կազմում էր համապատասխանաբար Ռուսաստանում՝ 10,7%, Ավստրալիայում՝ 7,2%, Հայաստանում՝ 5,8%, Կանադայում՝ 1,7%, Չինաստանում՝ 1,5% և ԱՄՆ-ում՝ 0,5%⁵:

Հանքարդյունաբերության ոլորտից Հայաստանի տնտեսության կախվածությունը գնահատելու համար հարկ է անդրադառնալ մի շարք համապատասխան տնտեսական ցուցանիշների: Ազգային վիճակագրական կոմիտեի տվյալների համաձայն՝ 2018թ. ընթացքում երկրում արտադրված ապրանքների և ծառայությունների ընդհանուր արժեքը՝ ներքին համախառն արդյունքը, աճել է 5,2%-ով՝ 6՝ 2017թ. համեմատ: Նշված տարիների ընթացքում ՀՆԱ-ի տոկոսային կառուցվածքն էսպես չի փոխվել. երկրում արտադրությանը մեծապես նպաստել են գյուղատնտեսությունը, մշակող արդյունաբերությունը և առևտուրը՝ ընդհանուր առմամբ ապահովելով համախառն արտադրանքի գրեթե 40% (տե՛ս Աղյուսակ 1): 2017թ. դրությամբ զբաղվածների մեծամասնությունն ընդգրկված է եղել գյուղատնտեսության, առևտրի և կրթության ոլորտներում:

Հանքարդյունաբերության ոլորտը, որի շրջանակում 2017թ. դրությամբ գործում էր ընդհանուր առմամբ 79 կազմակերպություն⁷ (որից 11՝ միջին և խոշոր⁸), որոնք ապահովում էին երկրի արտադրանքի 2,9%-ը՝ ստեղծելով աշխատատեղեր զբաղվածների 0,9%-ի համար, իր բացարձակ արժեքով կազմում էր 9200 մարդ: Այս ոլորտում աշխատողները պատկանում էին երկրում ամենաբարձր վարձատրվող աշխատողների

⁴ Ծինարարությունը ներառյալ:

⁵ Աղբյուրը՝ Համաշխարհային Բանկի տվյալների բազա, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS>

⁶ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, ժամանակագրական շարքեր, <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=01001&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA>

⁷ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի վիճակագրական տարեգիրք 2018», «Արդյունաբերություն» բաժին, էջ 273, <https://www.armstat.am/file/doc/99510793.pdf>

⁸ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի վիճակագրական տարեգիրք 2018», «Ֆինանսներ» բաժին, էջ 400, <https://www.armstat.am/file/doc/99510818.pdf>

խմբին. իրենց միջին ամսական աշխատավարձը կազմում էր 409 312 դրամ (տե՛ս Աղյուսակ 1):

<i>Աղյուսակ 1. ՀՀ համախառն արտադրանքի և աշխատաշուկայի ցուցանիշներ</i>			
	ՀՆԱ-ի արտադրության կառուցվածքը, տոկոս ընդամենի նկատմամբ ⁹	գբադվածներն՝ ըստ տնտեսական գործունեության տեսակների՝ ընդամենի նկատմամբ, % ¹⁰	միջին ամսական անվանական աշխատավարձն՝ ըստ տնտեսական գործունեության տեսակների, ՀՀ դրամ ¹¹
	2018	2018	2018
գյուղատնտեսություն, անտառային տնտեսություն և ձկնորսություն	13,7	24,8	118090
հանքագործական արդյունաբերություն և բացահանքերի շահագործում	2,9	1	439016
մշակող արդյունաբերություն	11,3	10,2	158847
էլեկտրականության, գազի, գոլորշու և լավորակ օդի մատակարարում	3,7	2,2	258594
ջրամատակարարում, կոյուղի, թափոնների կառավարում և վերամշակում	0,5	0,4	156376
շինարարություն	6,6	4,4	185007
մեծածախ և մանրածախ առևտուր. ավտոմեքենաների և մոտոցիկլետների նորոգում	11,3	12	127213
փոխադրումներ և պահեստային տնտեսություն	3,2	4,5	171360

⁹ Աղբյուրը՝ ՀՀ Կենտրոնական բանկ, իրական հատվածի վիճակագրություն, <https://www.cba.am/am/SitePages/statrealsector.aspx>

¹⁰ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի վիճակագրական տարեգիրք 2019», «Զբաղվածություն» բաժին, էջ 73, <https://www.armstat.am/file/doc/99516743.pdf>

¹¹ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի վիճակագրական տարեգիրք 2019», «Կենսամակարդակ» բաժին, էջ 99, <https://www.armstat.am/file/doc/99516748.pdf>

կացության և հանրային սննդի կազմակերպում	1,8	2,7	97685
տեղեկատվություն և կապ	3,2	2,3	395163
ֆինանսական և ապահովագրական գործունեություն	5,3	1,6	383330
անշարժ գույքի հետ կապված գործունեություն	7,9	0,3	127912
մասնագիտական, գիտական և տեխնիկական գործունեություն	1,2	1,8	182395
վարչարարական և օժանդակ գործունեություն	1,0	0,5	128610
պետական կառավարում և պաշտպանություն. պարտադիր սոցիալական ապահովագրություն	4,2	9,2	243925
կրթություն	2,6	11,3	116817
առողջապահություն և բնակչության սոցիալական սպասարկում	4,2	5,4	147850
մշակույթ, զվարճություններ և հանգիստ	5,7	1,9	135172
սպասարկման այլ ծառայություններ	0,9	3,2	116897
տնային տնտեսությունների գործունեություն որպես գործատու. տնային տնտեսություններում չտարբերակված ապրանքների և ծառայությունների արտադրություն սեփական սպառման համար	0,0	0,5	-
այլ	8,8	-	-

Բացի զբաղվածությունից, հանքարդյունաբերության ոլորտը դրանից կախում ունեցող երկրներում ապահովում է նաև հարկային եկամուտներ, արտահանման մեծ ծավալներ և ներդրումներ:

Առհասարակ, ցանկացած երկրի պետական բյուջեի եկամուտների մեծ մասը կազմում են հարկերը՝ ուղղակի և անուղղակի: Առաջին տեսակի հարկերը վճարում է հարկման օբյեկտի սեփականատերը՝ դրանք

գանձվում են եկամուտից կամ ունեցվածքից (օրինակ՝ եկամտային հարկը և շահութահարկը): Երկրորդ տեսակի հարկերը գանձվում են վերջնական սպառողից և ներառվում ապրանքի գնի մեջ (օրինակ՝ ավելացված արժեքի հարկը): Ելնելով հարկերի երկու տեսակների բնույթից՝ կարելի է ենթադրել հետևյալը. ուղղակի հարկման պարագայում տնտեսական սուբյեկտները կարող են հակված լինել թաքցնելու կամ նվազեցնելու իրենց եկամուտներն ավելի քիչ հարկ վճարելու համար: Անուղղակի հարկման դեպքում հարկերից խուսափելը շատ ավելի դժվար է. հարկ չվճարելու համար պետք է առհասարակ հրաժարվել ապրանքներ գնելուց: Այն երկրներում, որտեղ հարկային դաշտում գտնվելը շահավետ է հարկ վճարողի համար, ուղղակի հարկերի տեսակարար կշիռը բավականին մեծ է: Ցածր և միջին եկամուտ ունեցող երկրներում սովորաբար հակառակն է՝ մարդիկ նախընտրում են թաքցնել իրենց իրական եկամուտները, սակայն ապրանք կամ ծառայություն գնելու պարագայում միանշանակ վճարում են անուղղակի հարկերը:

Հայաստանի Հանրապետության բյուջեի եկամուտների գրեթե կեսը ձևավորվում է անուղղակի հարկերի շնորհիվ, ընդ որում՝ ավելացված արժեքի հարկը կազմում է ընդհանուր բյուջետային մուտքերի երրորդ մասը:

Աղյուսակ 2. Պետական բյուջեի եկամուտներ¹²

	2017թ. հունվար-դեկտեմբեր		2018թ. հունվար-դեկտեմբեր		2019թ. հունվար-սեպտեմբեր	
	մլն դրամ	տոկոս	մլն դրամ	տոկոս	մլն դրամ	տոկոս
ընդամենը, այդ թվում՝	1 237 155,5	100	1 340 948,9	100	1 148 139	100
ԱԱՀ	408 784,1	33	438 219,2	32,7	388 303,2	34
ակցիզային հարկ	82 326,5	6,7	108 961,8	8,1	93 345,8	8
շահութահարկ	109 977,2	8,9	170 086,9	12,7	201 154,8	18
պետական տուրք	37 125,5	3	37 861,8	2,8	29 974,0	3
մաքսատուրք	72 564,8	5,9	80 235,9	6	65 854,8	6

¹² Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական իրավիճակը 2018թ. հունվար-դեկտեմբերին», հարկաբյուջետային հատված, էջ 115, <https://www.armstat.am/file/doc/99516748.pdf> https://www.armstat.am/file/article/sv_12_18a_211.pdf

բնապահպանական և բնօգտագործման վճարներ	40 119,0	3,2	54 249,3	4	45 249,3	4
Հաստատագրված վճարներ	3 594,9	0,3	282,6	0	0	0
Չբջանառության հարկ	18 291,2	1,5	21 339,3	1,6	23 179,8	2
Եկամտային հարկ	341 266,1	27,6	356 585,3	26,6	335 224,3	29
սոցիալական վճարումներ	15 816,3	1,3	17 380,6	1,3	13 850,2	1
այլ հարկեր	28 222,8	2,3	27 999,4	2,1	19 669,5	2
հարկերի անցումային գերավճար	-	-	-55 306,0	-4,1	-136 659,0	-12
այլ եկամուտներ	64 936,8	5,2	72 517,8	5,4	59 684,0	5
պաշտոնական դրամաշնորհներ	14 130,3	1,1	10 534,9	0,8	9 308,2	1

2018թ. դրությամբ շահութահարկը կազմել է ընդհանուր եկամուտների 12,7%, եկամտային հարկը՝ 26,6%, իսկ բնապահպանական և բնօգտագործման վճարները՝ 4%: Վերջիններս սահմանվում են որպես «պետական սեփականություն համարվող բնական պաշարների արդյունավետ և համալիր օգտագործման, ինչպես նաև բնական պաշարների օգտագործումը փոխհատուցելու նպատակով այդ պաշարների օգտագործման համար ... Հայաստանի Հանրապետության պետական բյուջե վճարվող վճար» [3]: Այս վճարների տեսակից է ռոյալթին, որը վերաբերում է մետաղական օգտակար հանածոներին և որի դրույքաչափը կախված է¹³ կազմակերպության շահույթից և իրացման շրջանառությունից [4]: Համաձայն Համաշխարհային քանկի կողմից հրապարակված զեկույցի՝ Հայաստանում ռոյալթիի հաշվարկի մեթոդաբանությունն ավել-

¹³ Նույնը, հոդված 209, <http://taxinfo.am/1-%D5%A2%D5%B6%D6%85%D5%A3%D5-BF%D5%A1%D5%A3%D5%B8%D6%80%D5%AE%D5%B4%D5%A1%D5%B6-%D5-%BE%D5%B3%D5%A1%D6%80>

լի բարդ է՝ համեմատած մի շարք այլ երկրների հետ, քանի որ հաշվարկային բանաձևն իր մեջ պարունակում է թե՛ շահութաբերության ցուցանիշը և թե՛ իրացման ծավալները: Բացի այդ, բանաձևը ենթադրում է ռոյալթիի վճարում անգամ շահույթի բացակայության դեպքում: Վճարման ենթակա հաստատուն 4%-ը համարվում է, այնուամենայնիվ, ավելի բարձր՝ համեմատած մի շարք այլ երկրների հետ [5]:

Ընդհանուր առմամբ, 2010-2015թթ. ընթացքում հանքարդյունաբերության ոլորտը Հայաստանի պետական բյուջեի եկամուտների ձևավորման մեջ ունեցել է միջինում 4,25% մասնաբաժին (տե՛ս աղյուսակ 3):

<i>Աղյուսակ 3. ՀՀ հանքարդյունահանող կազմակերպությունների կողմից վճարված հարկերի մասնաբաժինն ընդհանուր հարկային եկամուտներում՝ տոկոս¹⁴</i>				
տարի	ընդամենը հարկային վճարներ	ուղղակի հարկեր (այդ թվում՝ շահութահարկ, եկամտահարկ)	անուղղակի հարկեր (այդ թվում՝ ԱԱՀ, ակցիզային հարկ)	այլ հարկեր, սուրքեր և պարտադիր վճարներ
2010	2,5	0,9	0,8	0,9
2011	4,7	2,4	1,2	1,1
2012	5,0	2,0	1,3	1,7
2013	5,3	2,4	1,0	2,0
2014	3,8	1,6	1,0	1,2
2015	4,2	1,6	0,8	1,8
2010-2015թթ. միջին՝	4,25	1,81	1,00	1,45

Հիմք ընդունելով «Առաջին 1000 խոշոր հարկ վճարողների և նրանց կողմից հարկային տարվա ընթացքում վճարված հարկերի մեծությունների»¹⁵ ցանկի տվյալները՝ 2018թ. համար կարելի է հաշվարկել հանքարդյունաբերության ոլորտում գործող կազմակերպությունների՝

- ընդհանուր մուտքերի մասնաբաժինը բյուջեի ընդհանուր եկամուտներում՝ 7%,

¹⁴ Աղբյուր՝ «Հանքարդյունաբերության ոլորտի զարգացման հայեցակարգին հավանություն տալու մասին», ՀՀ կառավարության նիստի արձանագրությունից քաղվածք, 24 օգոստոսի 2017 թվականի N 36, <http://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=91380>

¹⁵ Աղբյուր՝ ՀՀ պետական եկամուտների կոմիտե, <http://www.petekamutner.am/Content.aspx?itn=tsTILists>

- շահութահարկի գծով մուտքերի մասնաբաժինը շահութահարկի գծով ընդհանուր եկամուտներում՝ 18,3%,
- եկամտային հարկի գծով մուտքերի մասնաբաժինն եկամտային հարկի գծով ընդհանուր եկամուտներում՝ 4,8%:

Շատ ավելի զգալի է հանքարդյունաբերական ոլորտի դերը ներդրումների և արտաքին առևտրի հարցում: Ներդրումների վերաբերյալ վիճակագրությունը փաստում է, որ օտարերկրյա ուղղակի ներդրումների մասով այս ոլորտում զգալի ներհոսք էր նկատվել 2005թ. և 2012թ., սակայն 2005թ. այդ թիվը կազմել էր ընդհանուր օտարերկրյա ներդրումների գրեթե 40%-ը, իսկ 2012թ.՝ գրեթե 15%-ը [6]:¹⁶ Արտաքին առևտրի վիճակագրությունը փաստում է, որ հանքահումքային արտադրանքի արտահանման ծավալները 2017թ. հունվար-դեկտեմբեր ամիսների դրությամբ¹⁷ կազմել են 675,9 մլն ԱՄՆ դոլար, իսկ 2018թ. նույն ժամանակահատվածի դրությամբ՝ 644,4 մլն ԱՄՆ դոլար՝ ապահովելով 2017թ. արտահանման ընդհանուր ծավալների 30%-ը, իսկ 2018թ.՝ 26,7%-ը:

Աղյուսակ 4. Արտաքին առևտրի ապրանքային կառուցվածքը՝ արտահանման երեք ծավալների առաջատարները

	արտահանում			ներմուծում		
	2017թ. հունվար-դեկտեմբեր	2018թ. հունվար-դեկտեմբեր	2019թ. ¹⁸ հունվար-սեպտեմբեր	2017թ. հունվար-դեկտեմբեր	2018թ. հունվար-դեկտեմբեր	2019թ. հունվար-սեպտեմբեր
ընդամենը	100	100	100	100	100	100
Հանքահումքային արտադրանք	30,2	26,7	28,2	15,7	14,5	15,5

¹⁶ Նույնը

¹⁷ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական իրավիճակը 2018թ. հունվար-դեկտեմբերին», արտաքին հատված, էջ 132, https://www.armstat.am/file/article/sv_12_18a_411.pdf

¹⁸ Աղբյուրը՝ ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, «Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական իրավիճակը 2019թ. հունվար-դեկտեմբերին», արտաքին հատված, էջ 125, https://www.armstat.am/file/article/sv_09_19a_411.pdf

պատրաստի սննդի արտադրանք	23,4	22,9	22,6	8,6	8,1	7,6
ոչ թանկարժեք մետաղներ և դրանցից պատրաստված իրեր	12	12,3	10,5	7,1	6,9	6,4

Վիճակագրությունը փաստում է, որ Հայաստանում արտահանումը բավականին կենտրոնացված է. արտահանման ապրանքային կառուցվածքում հանքահումքային և պատրաստի սննդի արտադրանքը միասին կազմում են արտահանման ծավալների գրեթե 50%-ը: Ակնհայտ է նաև, որ արտահանման ծավալները դրամական արտահայտությամբ էապես կախված են արտաքին շուկաներում հանքահումքային արտադրանքի գներից:

Ելնելով վիճակագրական տվյալներից՝ հենց արտաքին առևտրի ցուցանիշներն են, որ մեծապես կախված են բնական պաշարներից: Այսպիսով՝ կարելի է եզրակացնել, որ Հայաստանում առկա է արտահանման դիվերսիֆիկացման խնդիր՝ հնարավոր ռիսկերից խուսափելու, ինչպես նաև հանքարդյունաբերության ոլորտից կախվածությունը նվազեցնելու նպատակով:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Role of mining in national economies. Mining Contribution Index Report. 2018. 16 pp. P. 2, https://www.icmm.com/website/publications/pdfs/social-and-economic-development/181002_mci_4th-edition.pdf
2. Reichl, C, Schatz, M. World Mining Data 2019. Vol. 34. Vienna. 2019. 262p., <https://www.world-mining-data.info/wmd/downloads/PDF/WMD2019.pdf>
3. ՀՀ հարկային օրենսգիրք, բաժին 10, հոդված 197, <http://taxinfo.am/1-%D5%A2%D5-%B6%D6%85%D5%A3%D5%BF%D5%A1%D5%A3%D5%B8%D6%80%D5%AE%D5%B4%D5%A1%D5%B6%D5%BE%D5%B3%D5%A1%D6%80>
4. Նույնը, հոդված 209:
5. Armenia: Strategic Mineral Sector Sustainability Assessment / World Bank Report. 2016. P.52, <http://documents.worldbank.org/curated/en/289051468186845846/pdf/106237-WP-P155900-PUBLIC.pdf>

ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В АРМЕНИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

А.Г. Аветисян

АННОТАЦИЯ

Для поддержания конкурентоспособности в современной мировой экономике необходимо развитие и внедрение цифровых технологий и поиск инновационных решений во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем, для многих стран существенную роль играет добывающая промышленность. Наличие природных ресурсов является одним из основных факторов экономического роста, позволяющим обеспечивать большие объемы экспорта, притока иностранных инвестиций, рабочие места и доходы государственного бюджета. Исходя из этого, обеспеченные природными ресурсами страны во многом зависят от мировых цен на соответствующие ресурсы, в связи с чем возникает необходимость разработки эффективной модели управления ресурсами, что, тем не менее, большинству стран не удастся. Согласно информации, представленной организацией International Council on Mining and Metals, в перечень 25 наиболее зависимых от запасов природных ресурсов экономик входят страны с уровнем дохода низким и выше среднего, в том числе и Армения, которая по показателю Mining Contribution Index 2018 занимает 14 позицию в рейтинге. В то же время в рейтинге Top 20 Countries Ranked on Production Value of Metallic Mineral and Coal находятся преимущественно страны с доходом выше среднего и высоким, в том числе Россия, Канада, Китай, США и Австралия. При этом, по данным 2017г., Армения занимает 7-ое место в списке стран-производителей молибдена, 23-е по объемам производства меди и 54-ое по золоту. Для оценки степени зависимости армянской экономики от добывающей промышленности в статье рассмотрен ряд соответствующих макроэкономических показателей.

Согласно данным Национального статистического комитета Армении, основной вклад в создание валового внутреннего продукта вносят такие отрасли, как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и торговля, обеспечивая в общем около 40% ВВП. Соответственно, большая часть занятых задействована в сельском хозяйстве, торговле, а также в сфере образования. В добывающей отрасли, по состоянию на 2017г., действовало 79 организаций (из них – 11 средних и крупных), которые обеспечили 2,9% ВВП страны и 0,9% занятости, что в абсолютном выражении составило 9200 человек. При этом средняя зарплата по отрасли входит в число наиболее высоких по стране. Тем не менее, в зависимых от ресурса странах добывающая промышленность играет существенную роль в обеспечении налоговых доходов государственного бюджета, экспорта и привлечении инвестиций.

В среднем, почти половину налоговых доходов бюджета РА составляют косвенные налоги, из которых НДС составляет примерно третью часть налоговых поступлений в бюджет. По состоянию на 2018г. удельный вес налога на прибыль составил 12,7%, налога на доходы физических лиц – 26,6%, а платежей за природопользование – 4%. При этом, последнее определяется как платеж за эффективное и комплексное использование природных ресурсов, считающихся собственностью государства, а также за возмещение использования природных ресурсов. К числу таких платежей относится роялти. Этот вид платежа рассчитывается применительно к металлическим полезным ископаемым, и его ставка зависит от прибыли предприятия и объемов реализации.

Согласно аналитикам Всемирного банка, методика расчета роялти в Армении намного сложнее, чем в ряде других стран, поскольку в расчет включен и показатель прибыли, и показатель оборота торговли. Более того, формула предполагает выплату роялти даже в случае отсутствия прибыли. Подлежащие к оплате 4%, зафиксированные в формуле расчета роялти, считаются высокими по сравнению с рядом других стран. Что касается суммарных налоговых поступлений от добывающей отрасли, то за 2010–2015гг. отрасль обеспечила в среднем 4,25% доходов государственного бюджета страны. Согласно расчетам, полученным на основе списка 1000 крупнейших налогоплательщиков за 2018г., вклад отрасли в общие доходы бюджета составил 7%. Намного более значительным является вклад добывающей отрасли в экспорт.

Согласно официальным данным, на экспорт продукции добывающей промышленности приходится примерно третья часть общего объема экспорта, при этом, совместно с экспортом готовой продовольственной продукции, эти две отрасли обеспечивают более 50%, что свидетельствует о высокой степени концентрации экспорта. Отсюда исходит заключение о том, что объемы экспорта в денежном выражении в значительной степени зависят от динамики мировых цен на соответствующий ресурс. Исходя из этого, возникает острая необходимость диверсификации экспорта с целью нивелирования возможных рисков и снижения зависимости от добывающей отрасли.

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность, налоги, экспорт.

MINING IN ARMENIA: STATISTICAL REVIEW

A. Avetisyan

ABSTRACT

For a number of countries natural resources are considered to be one of the main factors of economic growth. Exploitation of these resources boosts exports, leads to increase in investments, budget income and generates new jobs. Armenia is classified as one of

mining-dependent countries, despite the low share of employment in mining and a comparatively low share of taxes and royalty in overall budget incomes. Nevertheless, mining is crucial for external trade. Evidence coming from the statistical data shows that export in Armenia is highly centralized, and mining, together with food production, comprises almost half of GDP. It means that Armenian exports highly depend on international mining prices. The article analyses all of the indicators related to mining in Armenia.

Keywords: mining, taxes, exports.

УДК 338

Поступила: 18.12.2019г.

Сдана на рецензию: 20.12.2019г.

Подписана к печати: 28.02.2020г.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗИЦИИ РА В ИНДЕКСЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

А.С. Оганесян¹, К.Дж. Варданян², Г.А. Авагян³, В.И. Тигранян⁴

Российско-Армянский университет⁴

Армянский государственный экономический университет^{1,2,3,4}

hayastantc@yahoo.com, knariktereza@gmail.com,

avagyangayaneasue@yahoo.com, varsh76@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье, подчеркивая усилия правительства РА по созданию конкурентоспособной экономики, проанализированы изменения позиции Армении в индексе глобальной конкурентоспособности в 2005–2019 годы по отдельным столбам. Беспokoйство регрессом по столбам технологической безопасности, здоровья, навыков, инновационных возможностей, отмечается тем, что третий этап экономического развития, основанный на инновациях, требует использования современных форм и методов ведения бизнеса, производство высококачественных и высокостоймых продуктов основанных на знаниях с использованием гибких стратегий.

Ключевые слова: глобальная конкурентоспособность, конкурентные преимущества образования, макроэкономическая стабильность, мобильность бизнеса, инновационная способность.

Растущая конкуренция в мировой экономике требует улучшения деловой и инвестиционной среды в Республике Армения, для чего правительство провело реформы экономической системы и приняло план действий на 2019–2023 годы, где представлен перечень мер по обеспечению реализации программы с указанием ожидаемых результатов, исполнителей, сроков и источников финансирования [1].

Правительство Армении стремится создать инклюзивную конкурентоспособную экономику путем выявления существующих барьеров. На этом пути имеют большое значение расширение и реализация творческого потенциала, свобода и добросовестная конкуренция внутренних рынков и развитие деятельности МСП.

В этом контексте необходимо охарактеризовать текущее состояние экономического развития Республики Армения, представив достижения и

нерешенные проблемы. Значительными являются оценки для отдельных стран на основе исследований международных организаций, которые являются ориентиром как для правительств, так и для частных инвесторов.

В этой связи хотим отметить, что правительство Республики Армения в своей программе оценки качества экономической политики и ее влияния на деловую среду рассматривает с помощью общепризнанных на международном уровне индексов [2]. Особое значение придается Индексу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, Индексу инклюзивного развития и отчету Всемирного банка «Ведение бизнеса». В то же время нацеливаются вопросы улучшения тех факторов, которые важны для методологии оценки этих индексов.

В настоящее время довольно популярен список лучших стран для ведения бизнеса, представленный авторитетным журналом “Forbes”, в соответствии с которым в 2017 году Армения занимает 88-ое место из 153 стран, а в 2019 году – 81-ое [3]. Для сравнения хотелось упомянуть, что в 2019 году Грузия заняла 44-ое место в рейтинге, Азербайджан – 70-ое, Россия – 55-ое.

Однако, несмотря на значительный прогресс, правительство Армении, подчеркивая необходимость поощрения инвестиций и деловой активности, должно проводить систематические институциональные реформы, ведущие к реальным трансформациям.

Наши исследования реального сектора экономики Армении показывают, что экономика Армении не диверсифицирована [4]. Реальный сектор имеет деформированную структуру. Он характеризуется высокой долей горнодобывающей промышленности, низкой эффективностью переработки ее результатов и низкой долей секторов, где формируется человеческий капитал.

Улучшение ситуации требует стимулирования внутренних и иностранных инвестиционных потоков в реальный сектор. В этом контексте важно улучшить факторы, которые сильно влияют на инвестиционную привлекательность.

В частности, необходимо снизить показатели неравенства доходов, улучшить инфраструктуры, особенно в области телекоммуникаций и информационных технологий. Необходимо надлежащим образом использовать конкурентные преимущества образования, устранить административные барьеры для ведения бизнеса и обеспечить необходимую информационную и законодательную базу для защиты инвесторов.

Увеличение инвестиционных потоков в РА также может быть обеспечено развитием рынка ценных бумаг.

Считаем, что инициатива по отмене налога на дивиденды Национального собрания Республики Армения может внести существенный вклад в активизацию финансового рынка, в том числе рынка ценных бумаг, что находится в соответствии с программой правительства. Инициатива важна, она устранил относительно неблагоприятный налоговый режим на финансовом рынке РА по сравнению с конкурирующими странами, стимулирует развитие рынка капитала и инвестирование в прозрачно работающих компаниях, в том числе в иностранных, еще она обеспечит единообразные процессы обслуживания инвесторов, дополнительно стимулируя развитие рынка корпоративных облигаций и улучшая альтернативные механизмы финансирования экономики, дополняя сложившуюся практику финансирования с банковскими кредитами.

Считаем, что с точки зрения развития малого и среднего бизнеса, было бы правильно со стороны правительства РА с 1 января 2019г. произвести восстановление налога с оборота для тех предпринимательей, оборот которых не превышает ежегодно 115 млн. драмов. Важным фактором, определяющим развитие малого и среднего бизнеса, является новая идея микробизнеса и его налогообложения, которое, помимо того, что является социально значимым, будет иметь решающее значение для «преобразования» идей малого бизнеса в крупные предпринимательские программы.

Армения включена в доклады Индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума с 2005 года и с 2008 года от первого этапа развития, который обоснован на ресурсах, она перешла на второй этап развития, обоснованный на эффективность [5]. На данном этапе от компаний требуется модернизировать производственные процессы и улучшить навыки рабочей силы.

Для достижения вышеуказанного нужно формировать высококачественную систему образования, гибкую законодательную базу, регулирующую рынок труда, гибкие финансовые и внешние рынки и способности для освоение технологических инноваций.

Последний отчет о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума относится к 2019 году, в котором Армения впервые с 2005 года улучшила свои позиции, заняв 69-ое место из 141 страны (Рис.1).

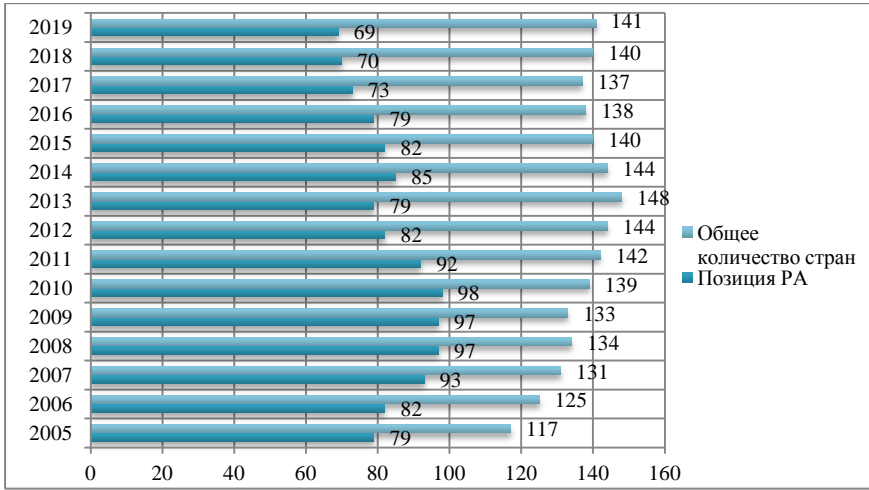

Рисунок 1. Позиция Республики Армения в индексе глобальной конкурентоспособности 2005–2019гг.[6].

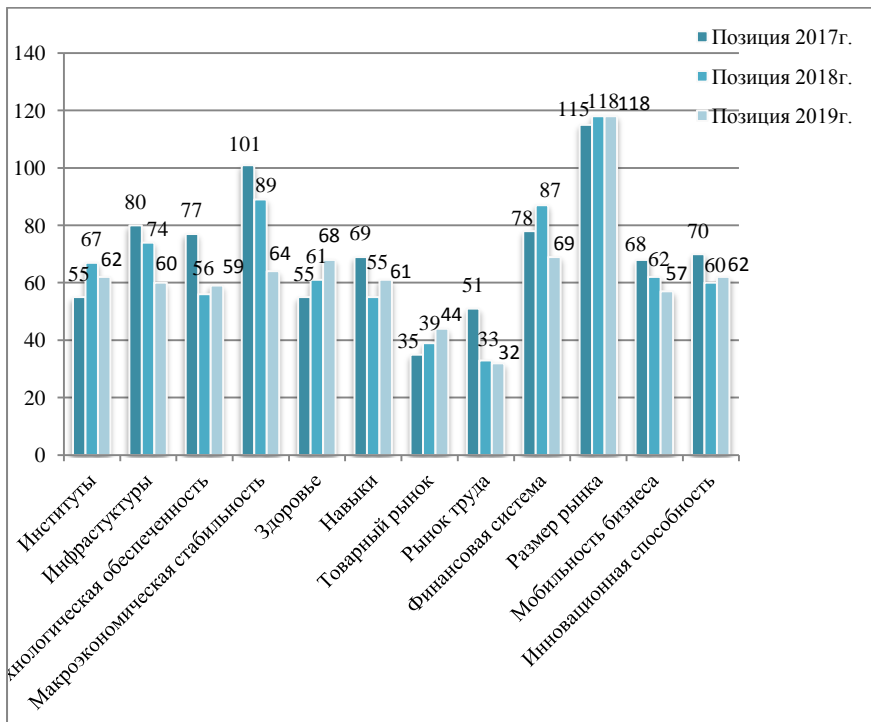

Рис. 2. Изменения в положении Армении по столбам индекса глобальной конкурентоспособности 2017–2019гг.[7].

Проанализируем изменения в позиции Армении по 12 столбам индекса глобальной конкурентоспособности. Как показано на Рис. 2, в 2019 году, по сравнению с 2018 годом, Армения достигла прогресса по 6 столбам: институты, инфраструктуры, макроэкономическая стабильность, рынок труда, финансовая система, мобильность бизнеса. В 2018 году, по сравнению с 2017 годом, прогресс по 7 столбам: инфраструктура, технологическая обеспеченность, макроэкономическая стабильность, навыки, рынок труда, мобильность бизнеса, инновационная способность.

Можем сказать, что Армения находится в процессе выполнения требований второго этапа экономического развития, основанного на эффективности.

Вызывает беспокойство регресс по столбам: технологическая обеспеченность, здоровье, навыки, инновационная способность.

Необходимо обеспечить по этим столбам непрерывный, устойчивый прогресс, который будет способствовать переходу экономики РА на третью фазу экономического развития, основанную на инновациях. Особое внимание уделяется применению современных бизнес-методов, с помощью гибких стратегий производству экономически эффективных продуктов и услуг, основанных на знаниях.

Оценка индекса глобальной конкурентоспособности финансового сектора Армении на 2018 год была неудовлетворенным. По этому столбу в 2018 году наблюдалось снижение по 9 пунктам по сравнению с 2017 годом, а в 2019 году – улучшение по 18 пунктам по сравнению с 2018 годом. Позитивные изменения были обеспечены с несколькими компонентами наблюдаемого столба (Табл. 1).

Таблица 1.

Показатели, характеризующие финансовую систему Республики Армения на 2018–2019 годы по индексу глобальной конкурентоспособности [8].

	Показатели, характеризующие финансовую систему	2018	2019
1	Кредиты частному сектору / ВВП	47.8	48.7
2	Финансирование МСБ (1–7 лучший)	3.7	4.1
3	Наличие венчурного капитала (1–7 лучший)	2.9	3.3
4	Рыночная капитализация / ВВП(%)	2.6	2.4
5	Здоровье банков (1–7 лучший)	4.8	5.2
6	Неработающие кредиты / стоимость кредитного портфеля (%)	6.7	5.4
7	Коэффициент уставного капитала банков [9]	15.8	18.2
8	Кредитная трещина (%)	-0.9	-1.2

Сравнительно неразвитой частью финансовой системы Армении является рынок ценных бумаг. Это также подтверждается низким уровнем капитализации. В 2019 году показатель «Рыночная капитализация» / ВВП снизилась и составила 2,4% ВВП вместо 2,6% 2018 года. Для сравнения отметим, что в 2019 году этот показатель составил 71,6% ВВП Израиля, 38,9% – России, 25,4% – Казахстана, 1,1% – Грузии [10].

В этом контексте очень важно рассмотреть вопрос повышения эффективности государственного управления в Республике Армения, что позволит выявить препятствия, существующие в экономической системе Армении, предоставлять им решения и способствовать повышению международной конкурентоспособности Армении и удобства ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. 16 мая 2019 года N 650 – I решение. «Об утверждении плана действий Правительства Республики Армения 2019–2023»: <https://www.gov.am/files/docs/3347.pdf>
2. 8 февраля 2019 года N 65 – Ц решение. «Программа Правительства Республики Армения», С.43, <https://www.gov.am/files/docs/3133.pdf>
3. <https://banks.am/ru/news/newsfeed/16639>.
4. Оганесян А.С., Тигранян В.И. Структурные сдвиги в реальном секторе экономики РА, Армения: Финансы и экономика, #7(215), Ер., 2018. СС. 29–33, https://www.fineco.am/?pg=view&vid=4084&sfx=_am
5. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2008–09.pdf
6. Economic Forum, The Global Competitiveness Reports: The Global Competitiveness Report 2019.pdf, The Global Competitiveness Report 2018.pdf, The Global Competitiveness Report 2017–2018.pdf, 2016–2017, 2015–2016, 2014–15, 2013–14, 2012–13, 2011–12, 2010–11, 2009–10, 2008–2009, 2007–2008, 2006–2007, 2005–2006
7. TheGlobalCompetitivenessReport2017–2018.pdf, 2018, 2019
8. The_Global_Competitiveness_Report_2018.pdf, 2019
9. Нормативный капитал банков составляет %, указанный в таблице суммарных активов, взвешенных с учетом риска.
10. TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

ANALYSIS OF CHANGES IN THE POSITION OF THE RA IN THE GLOBAL COMPETITIVENESS INDEX

H. Hovhannisyan, K. Vardanyan, G. Avagyan, V. Tigranyan

ABSTRACT

In this article, the authors, emphasizing the efforts of the RA government to create a competitive economy, analyzed the changes in the position of Armenia in the global competitiveness index for 2005–2019 for individual pillars. Concerned about the regression on the pillars of technological safety, health, skills, and innovative opportunities, the authors noted that the third stage of economic development, based on innovation, requires the use of modern forms and

methods of doing business, the production of high-quality and high-value knowledge-based products using flexible strategies.

Keywords: global competitiveness, competitive advantages of education, macroeconomic stability, business mobility, innovative ability.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 316.77; 070

Поступила: 12.02.2020г.

Сдана на рецензию: 13.02.2020г.

Подписана к печати: 15.03.2020г.

НОВЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: КУЛЬТУРА ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ

М.Э. Авакян

marvolskaya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается современное состояние современных средств массовой информации. Возникновение компьютерных сетей привело к серьезным изменениям во многих сферах. Новыми техническими устройствами было опосредовано межличностное общение людей, причем эти устройства оказались теми же самыми, которые используются в современном обществе для распространения продукции профессиональных СМИ и сегодня выступающими как совокупные субъекты различных видов профессиональной творческой деятельности.

Ключевые слова: СМИ, «сетевая» журналистика, сторителлинг, культура языка СМИ.

Сфера распространения массовой информации оказалась открытой и незащищенной, с профессиональной точки зрения, для параллельного существования информационных продуктов не только разного типа, разного назначения, но и разных уровней. Информационность, которая, по определению, должна была еще больше усилить роль СМИ в современном обществе, вытесняет данную сферу деятельности с мировой информационной арены. И в этой связи особо остро встает проблема качества создаваемых информационных продуктов, надежности их как инструмента, который используется в механизмах самоуправления социальной деятельности, и, вообще, управления общественной жизнью.

Компетенции «сетевой» журналистики значительно отличаются от методов традиционной журналистики. Эти отличия носят достаточно видимые и глубинные характеристики, главным образом, в связи с существенной эволюцией журналистских жанров и в сфере общей организационной структуры

онлайн-медиа. В современных условиях важной компетенцией журналиста становятся не только навыки поиска нужной информации, ее правильной фильтрации и разъяснения, проверки фактов, но и в умелой подачи материала, последующей оценки медиапотребления созданного ими же продукта. Возникновение «Сториттеллинга» строительством некоего «моста» между производителем и потребителем.

И современные журналисты экспериментируют и пишут по-новому, создают, так сказать, новые формы журналистики. Но практически не берут на себя ответственность за свое «творение», а вернее: относятся к этому слишком упрощенно, считая, что огромная аудитория Интернета – это, в основном, молодежь, которая особо не будет «заморачиваться» правильностью «сетевого» написания. Потому что, как это повелось с самого начала, все так пишут.

Первой из основных проблем русского языка интернет-изданий, является, конечно, засилье разговорного «сленга». Мнений здесь множество: это и то, что спрос на грамотность в настоящее время очень низок: многим нужна просто информация, поэтому интернет-издания и информационные агентства стремятся «выкатить» материалы как можно быстрее; уровень владения языком – это, скорее, социальная проблема, а не «происки журналистов»; перед публикацией вычитывать тексты некогда и нет смысла, ведь пользователи стерпят и безграмотную статью, лишь бы она была интересной и свежей и пр. [1].

К сожалению, сама манера общения с читателями производит впечатление, что материалы пишутся как бы для повседневного обихода – в манере общения в соц.сетях – за кружкой пива или чашечкой кофе рассказывается история друзьям и знакомым: сказывается русское «перенимание» западного “storytelling”-а [2]. Стилистические погрешности «сетевых» текстов частично связаны с тем, что еще в самом начале возникновения медийной прессы читатели знали многих авторов, может быть, лично, может, по переписке: складывалась некая вольность в обращении со словами и оборотами, тяготение к разговорной лексике, чтобы было проще общаться. Помимо этого, при всем богатстве русского языка всегда наблюдалось стремление к упрощению, к приближению к разговорному стилю, привлекая, тем самым, большое количество читателей из различных слоев общества. При этом, как не странно, повышался рейтинг издания. К тому же, интернетовская редакция не так строга, как обычная, и сейчас никак не подавляет так называемую «авторскую индивидуальность». Несомненной отрицательной особенностью сетевых публикаций является сниженная грамотность русского языка. Некоторые интернет-издания даже предлагают читателям самим поучаствовать в их создании, написав авторскую статью. А если учитывать, что «человеческая»

территория Интернета – это люди разных профессий и слоев населения, то о грамотной речи и мечтать не приходится, и современное журналистское сообщество идет на поводу новых тенденций, снижая планку своей профессиональной грамотности. И, как уже было отмечено выше, многие простые пользователи Интернета возомнили себя активно «пишущими», равными профессии журналиста.

Безусловно, сегодня «сетевые» издания намного оперативнее традиционных средств массовой информации, поэтому их ориентация направлена, в первую очередь, на информационное «наполнение», которое реализуется в режиме реального времени и постоянно обновляется. При том, что доступ к разнообразным сетевым источникам и удаленным экспертам, а также создание нужных архивов, дают ту необходимую всеохватывающую картину событий, позволяя журналистам проводить свое журналистское расследование, что ощутимо повышает и качество обработки информации. Для того чтобы новость появилась в Интернете, требуется лишь небольшое время для графического оформления информации. После чего размещение на сайте займет всего несколько секунд, и после мгновенного анонса новость становится доступной всем¹.

Именно интерактивные возможности компенсируют современным СМИ коммуникативную функцию, утратившую на какое-то время свою важность, ведь управление массовыми коммуникационными процессами является на сегодняшний день наиболее актуальным. Кроме того, учитывая склонность массовой аудитории к участию в создании самой информации посредством писем, голосований, дискуссий и т.д., *интерактивность* – наиболее важное и востребованное преимущество сетевых СМИ. Исходя из недавнего опыта, устаревший принцип традиционных СМИ «от одного ко многим» приобрел значение «многие-многим», т.е. на смену пассивному читателю (слушателю, зрителю) приходит активный участник творческого процесса, сообщающий новые сведения, интересные идеи. Таким образом, СМИ приобретает еще одну функцию: помогать аудитории разбираться не только в ситуации, но и в самой себе. Однако все прогрессирующее развитие «сетевых» СМИ поставило перед современной журналистикой ряд новых проблем, среди которых – тенденция к стиранию различий между новостной информацией, рекламными и публичными публикациями и теми материала-

¹ Наиболее популярные сайты обновляют свою информацию не только по времени, но и в соответствии с меняющимися потребностями общества (утро-день-вечер, будни-выходные и т.д.). А в силу своей демократичности они стремятся отражать альтернативные мнения широкой аудитории.

ми, которые обеспечивают связь с общественностью. Существующая система гиперссылок разрешает обращаться к любым текстам, в том числе и рекламного характера, а определенных правил оформления ссылок пока еще не существует.

Еще одна нерешенная задача – это сосуществование различного рода информации в целом. Известно, что журналист должен отвечать за истинность передачи информации в своих материалах, а достоверность информации, содержащаяся в системе гиперссылок, никак не может свидетельствовать о его компетенции.

В связи с тем, что все современных СМИ выбрали своим «местожительством» Интернет, возникла и третья проблема – проблема сближения (конвергенции) между ними. Этот вопрос, конечно, не сегодняшнего, даже не завтрашнего, дня, так как еще до распространения Интернета совмещение различных СМИ и методов их функционирования уже встречались на практике. Но именно веб-технологии оказались способными соединить в себе качества классических СМИ и свои новейшие специфические признаки: интерактивность и формирование архивов. Таким образом, Интернет и новые веб-технологии предоставили журналистам почти в полное распоряжение очень эффективное средство для совершенствования их профессионализма, открытое и свободное от многих ограничений, присущих традиционным СМИ. Как отмечают специалисты, «на современном этапе развития СМИ и печать, и радио, и телевидение активно используют интернет для создания своих “зеркальных” отражений в традиционном формате, лишь слегка видоизменяя его, подпитывая за счет оригинальных телекоммуникационных возможностей» [3]. Между тем, именно такая миграция постепенно подготавливает базу для последующего этапа развития СМИ, а именно: для конвергенции всех форм, включая и собственно сетевые издания, в новый вид СМИ, обладающий сразу всеми средствами представления информации: текст, графика, видеоряд, звукоряд и интерактивная коммуникация. Конечно, это потребует универсализации в подготовке журналистов, в формировании качественно нового уровня творческого и технологического мышления. Однако в то же время такое новое СМИ будет полностью отвечать запросам нового времени, гуманитарного и технического прогресса. С помощью новейших технологий журналистика сможет еще больше приблизиться к реализации своей главной задачи – сообщения наиболее главной, полноценной, всесторонней и достоверной информации о событиях в оперативном режиме» [4].

Конечно, веб-журналистика не сможет отменить уже существующих СМИ, но будет востребована и займет свое место в соответствии с запросами

быстро развивающегося общества. Будущее «сетевой» журналистики очерчивается сегодня достаточно ясно: в течение последующих лет эта журналистика, естественно, станет если не единственной, но доминирующей в данной области специализации. К имеющимся уже функциональным возможностям и обязанностям журналиста добавится ряд специальных знаний – в первую очередь, из сферы анализа данных, а также социальной теории и когнитивной психологии. Эти изменения приведут к формированию ряда новых специальностей в «новой» журналистике: к обязательным гуманитарным и социальным знаниям прибавятся знания в области математики (прикладной и аналитической), теории алгоритмов и теории графов, сетевой науки (“networkscience”), социальной статистики, психологии (клинической и когнитивной), коллективного управления и, может быть, других областей знания [5].

Перспективы «сетевой» журналистики проявятся в значительном расширении «дисциплинарности», в гармоничном совмещении основной информационно-профессиональной профессии с другими специализациями.

Но не стоит забывать, что журналисты, в первую очередь, интернет-изданий, авторы программ и передач, телеведущие/дикторы, постоянно вступающая в тесное соотношение с огромной, почти неощутимой ими аудиторией, так или иначе влияют на нее, воспитывая ее, влияя на ее взгляды и вкусы, вкладывая в нее определенные стандарты отношений, тем самым, «заставляя» воспринимать и использовать предлагаемые ими произносительные нормы языка, как мы заметили, далекие от грамотной художественной речи.

Так как культура языка в СМИ является одной из главных составляющих, характеризующих профессиональный статус журналиста, то и сегодня средства массовой информации играют большую роль в определении норм языка и форм общения. И тем самым высока их профессиональная ответственность за то, чтобы данные нормы отвечали лучшим языковым и культурным образцам.

Будущее «сетевой» журналистики очерчивается сегодня достаточно ясно: в течение последующих лет журналистика, естественно, станет если не единственной, но доминирующей в данной области специализации. К имеющимся уже функциональным возможностям и обязанностям журналиста добавится ряд специальных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева, М. Язык интернет-изданий: <http://libbabr.com/?book=3160>, и др.
2. Tungate, M. Media monoliths: how great media brands thrive and survive. Kogan Page Publishers, 2004.

3. Трофимова, Г.Н. Сетевая журналистика: некоторые тенденции развития: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-zhurnalistika-nekotorye-tendentsii-razvitiya>
4. См.: там же.
5. См.: Jerit, J. Understanding the knowledge gap: The role of experts and journalists" // The Journal of Politics 71.02 (2009): 442–456. DOI: 10.1017/s0022381609090380 и др.

**NEW FORMS OF MODERN JOURNALISM:
LANGUAGE STANDARDS OF MODERN MASS MEDIA**

M. Avagyan

ABSTRACT

The paper studied the contemporary state of modern means of mass information. The emergence of computer networks has resulted in serious changes in many fields. The new technical devices have mediated human interpersonal communication, and these devices have turned out to be the same that are used in modern society for the distribution of the products of professional mass media which today serve as joint subjects of a range of professional creative activities.

Keywords: mass media, network journalism, storytelling, language standards of modern mass media.

УДК 316.77:001.12

Поступила: 18.02.2020г.

Сдана на рецензию: 20.02.2020г.

Подписана к печати: 07.03.2020г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЖАНРОВ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.Ю. Дерягин

Российско-Армянский университет

deryagin.artiom@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается теория жанров телевизионной журналистики, эволюция, применение журналистами на практике и влияние современных технических средств на изменение всего телевизионного рынка.

Ключевые слова: журналистика, жанр, контент, аудитория, Интернет, вещание, метод, современное телевидение.

В условиях современного развития информационной сферы медиaproстранство обретает новые возможности развития потенциала всестороннего общественного диалога. Развитие общества напрямую зависит от возможности получать и использовать необходимую информацию для удовлетворения коммуникативных потребностей. Как показывает история, в разные периоды технического развития эту миссию брали на себя актуальные к данному периоду каналы распространения информации: печать, радио, телевидение и Интернет.

В данном контексте понятие жанр является одним из основополагающих, так как любое произведение имеет свой жанр, который объединяет общие черты, закономерности и свойства произведения. Понятие «жанр» перешло в теорию журналистики из искусствоведения и литературоведения и получило новое значение – «исторически определенвшийся тип отображения реальной действительности, обладающий рядом относительно устойчивых признаков» [1]. Жанр в журналистике – это форма отражения факта, объекта, мысли, одна из форм воплощение идеи, он также содержит в себе обобщение, которое принадлежит не только к произведению, но и составляет портрет эпохи, культуры и искусства. Принадлежность телевизионного продукта к тому или иному жанру определяется создателем еще до предварительных съемок. Связано это с непосредственным влиянием жанра рубрики или программы на все стадии производства продукта. Динамика съемки, тек-

стовая стилистика, манера озвучивания, монтажные фразы подчинены одной идее, которая должна быть выражена в соответствии с законами избранного жанра [2].

Формирование у журналиста представлений о жанровых особенностях помогает ему создавать текст конкретного типа. Следует также отметить, что каждый жанр требует соблюдения ряда правил при работе с информацией. Наличие жестких правил при работе с информацией дают журналисту гарантию того, что он правильно будет понят со стороны потребителя информации. Ведь, в конечном счете, вся журналистская работа направлена на конкретного зрителя, а «диапазон взаимоотношений СМК с аудиторией колеблется от партнерского, субъект-субъектного до воздейственного, субъект-объектного» [3].

Из этого можно сделать вывод, что четкое следование методу конкретного жанра предполагает определение внутренней формы произведения. Предмет, функция, метод – три составляющие, на которых держится жанр [4]. При соблюдении необходимых связей и зависимостей между ними возникает устойчивая форма, при которой «продукт» журналиста удобнее всего воспринимается аудиторией.

По мнению исследователей, журналистика подразделяется на информационную, документально-художественную и аналитическую. В свою очередь, эти способы по освоению материала проявляются в трех жанровых группах:

- Информационный: репортаж, сюжет, интервью и т.д., где главная цель – оперативно сообщить о событии, явлении, факте и т.д. В передаваемой информации одним из ценностей является новизна.

- Аналитический: глубокое исследование определенных явлений и анализ фактов. При создании материала журналист анализирует событие, подробно изучает и делит общее на составные части, отделяя существенное от несущественного. В конце материала журналист представляет выводы на основе обобщений. Основные жанры: обозрение, комментарий, мнения.

- К художественно-публицистическим жанрам относятся очерк, эссе, зарисовка. С помощью языковых, стилистических, литературно-художественных особенностей материалу придается свойственная образность, эмоциональная выразительность.

Несмотря на устоявшиеся признаки, теория жанров журналистики находится в постоянном процессе развития, она изменяется с течением нашей жизни. Возникновение и развитие новых медиа и отмирание старых – постоянный, исторический и неизбежный процесс. За последние 10 лет в медиа-

сфере появились такие формы подачи информации, аналога которого не было в печати, на радио и телевидении. Быстрое развитие Интернета, «миграция» аудитории к новому каналу коммуникации, стремительное увеличение времени проведенных в мобильном телефоне или на другом гаджете, подключенных к сети Интернет, привели к стремительной трансформации и сближению жанровых границ.

Справедливости ради следует отметить, что процесс сближения жанров был отмечен в период доминирования телевидения. По мнению Р.А. Борецкого и В.Л. Цвика, «диффузия жанров характерна для публицистики в целом, но особенно очевидна именно в телевизионной публицистике – в силу не столько новизны телевидения, сколько благодаря огромному богатству языка – движущихся зрительных образов, сопровождаемых звуком» [5].

По мнению В.Б. Шкловского устойчива только внутренняя форма текста, которая написана в одном жанре, внешняя форма более подвижна, она сохраняется ненадолго. Подобное заключение В.Б. Шкловский сделал на основе газетных материалов, но на телеэкране подобную диффузию жанров мы наблюдаем ежедневно. Например, в интервью для увеличения зрелищности часто добавляются черты репортажа, для подчеркивания авторской позиции в репортаже используются художественные черты, что несвойственно для репортажа в чистом виде.

И тогда встает вопрос о чистоте жанра. Если нет чистого жанра, то получается, что все дозволено. В подобной ситуации складывается мнение, что какие-нибудь жанровые явления закладываются как классические, которые представлены во многих учебниках. В основном же, жанры носят в себе фактор движения, который способствует открытию новых граней действительности. У современного человека сложились сложные информационные потребности, для удовлетворения которых требуются новые жанры и, притом, не только на телевизионном экране. По мнению А. Дулейран: «За последнее энное количество лет произошло фундаментальное смещение в сознании людей. Зона человеческого интереса, важность и актуальность сюжетов постепенно переходят из области психологической драмы в другую... мифологическую сферу» [6].

Сегодня события развиваются стремительным образом, не оставляя времени на их глубокое осмысление. Неизбежный процесс диджитализации привел к парадоксальной ситуации с точки зрения потребления и усвоения контента. С одной стороны, футурологи убеждают, что алгоритмы, основываясь на персональных данных потребителя, генерируют контент под конкретного пользователя, что максимально снижает время на поиски, напри-

мер, актуальных новостей. С другой стороны, информационная нагрузка на одного человека настолько велика, что человек не успевает «переварить» столько информации. В погоне за вниманием аудитории журналисты столкнулись с кризисом дистрибуции материала. Как результат преодоления кризиса, образовались жанры-гибриды: «Осознавая и творчески осваивая процесс развития жанров, важно не терять из виду, что за внешне наглядными метаморфозами жанров происходит многомерное сочетание, пересечение и взаимодействие методов журналистского познания, репортерского поиска, приемов исследования, и именно в этих, спрятанных в глубине строки, взаимодействиях обнаруживаются многие «секреты» эволюции традиционных жанровых форм» [7].

Образование жанров-гибридов – распространенное явление для телевизионного рынка. Все чаще медиа-эксперты высказывают мнение, что в современном мире нельзя воспринимать услугу журналистики. В прошлом веке аудитория потребляла контент исключительно с одного устройства или источника.

Сегодня телевидение состоит из трех частей:

- Первая часть – контент. Телевизионный контент аудитория смотрит в одном месте, в одно время. К тому же, следует отметить такое явление, как ток-шоу или сериалы, которые люди предпочитают смотреть, когда им удобно.

- Вторая: технологии дистрибуции контента. На сегодняшний день существует большое многообразие: цифровой или аналоговый эфир, кабельное телевидение, IPTV (Телевидение по протоколу Интернета) [8], OTT (метод предоставления видео услуг через Интернет) [9], спутниковое вещание.

- Третья: устройства, на которых осуществляется вещание – это большие телевизоры или экраны гаджетов.

Есть мнение, что для журналиста главное – создать интересный для зрителя контент, а к какому жанру он принадлежит, не имеет значения. А вот другое мнение: разговор о жанрах не заслуживает внимания, так как содержание понятия жанра непрерывно трансформируется и усложняется, а сама теория жанров разработана недостаточно. Это подтверждается тем, что разные исследователи предлагают свой список жанров.

А.А. Тертычный пишет, что согласиться с подобными утверждениями нельзя, так как тот тип произведений, который складывается исторически и определяется как «жанр», существует объективно, независимо от мнений как теоретиков, так и практиков. Нарушение этого порядка приводит либо к

полной нелепости, либо к необходимости подделывать внешнюю форму, имитировать жанр [10].

Теория жанров находится в процессе перманентного развития. Тележурналистика в нынешнем состоянии приобретает черты интерактивности, мультимедийности, конвергентности. Появляется возможность трансляции происходящих событий методом онлайн на телеэкран и непрерывного обновления информационных каналов, к старым способам подачи информации добавляются новые. Как результат, телевизионные жанры смешиваются, видоизменяются, добавляют в себя новые элементы. «Движения» в каждом из жанрообразующих факторов серьезно изменяют их в целом, но не отменяют их. Каждый журналист должен иметь представление о жанровых особенностях телевизионной журналистики. Это способствует созданию вполне конкретного типа текста, в наибольшей мере адаптированного для правильного освещения конкретного информационного события, понятного для аудитории. Вне системы жанров профессия «журналистика» не существует. Глубокое знание жанров – свидетельство профессиональной квалификации журналиста. Даже самый удачливый и талантливый журналист не создаст нового жанра, он может оказаться всего лишь выразителем того нового, что уже созревало в сознании общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телевизионная журналистика: Учебник / Ред. кол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. 4-е издание. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. С. 163.
2. Телевизионная журналистика // Вестник РУДН, Сер.: Литературоведение. Журналистика, 2011, № 1. С. 74.
3. *Адамьянц Т.З.* К проблеме типологии СМИ // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 3.
4. *Шибалева Л.* Жанры в теории и практике журналистики // Учебно-методическое пособие. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text3/82.htm>
5. Телевизионная журналистика: Учебник / Ред. кол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. 4-е издание. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. С. 164.
6. *Дондурей Д.* Александр Дулерайн, Роман Петренко, Дмитрий Троицкий. Слышать народ в себе // «Искусство кино». 2009. № 4. СС. 135–136.
7. *Шкловский В.Б.* Тетива. О несходстве сходного. Избранное в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. СС. 755–762.
8. Материал из Википедии, IPTV или Телевидение по протоколу Интернета (Интерактивное телевидение). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IPTV>
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/OTT>
10. *Шибалева Л.* Жанры в теории и практике журналистики // Учебно-методическое пособие. <http://www.evartist.narod.ru/text3/82.htm>

**CURRENT STATE AND TENDENCY OF DEVELOPMENT
OF TELEVISION JOURNALISM GENREES.**

A. Deryagin

ABSTRACT

This article examines the theory of the genres of television journalism, the evolution, practical application by journalists and the influence of modern technical means on changing the entire television market.

Keywords: journalism, genre, content, audience, Internet, broadcasting, method, modern television.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 8

Поступила: 05.12.2019г.

Сдана на рецензию: 06.12.2019г.

Подписана к печати: 09.01.2020г.

THE RELEVANCE OF TEACHING ENGLISH ACADEMIC WRITING

M. Yesayan

Russian-Armenian University

merush@yandex.ru

ABSTRACT

The present article discusses the relevance of teaching English Academic Writing to the learners of higher educational institutions. Students often encounter a variety of writing tasks throughout their academic career; they start with writing a report, an essay, a thesis and finally a dissertation. Mastering academic skills has many benefits. It helps learners to think critically, present complex ideas logically; at the same time, it boosts creativity, confidence and writing skills. These skills are not only useful while studying, but also after the graduation. Recently there has been considerable interest in tracing the peculiarities of academic language. Hence it is of urgent importance to conduct further research on revealing all the aspects of English academic writing.

Keywords: academic writing, peculiarities, creativity, writing skills.

Almost in all subjects, academic writing is the key element to decide on a student's level of writing proficiency. Well-structured and organized writing text highly affects student's academic prospects.

Subjects at higher educational institutions are mainly defined through academic writing. On the one hand, students manage to conceive their professional subject, but on the other hand they need to understand how it is written.

Helping students improve their academic writing should be a continuous part of teaching, but at the same time adapting it to the curriculum can be challenging.

So, graduate students often face a variety of writing tasks throughout their academic career; they need to write a report, an essay, a thesis or a dissertation. Acquiring academic writing skills has many benefits. It helps students to think

critically, present complex ideas logically; at the same time, it boosts creativity, confidence and writing skills. These skills are not only useful at university, but after graduation as well.

A piece of writing in colloquial style with academic content may be considered too simplistic, even if the ideas and the data are complex. Hence first of all features of academic writing should be introduced and taught to the students. Deciding what is academic or not is further complicated by the fact that academic style differs from one area of study to another.

So, the role of academic writing in scientific research is expressed through structured writing and “a single conceptual apparatus”, not the terminology of a separate scientific field or specialization, but rather a set of approaches to scientific writing. This is of major importance, since there is a need to create the right academic environment through scientific written interdisciplinary communication.

The problem of teaching and learning academic writing is two-faceted, as the same problem may touch upon the teaching staff as well; they face various obstacles while applying for participation in any scientific competition, for instance, for grant competition. The obstacles are not, naturally, of linguistic, but of technical and organizational origin. The application, regardless of specialization, gives a strict structure for its design, which contains: general information (name of the project topic, time frame), description of the project (goal and objectives of the project, scientific novelty and practical significance of the project), research methods, group project implementation and management and expected results and bibliography.

Such a time-consuming process requires modern scientists not only to be able to engage in their professional field, but also to acquire writing skills according to the structure of applications and their internal component. Unfortunately all this may lead to unwillingness to participate in competitions for any scientific event.

Since ancient times, scientists have been aiming at achieving the results of the study, with the opportunity to share, give them to society, and bring benefits. Writing an application for a scientific grant is only a tiny fraction of what an academic writing contains. And the problem is not about the complicated applications required today, but it is about the lack of skills in structured academic writing. Acquiring the above mentioned skills opens up the possibilities of new approaches to scientific writing through the prism of “intellectual entrepreneurship”, the integration of science and education, and the relationship with the business sphere.

According to L.V. Gurskaya: “Not in the remote past in the academic world, the main requirement for the text was to comply with the following structure “introduction – main part – conclusion”, as for the language – the more incomprehensible and wiser, the better: articles didn’t use to be easily understood. Nowadays the requirements have changed”[1].

Lynn S. proposed a three-staged structure of academic writing: “focus, organization and techniques” [2]. In this structure, three distinct components of the letter are clearly distinguished, all representing a single whole. Considering the first step as a “focus”, the author should have a clear skeleton from “A” to “Z” on which the research problem is focused. At the second stage, the organization of focus is determined since the organization of scientific writing can affect the scientific significance of the focus. And only then can a scientist engage in techniques which give the impression of a certain lightness, although it is techniques that through style, writing rules, and other small details can “color” or “completely lose” the relevance and significance of focus.

Robert Barras determined the importance of writing through the rule of three forces – development of skills: writing helps to think, writing helps to observe, writing helps to remember [3].

Considering the different types of academic writing through the prism of not only a scientific approach, but also the learning process, we can detect the “gaps” in understanding and writing skills also in the students’ community. Students often come to a higher educational institution without the ability to clearly and correctly write a statement, not to mention the essay, logical tables on “critical thinking”, term paper and other types of written work, which are an integral part of their student life. Many will state that a student should study these skills at the university; however, if a student wrote essays at school, then he/she would have gained a necessary minimum of basic writing skills.

Even though, nobody would “scold” schools of the entire post-Soviet space only (because this problem is more global), where there is no fundamental, conceptual approach to academic writing.

The difficulties arise because of the lack of implementing the course of English academic writing. Unfortunately, in the domestic education system there is no experience of consistent (pre-school education-school education-higher education) skills formation, which are basic and necessary for academic writing. Writing a literate and meaningful text involves, firstly, the possession of logical, critical, argumentative thinking skills, and, secondly, the ability to apply these skills when writing a text. The importance of the formation of skills and abilities

of academic writing should be noted, which presupposes a certain “background” and its absence makes it impossible to create a high-quality, professional text.

Practicing teaching academic writing in a new educational environment is still at the initial stage: there is no consensus on the organization of training, standards and teaching patterns, and even the meaning of the concepts used.

Thus implementing the course of academic writing into the university curriculum should be mandatory, otherwise there is a reduction in the possibilities for developing the process of integrating science and education, the absence of products of “intellectual entrepreneurship”, a fragmented academic environment, a low academic culture, and a negative attitude to “intellectual values”.

It thus becomes obvious that every learner studying at any higher institution needs to take the course of academic writing. And in order to learn to write correctly, he/she needs to start writing because reading, discussions and dialogues do not improve writing skills (a person who has watched documentary films on surgery cannot immediately become a great surgeon based on this experience only). Writing skills come with experience only through their own creation of documents, essays, abstracts, articles and other types of writing, as the creation of a logical, worthy and understandable transfer of thoughts to paper.

REFERENCES

1. Гурская Л.В. Академическое письмо как ответ на вызовы времени. Academic writing as response to challenge. Инженерная школа XXI века: традиции, достижения, инновации: материалы науч.-метод. конференции с международным участием / Минобрнауки России, Урал. гос. лесотехн. ун-т. 2016. СС. 149–152.
2. Lynn S. Rhetoric and Composition. An Introduction. University of South Carolina, September 2010.
3. Barrass R. Scientists must write. A guide to better writing for scientists, engineers and students. Routledge, London, 2003. PP. 8–15.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА

М.С. Есян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье обсуждается актуальность преподавания английского академического письма обучающимся высших учебных заведений. Студенты часто сталкиваются с различными письменными заданиями на протяжении всей своей академической карьеры – они начинают с написания отчета, эссе, тезиса и, наконец, доходят до диссертации. Овладение академическими навыками имеет множество преимуществ. Оно помогает учащимся мыслить критически, логически представлять

сложные идеи, одновременно, повышая креативность, уверенность и навыки письма. Эти навыки полезны не только в течение учебы, но и после ее окончания. В последнее время наблюдается значительный интерес к выявлению особенностей академического языка. Следовательно, крайне важно провести дальнейшие исследования по выявлению всех аспектов английского академического письма.

Ключевые слова: академическое письмо, особенности, креативность, навыки письма.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 428

Поступила: 31.07.2019г.

Сдана на рецензию: 03.09.2019г.

Подписана к печати: 02.10.2019г.

ԵՐԻՏԱՍԱՐԴՆԵՐԻ ՄԱՍՆԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐԹԱԿՆԵՐԸ ՀՀ ԿՐԹԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

Մ. Կ. Գալստյան

*Կրթական հետազոտությունների և խորհրդատվությունների կենտրոն
marinagalstyan@e-research.am*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Կրթական համակարգում ձևավորված այս կամ այն ձևով գործող մասնակցության սխեմաները բովանդակային և կառուցվածքային լուրջ փոխակերպումների կարիք ունեն: Մինչ այժմ ներդրված տարբեր տիպի խորհուրդները՝ ուսանողական և աշակերտական, ծնողական, կառավարման, կրում են ձևական բնույթ կամ ծառայում են այլ կողմնակի նպատակների: Հետևաբար, նախ և առաջ պետք է խորությամբ ուսումնասիրել Հայաստանում առկա հանրային մասնակցության այն պրակտիկաները, որոնց արդյունավետության վերաբերյալ փաստեր կան և փորձել դրանք որպես այլընտրանքներ ներդնել ուսումնական հաստատություններում: Ընդ որում, պետք է ն՝ հետազոտության, և՛ մոդելների մշակման ընթացքում ակտիվ ներգրավել ինչպես ուսանողներին և աշակերտներին, այնպես էլ քաղաքացիական հասարակության ներկայացուցիչների փորձառությունը: Հոդվածում քննարկվում և ներկայացվում են երիտասարդների մասնակցության սխեմաները կրթական համակարգում:

Հիմնաբառեր՝ երիտասարդների մասնակցություն, երիտասարդների անկախություն, երիտասարդական քաղաքականություն, մասնակցության սխեմաներ:

Ներածություն

Քաղաքական գործընթացներում երիտասարդների մասնակցությունը որպես օրակարգային հարց հանրային դիսկուրսում հայտնվեց առավելապես կապված քաղաքական գործընթացներին երիտասարդների անտարբերության, անհաղորդության առնչությամբ: Ըստ հետազոտությունների՝ Եվրոպայում երիտասարդների մասնակցությունը քաղաքական կյանքին վերջին տարիներին կայուն նվազման միտում ունի:

Երիտասարդների քաղաքական մասնակցության կարևոր ցուցիչներից է իրենց՝ ընտրություններին մասնակցության ցուցանիշը: Պետք է նշել, որ երիտասարդները, որպես կանոն, ակտիվ մասնակցություն չեն ունենում թե՛ տեղական, թե՛ համապետական ընտրական գործընթացներում: Երիտասարդների շրջանում խիստ մեծ է արսենտիստների (ընտրություններին չմասնակցողների) տեսակարար կշիռը [1]: Միննույն ժամանակ, երիտասարդների մասնակցությունը՝ մասնավորապես քաղաքական մասնակցությունը իրենց սոցիալականացման փուլերից մեկն է, այսինքն՝ ոչ թե առանձին խնդիր է, այլ՝ գործընթաց: Հետաքրքրական է, որ երիտասարդական հետազոտությունների թիրախում է ոչ միայն երիտասարդների մասնակցության ցածր մակարդակը քաղաքական գործընթացներում, այլ հենց *երիտասարդների քաղաքական մասնակցությունը ինքնին իսկ* երիտասարդական քաղաքականության և երիտասարդական աշխատանքի կենտրոնում մասնակցության խթանումն է:

Առկա համատեքստը

Կրթության ոլորտում հանրային մասնակցության բնույթին անդրադառնալիս անհրաժեշտ է նկատի ունենալ այն համատեքստը, որը բնութագրական է մասնակցության ավանդույթին առհասարակ: Հետազոտությունները փաստում են, որ վերջին տարիներին Հայաստանում բավականին ցածր է եղել հասարակական մասնակցությունը որոշումների կայացմանը: Օրինակ՝ ՀՌԿԿ 2015թ. իրականացրած հանրային կարծիքի հետազոտության արդյունքների համաձայն՝ հարցման մասնակիցների 87%-ը ծանոթ չէ իր համայնքում ՏԻՄ-երի կողմից ընդունված որոշումներին: Նույն հետազոտության համաձայն՝ 91%-ը տեղյակ չէ իր համայնքի բյուջեի չափից: Հարցվածների 40%-ը նշել է, որ վերջին 6 ամսվա ընթացքում համայնքի ղեկավարը չի հանդիպել իր ընտրագանգվածի հետ, որպեսզի տեղեկացնի ՏԻՄ-ի որոշումների մասին¹: Հաշվի առնելով հետազոտության վաղեմությունը և 2018թ. ապրիլ-մայիս ամիսներին Հայաստանում տեղի ունեցած քաղաքական և քաղաքացիական իրադարձությունները, դրանցում հանրային մասնակցության ծավալները, աշխարհագրական և ոլորտային ծածկույթն ու արդյունքները՝ կարող ենք արձանագրել, որ այժմ հասարակությունը կարիք ունի վերաիմաստավորելու և վերագնահատելու մասնակցության գործընթացի նշանակությունը և դրա ազդեցության հնարավորությունը ինչպես սուբյեկտիվ ընկալման, այնպես էլ օբյեկտիվ իրականության վրա:

¹ Ընտրանքի ծավալը՝ 1500 տնային տնտեսություն, 540՝ Երևանում, 465՝ այլ քաղաքային և 495՝ գյուղական վայրերում: Մանրամասն տե՛ս՝ www.crrc.am:

Մասնակցության վերափոխմաստավորման և վերագնահատման իրական դրսևորումները առկա են կրթության ոլորտում՝ ուսանողական և այժմ արդեն դասախոսական ռեստարտ խմբեր, կրթական հարցերում միավորված քաղաքացիական նախաձեռնություններ: Նման նախաձեռնությունների ընդհանրացնող բնութագրիչները ինքնակազմակերպվածությունն ու որոշումների կայացմանը հաղորդակից լինելու և ազդելու հավակնությունը/նպատակադրումն են: Հետևապես, կարող ենք փաստել, որ Հայաստանում տարիներ շարունակ տևած հանրային պասիվությունը կուտակել է մեծ հասարակական ներուժ, ինչը ինքնաիրականացվում է նպաստավոր պայմանների դեպքում, այն է՝ մասնակցության միջոցով իրական փոփոխությունների հասնելու վստահությունը: Հայաստանում 2018թ. ապրիլ-մայիս ամիսներին տեղի ունեցած քաղաքական և քաղաքացիական իրադարձություններում լայնածավալ հանրային մասնակցությունը կարելի է բացատրել հենց այդ վստահության առկայությամբ և աստիճանական աճով: Հետաքրքրական է անդրադառնալ երիտասարդների մասնակցության հարթակներին կրթական համակարգում, քանի որ վերջին իրադարձություններում բարձր էր հենց նրանց ակտիվության մակարդակը:

Վերլուծության արդյունքները

Գալով կրթական համակարգ՝ նշենք, որ տարիներ շարունակ գոյություն ունեցող մասնակցության հարթակները՝ աշակերտական, ծնողական, կառավարման խորհուրդները հանրակրթական դպրոցում, ուսանողական և կառավարման խորհուրդները բուհերում, արդյունավետ չեն գործել հիմնականում դրանցում դրված իմաստից ելնելով՝ հանրային կասկածով/թերահավատությամբ պայմանավորված: Բազմաթիվ հետազոտություններ փաստում են, որ դրանք կա՛մ կրել են ֆորմալ բնույթ, կա՛մ շահարկվել են: Շահարկման սցենարները, ինչպես նաև դրանց վրա ազդող գործոնները տարբեր են [2]: Ավելին, կրթությունը դեռևս մասնակցային բաց համակարգ չէ: «... Հայկական դպրոցը, ինչպես նաև ընտանիքը գործում է հիմնականում ավտորիտար, ավանդույթների վրա հիմնված սկզբունքներով. կրթական համակարգը գործում է փակ հասարակարգի տրամաբանությամբ» [3]:

Ուսանողական խորհուրդներ՝ կուսակցական երիտասարդական թևի ձևավորման/քաղաքական, քաղաքացիական էլիտայի սերնդափոխության սցենար

Դեռևս խորհրդային տարիներից Հայաստանում ակտիվ ուսանողական հատվածը ներգրավվում էր ակտիվ կուսակցական գործընթացների մեջ: Առանձին հետազոտական հարց է՝ ինչով են պայմանավորված

ուսանողական խորհուրդների կուսակցականացումը, դրանից բխող ուսանողական խորհուրդների ձևավորման ոչ ժողովրդավարական գործընթացները, ինչի մասին փաստում են ուսանողները, կրթության մասնագետները, ինչպես նաև ուսանողական խորհուրդներին զուգահեռ ուսանողական ինքնակազմակերպվող խմբերի ձևավորումը²:

Այժմ ուսանողական ինքնակազմակերպման ակտիվ գործընթացներ են տեղի ունենում: Բացի ֆորմալ ուսանողական խորհուրդներից բուհերում ձևավորվել են ուսանողների ինքնակազմակերպված խմբեր, որոնք հիմնականում կրում են ՌԵՍՍՄՍՏ անունը: Հետաքրքրական է, որ առաջին փորձը արվեց ԵՊՀ ուսանողների կողմից՝ բաղկացած հիմնականում «Հանուն գիտության զարգացման»³ նախաձեռնության անդամներից: Այժմ գործում են մի շարք ուսանողական խմբեր տարբեր բուհերում՝ Ռեստարտ անվամբ: Մեկ այլ հետաքրքրական հանգամանք ուսանողական այս խմբերի մասին. այն է, որ այստեղ ներգրավված են նաև ՀԿ դաշտում ակտիվ երիտասարդներ: Այսինքն, ուսանողական ինքնակազմակերպման գործընթացում կա քաղաքացիական հասարակության ազդեցության բարձրացման միտում, ինչը կարող ենք տեսնել նաև աշակերտական խորհուրդներում: Հատկանշական է նաև քաղաքացիական շարժումներում երիտասարդների, ուսանողների շարունակական մասնակցությունը և ակտիվությունը, որը մի շարք դրսևորումներ է ստացել՝ շարժումների կազմակերպիչներ, ակտիվ մասնակիցներ, տեղեկատվության տարածողներ, հանրային համախմբողներ և այլն:

«Քաղաքացիական նախաձեռնությունների ժամանակ նոր ու հետաքրքիր երևույթներից մեկն էլ նշանների փոխանակությունն էր իրական ու վիրտուալ տարածքների միջև: Այս հնարքը գործունե ձևեր ստացավ հատկապես տրանսպորտի ուղեվարձերի դեմ նախաձեռնված շարժման ժամանակ: Առավել հետաքրքիրը վիրտուալ տարածքի նշանների տեղափոխումն էր իրական տարածք: Դա հետաքրքիր ազդեցություն ունեցավ հատկապես երիտասարդ ու պատանի սերնդի ներկայացուցիչների վրա: Ֆեյսբուքյան նշանները հարազատ ու ճանաչելի են այդ տարիքային

² Խմբային քննարկումներ ուսանողների հետ, հուլիս-օգոստոս 2018թ., հեղինակի անձնական հետազոտություն:

³ Ուշագրավ է, որ խումբը ձևավորվել է սկզբում միավորելով տարկետման համար պայքարող ուսանողներին և կրում է նույն անունը, որն ուներ 2004թ. ձևավորված նույնօրինակ ուսանողական շարժումը, որը պայքարում էր ՀՀ Զինապարտության մասին օրենքում փոփոխությունների դեմ: Հանուն գիտության զարգացման առաջին նախաձեռնող խմբի անդամ էին թավշյա հեղափոխության առաջնորդներից շատերը, ինչպես, օրինակ ՀՀ առաջին փոխվարչապետ Արարատ Միրզոյանը:

խմբերի համար: Եվ ասենք, օրինակ, տրանսպորտային ցույցերի ժամանակ այդ նշանների հայտնվելը կանգառներում կանգնած երիտասարդների պաստառներին կամ վերնաշապիկներին նպաստեց նրանց հանդեպ վերաբերմունքի բարյացակամության մեծացմանը հենց երիտասարդների ու պատանիների մեջ» [4]:

Աշակերտական խորհուրդներ՝ դպրոցի ժողովրդավարացման սցենար

Աշակերտական խորհուրդների և դպրոցական մյուս խորհուրդների գործունեությունը հստակեցվել է 2009թ. ընդունված «Հանրակրթության մասին» ՀՀ օրենքով: 2011թ. հաստատվել է նաև «ՀՀ հանրակրթական ուսումնական հաստատություն» ՊՈԱԿ-ի Աշակերտական խորհրդի օրինակելի կանոնադրությունը [5]: Աշակերտական խորհուրդներին կարող են անդամակցել 6-12-րդ դասարանների աշակերտները: Աշակերտական խորհուրդները ձևավորվում են ընտրությամբ: Ընտրության գործընթացի իմաստը և նշանակությունը դպրոցում ժողովրդավարական գործընթաց կազմակերպելը և աշակերտների ձայնը լսելի դարձնելն է: Այս տեսանկյունից փաստերը խոսում են դպրոցի ժողովրդավարացման ձախողման մասին, քանի որ հիմնականում աշակերտական խորհուրդների ընտրության վրա ազդեցություն են ունենում ուսուցիչները և/կամ վարչակազմը: Դա դրսևորվում է ընտրությունների արդյունքները կանխատեսելի և ցանկալի դարձնելուն ուղղված նրանց քայլերում՝ «առաջադրելով»՝ ուղղակի կամ անուղղակի, աշակերտական խորհրդի անդամների թեկնածուներ: Հիմնականում նրանց կողմից աջակցություն են ստանում բարձր առաջադիմություն ունեցող աշակերտները: Սա ևս ունի իր պատճառները: Տարիներ շարունակ աշակերտները դիտարկվում են որպես կրթական համակարգի «հաջողության ցուցանմուշներ» հատկապես արտադպրոցական հարթակներում, հետևաբար դպրոցի անձնակազմը, աշակերտական խորհուրդները դիտարկելով ոչ թե որպես ինքնակազմակերպման սխեմաներ, այլ՝ դպրոցում միջոցառումներ կազմակերպող օղակներ, «երաշխավորում են այդ միջոցառումներում դպրոցի լավագույնս հանդես գալը»: Տնօրինությունը և ուսուցիչները պետք է օժանդակեն աշակերտական խորհուրդների արդար ընտրությունների կայացմանը, սակայն հավասար պայմանների բացակայության գործոնը, աշակերտների հավաստմամբ, բացասական ազդեցություն է թողնում սովորողների՝ դպրոցի ինքնակառավարման մարմիններում ներգրավվելու մոտիվացիայի վրա [6]:

Կրթության ոլորտի փորձագետների հավաստմամբ աշակերտական խորհուրդների ընտրությունների ժամանակ երբեմն ի հայտ են գա-

լիս այն արատները, որոնք հատուկ են համապետական ընտրություններին՝ օրինակ, ընտրակաշառքներ:

Հայաստանի ուսումնական հաստատություններում աշակերտական խորհուրդների գործունեության շրջանակը չափազանց սահմանափակ է: Դպրոցներում աշակերտական խորհուրդների գործունեությունը գերազանցապես սահմանափակվում է մշակութային միջոցառումների կազմակերպմամբ: Աշակերտական խորհուրդները, որպես կանոն, չեն օգտագործում իրենց խորհրդատվական ձայնը դպրոցի խորհուրդներում, չափազանց պասիվ են դպրոցի ներքին կյանքը կանոնավորող նորմերի մշակման կամ գործադրման հարցում, գործնականում չեն ներկայացնում ու պաշտպանում աշակերտների շահերը և իրավունքները: Հազվադեպ է աշակերտական խորհուրդների ներգրավումը համայնքային խնդիրների լուծման գործընթացում [7]:

Աշակերտական խորհուրդների գործունեության վրա ազդող դրական գործոն է դպրոցի և որևէ ՀԿ-ի համագործակցությունը: ՀԿ-ն հանդիսանում է այն աջակից կառույցը, որի միջոցով աշակերտներին փոխանցվում են գիտելիքներ ժողովրդավարության մասին, ներդրվում են ժողովրդավարական պրակտիկաներ, ինչն իր հերթին նպաստում է աշակերտական խորհուրդների գործունեության բարելավմանը:

Քաղաքականության փոփոխության հնարավոր տարբերակները

Ներկայացնելով աշակերտական և ուսանողական խորհուրդների ձևավորման ակունքներում և գործունեության մեջ առկա բովանդակային ու կազմակերպչական խնդիրները՝ կողմնակից չենք այդ խորհուրդների՝ որպես մասնակցության մեխանիզմների վերացմանը: Առաջարկում ենք մշակել և ներդնել կրթական համակարգի բոլոր մակարդակներում մասնակցության այլընտրանքային սխեմաներ: Ամեննին չհավակնելով անդրադառնալու այլընտրանքային սխեմաների բոլոր հնարավոր տարբերակներին՝ ներկայացնենք խորհուրդների զարգացման մեր սցենարները:

Ուսանողական խորհուրդներ՝ երիտասարդական աշխատանքի ինստիտուտի զարգացման սցենար

Երիտասարդական աշխատանքը սոցիալական, մշակութային, կրթական կամ քաղաքական բնույթի գործողությունների ընդհանրական արտահայտումն է, որը տարվում է երիտասարդների հետ և նրանց համար: Երիտասարդական աշխատանքի հիմնական նպատակը երիտասարդներին հնարավորություն ընձեռելն է ձևավորել իրենց ապագան [8]:

Այս տեսանկյունից ուսանողական խորհուրդները կարող են վերածվել երիտասարդների հետ աշխատող կառույցների՝ տրանսֆորմացվելով ինչպես բովանդակությամբ, այնպես էլ կազմակերպական

ձևով: Հետևաբար, անհրաժեշտ է փոխել ուսանողական խորհուրդների փիլիսոփայությունը՝

-Բուհերի ուսանողական խորհուրդների կանոնադրությունները պետք է մշակվեն երիտասարդների ակտիվ մասնակցությամբ՝ հիմք ընդունելով ուսանողների այն առաջնային կարիքները, որոնց ուղղված և որոնց շուրջը պետք է գործեն այդ խորհուրդները:

-Բուհերում կարող են ձևավորվել ուսանողական ինքնակազմակերպվող մի քանի խումբ միաժամանակ:

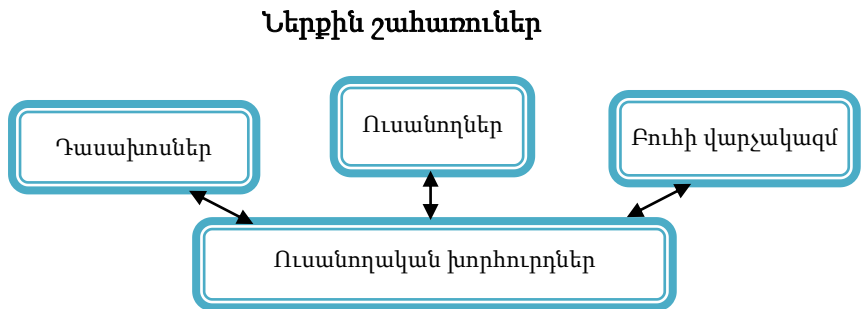
-Ուսանողական խորհրդի դերը կարող է դառնալ այդ խմբերի համակարգումը և ուսանողների հետ տարվող աշխատանքների համար մեթոդաբանական հենքի ապահովումը, ինչպես նաև ուսանողության՝ որպես խմբի շահերի պաշտպանությունը:

-Կրթական տարբեր ՀԿ-ներ կարող են աջակցություն տրամադրել ուսանողական խորհուրդներին մեթոդաբանական այդ հենքի ուժեղացման համար:

-Ուսանողական խորհուրդների գործունեության իրականացումը երիտասարդական աշխատանքի սկզբունքների և մոտեցումների հիման վրա ստեղծում է հնարավորություն ֆորմալ կրթական համակարգում ունենալ ոչ ֆորմալ կրթության տարրեր, քանի որ երիտասարդական աշխատանքի մեթոդաբանության մեջ մեծ է ոչ ֆորմալ կրթության մասնաբաժինը:

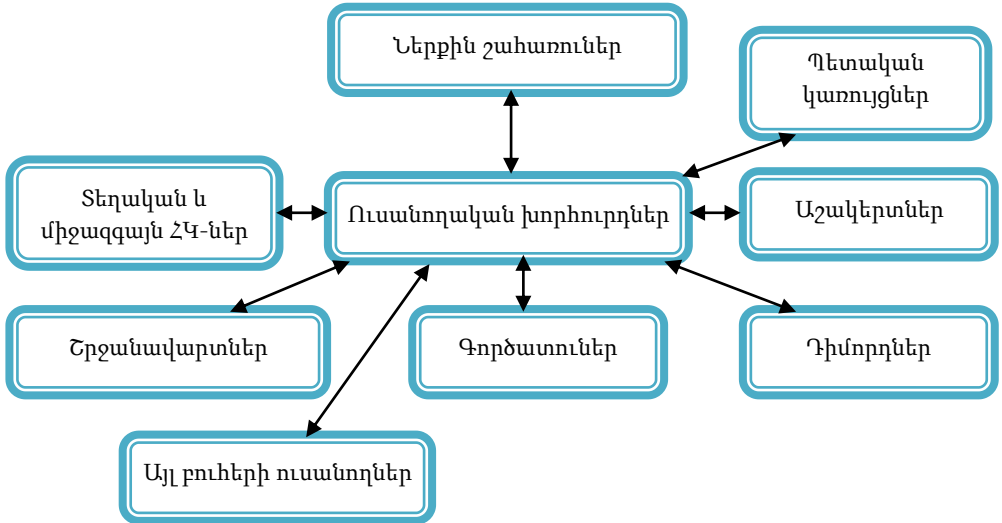
Առաջարկում ենք ուսանողական խորհուրդների հաղորդակցության շրջանակը ընդլայնել՝ ներառելով արտաքին շահառուների (Տե՛ս գծապատկերները):

Գծապատկեր 1. Ուսանողական խորհուրդների հաղորդակցության առկա շրջանակը

Գծապատկեր 2. Ուսանողական խորհուրդների հաղորդակցության ընդլայնված շրջանակ

Արտաքին շահառուներ

Աշակերտական խորհուրդներ՝ կամավորական աշխատանքի զարգացման սցենար

Կամավորությունը ենթադրում է այնպիսի գործողություններ, որոնք ազատ կամքի դրսևորում են, նպաստում են հանրային շահին. այն դրամական փոխհատուցումը մոտիվացնող առանցքային գործոնը չէ [9]:

Հետազոտությունները ցույց են տալիս, որ կա կապ կամավորական աշխատանքների և հանրային մասնակցության միջև: Այսպես, համաձայն 2016թ. երիտասարդական ուսումնասիրության տվյալների՝ տեղի համայնքում հանրային աշխատանքներ իրականացնելու և սպորտային իրադարձություններ կազմակերպելու գործընթացներում կամավորական հիմունքներով ընդգրկված են հիմնականում դպրոցական տարիքի երիտասարդները [10]:

Կամավորությունը հաճախ համարվում է մասնակցության ինտենսիվության վերջնական ուղղություն [11]:

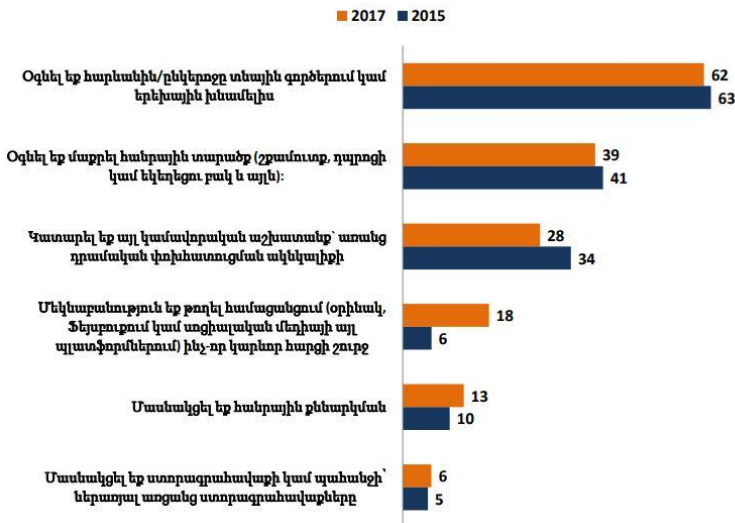
Չնայած կամավորության որոշակիորեն կայացած ավանդույթին՝ Հայաստանում կամավորության ներկա պատկերն ուսումնասիրող համազգային հետազոտություն դեռևս չի արվել: Այնուամենայնիվ, կատարված որոշ ուսումնասիրությունների համաձայն՝ կարելի է եզրակացնել,

որ կամավորությունը Հայաստանում կրում է հիմնականում ոչ ֆորմալ բնույթ: Ըստ 2014թ. CIVICUS տվյալների՝ Հայաստանի բնակչության 14%-ը ներգրավված է եղել կամավորական աշխատանքներում:

Երիտասարդների կողմից իրականացված կամավորական աշխատանքների մասին ևս քիչ են տվյալները: Կովկասյան բարոմետրի տվյալների վերլուծության միջոցով պարզ է դառնում, որ առկա է ուղիղ կապ տարիքի և կամավորական աշխատանք կատարելու միջև: Մակայն տվյալները փաստում են, որ չնայած մեծ տարիքային խմբում գտնվող մարդիկ ավելի քիչ են ներգրավված կամավորական աշխատանքներում, սակայն ավելի երիտասարդները ավելի շատ ներգրավված չեն: Ըստ Կովկասյան բարոմետրի տվյալների՝ 2017թ. կամավորական աշխատանքներ կատարելու տոկոսը նվազել է 2015թ. համեմատ [12]:

Գծապատկեր 3. Ո՞ր գործողություններն են կատարել վերջին վեց ամսվա ընթացքում, Կովկասյան բարոմետր, 2015, 2017թթ:

Q1. Ո՞ր գործողություններն են կատարել վերջին 6 ամսում

Ըստ 15–29 տարիքային խմբի երիտասարդների շրջանում 2016թ. իրականացված հարցման տվյալների՝ երիտասարդների միայն 16,9%-ն է վերջին 12 ամիսներին կամավոր կերպով իրականացրել չվճարվող կամավորական աշխատանք:

Հարցմանը նախորդող 12 ամիսների ընթացքում երիտասարդների կողմից իրականացված կամավորական աշխատանքներն ուղղված են

եղել սովորելու հարցում հասակակցին օգնելուն (22,6%), կարիքավոր մարդկանց օգնելուն (21,7%), տեղի համայնքում հանրային աշխատանքներ իրականացնելուն (16,7%), ուսուցանմանը (10,9%), մշակութային իրադարձություններ կազմակերպելուն (10,0%), սպորտային իրադարձություններ կազմակերպելուն (7,0%), ՀԿ գործունեությանը (6,7%) [13]:

Այսպիսով, ըստ երիտասարդների շրջանում իրականացված հետազոտության արդյունքների՝ երիտասարդության փոքր հատվածն է ընդգրկված հասարակական/կամավորական գործունեության մեջ, իսկ ընդգրկվածների մի սովոր զանգվածի համար կամավորական աշխատանք իրականացնելու պատճառներն առավել ռացիոնալ բնույթ ունեն (ընդգծելով զբաղված լինելու, մասնագիտական գիտելիքներ կիրառելու, նոր ընկերներ ձեռք բերելու և հնարավոր գործատուների հետ հանդիպելու ցանկությունը) և հազվադեպ են պայմանավորված այլոց օգնելու մտադրությամբ: Մյուս կողմից հարկ է ընդգծել կամավորության ինստիտուտի ներդրման ֆորմալ մեխանիզմների բացակայության խնդիրը: Մասնավորապես՝ կամավորական աշխատանքի ամբողջական կարգավորումը բացակայում է ՀՀ օրենսդրությամբ, ուստի իրավական բացթողումները, ընդհանրական չափանիշների բացակայությունը տեղիք են տալիս կամավորականության վերաբերյալ տարաբնույթ մեկնաբանությունների:

Այս տեսանկյունից անհրաժեշտ է փոքր տարիքից սկսել ձևավորել կամավորական գործունեության նկատմամբ համապատասխան վերաբերմունք և դիրքորոշում, քանի որ այժմ դեռ տարերային կերպով են ձևավորվել և հակասական են կամավորության վերաբերյալ Հայաստանի բնակչության ընկալումներն ու վերաբերմունքը:

Աշակերտական խորհուրդները կարող են ձեռք բերել լուրջ դերակատարություն վաղ տարիքից սկսած կամավորական աշխատանքի նկատմամբ համապատասխան հանրային ընկալում զարգացնելու հարցում:

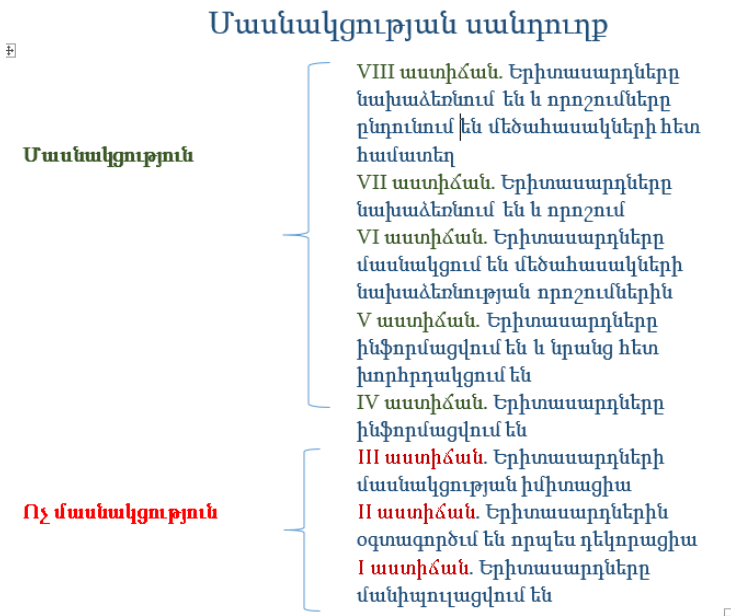
Այս իմաստով կարևոր դերակատարում կարող են ունենալ դպրոցների «հասարակագիտություն» առարկա դասավանդող ուսուցիչները, սովորողների դաստիարակչական աշխատանքների կազմակերպիչները, ինչպես նաև դպրոցների հետ աշխատող ՀԿ-ները: Ընդ որում, Հայաստանում արդեն ձևավորված ավանդույթ կա ՀԿ-դպրոց համագործակցության հենց կամավորական աշխատանքների իրականացման, հասարակագիտության ուսուցիչների կարողությունների զարգացման համատեքստում: Անհրաժեշտություն կա պահելու և զարգացնելու այդ ավանդույթը՝ աշակերտների շրջանում կամավորական աշխատանքների կա-

տարման ուղղությամբ: Օրինակ, ՄԻՎԻՏԱՍ ՀԿ-ն մի քանի տարի շարունակ իրականացնում է հասարակագիտության ուսուցիչների վերապատրաստում:

Հետևաբար աշակերտական խորհուրդների փիլիսոփայությունը ևս պետք է փոխել՝

- դպրոցներում պետք է ձևավորել կամավորական խմբեր,
- կամավորական խմբերի աշխատանքներում պետք է հատուկ ուշադրություն դարձնել և խրախուսել աշակերտների միջև փոխօգնությանը,
- աշակերտների և ուսուցիչների միջև համագործակցային հարաբերությունների զարգացման, ինչպես նաև միջտերնդային համերաշխության խրախուսման նպատակով պետք է խրախուսել աշակերտների և ուսուցիչների համատեղ միջոցառումների կազմակերպումը և իրականացումը,
- խրախուսել աշակերտների նախաձեռնությունները, սակայն դրանց կազմակերպման և իրականացման ժամանակ ձևավորել համատեղ քննարկումների վրա հիմնված որոշումների ընդունման ավանդույթ, ինչը երիտասարդական մասնակցության բարձր մակարդակ կապահովի:

Գծապատկեր 4. Մասնակցության սանդուղք

Adapted from Hart, R. (1992). Children's Participation from Tokenism to Citizenship. Florence: UNICEF Innocenti Research Centre, as cited in www.freechild.org/ladder.htm

Առաջարկում ենք նաև փոխել կրթության բովանդակությունը, մասնավորապես հասարակագիտական առարկաների (պատմություն, աշխարհագրություն, գրականություն, հասարակագիտություն), որոնց շրջանակներում աշակերտներին փոխանցվում են ժողովրդավարական գիտելիքներ և հմտություններ:

Միջազգային փորձը ևս ցույց է տալիս, որ դպրոցում կամավորական աշխատանքը կարող է նպաստել աշակերտների միջև փոխօգնության մշակույթի ձևավորմանը, ինչպես նաև կրթության որակի բարձրացմանը: Օրինակ, Գերմանիայի Սաքսոնիա Անհալթ երկրամասի որոշ դպրոցներում գործում է «աշակերտները օգնում են աշակերտներին» մեխանիզմը, ըստ որի բարձր դասարանի աշակերտները կամավորական հիմունքներով դասավանդում են ցածր դասարանի աշակերտներին՝ լրացուցիչ դասաժամեր իրականացնելով վերջիններիս համար: Ըստ դպրոցների ներկայացուցիչների և աշակերտների՝ այդ գործընթացը օգտակար է լինում ինչպես լրացուցիչ դասաժամերին մասնակցող ցածր դասարանի աշակերտների համար, այնպես էլ այդ ժամերը դասավանդող բարձր դասարանի աշակերտների համար՝ նպաստելով նրանց ունեցած գիտելիքի ամրապնդմանը⁴:

Հայաստանում ևս հնարավոր է աշակերտական խորհուրդները սնել նոր բովանդակությամբ՝ դարձնելով դրանք աշակերտների կողմից կամավորական աշխատանքների նախաձեռնության և համակարգման մեխանիզմ: Ընդ որում, մասնակցության առավելագույն աստիճանի հավակնելու հնարավորություն ևս ունի այս մեխանիզմը՝ կամավորական աշխատանքների նախաձեռնությունը հնարավոր է իրականացնել մեծահասակների՝ ծնողների և ուսուցիչների հետ համատեղ (Հավելված. Մասնակցության սանդուղք):

Եզրակացություններ և առաջարկություններ

Ներկայացնենք վերլուծության հիմնական եզրակացությունները և առաջարկները՝ ուղղված հիմնականում ՀՀ կրթության և գիտության նախարարությանը, հանրակրթական դպրոցներին, կրթության, երիտասարդության և երեխաների պաշտպանության ոլորտում ներգրավված քաղաքացիական հասարակության կառույցներին, ինչպես նաև ոլորտի հետազոտողներին և փորձագետներին:

⁴ Կրթական քաղաքացիական նախաձեռնություն, ուսումնական այց Գերմանիայի Սաքսոնիա Անհալթ երկրամաս, սեպտեմբեր, 2018թ., հեղինակի անձնական դիտարկումներ

Եզրակացություն 1. կրթական համակարգում ձևավորված այս կամ այն ձևով գործող մասնակցության սխեմաները բովանդակային և կառուցվածքային լուրջ փոխակերպումների կարիք ունեն:

Առաջարկություն 1.1. ուսանողական խորհուրդները կարող են վերածվել երիտասարդների հետ աշխատող կառույցների՝ տրանսֆորմացվելով ինչպես բովանդակությամբ, այնպես էլ կազմակերպական ձևով՝ ուսանողների զարգացման, շահերի պաշտպանության գործառույթների շեշտադրմամբ:

Առաջարկություն 1.2. աշակերտական խորհուրդները կարող են կատարել լուրջ դերակատարություն՝ վաղ տարիքից սկսած զարգացնելով կամավորական աշխատանքի նկատմամբ համապատասխան հանրային ընկալում:

Եզրակացություն 2. մինչ այժմ ներդրված տարբեր տիպի խորհուրդները՝ ուսանողական և աշակերտական, կրում են ձևական բնույթ կամ ծառայում են կողմնակի նպատակների համար՝ պայմանավորված նաև խորհուրդների վերաբերյալ տեղեկացվածության պակասով:

Առաջարկություն 2.1. ուսանողական խորհուրդները կարող են նպաստել ֆորմալ և ոչ ֆորմալ կրթության սիներգիային:

Առաջարկություն 2.2. աշակերտական խորհուրդները կարող են հարթակ հանդիսանալ աշակերտների համար ձեռք բերելու կամավորական աշխատանքի փորձառություն:

Առաջարկություն 2.3. անհրաժեշտ է աշակերտների և ուսանողների շրջանում ակտիվ իրազեկման, քարոզչական նյութերի, խորհրդատվության տրամադրման, փորձի փոխանակման հանդիպումների կազմակերպման աշխատանքներ կատարել:

Եզրակացություն 3. այժմ ուսանողական ինքնակազմակերպման ակտիվ գործընթացներ են տեղի ունենում: Բացի ֆորմալ ուսանողական խորհուրդներից բուհերում ձևավորվել են ուսանողների ինքնակազմակերպված խմբեր:

Առաջարկություն 3.1. պետք է խորությամբ ուսումնասիրել հանրային մասնակցության առկա պրակտիկաները, որոնց արդյունավետության վերաբերյալ փաստեր կան և փորձել դրանք որպես այլընտրանքներ ներդնել ուսումնական հաստատություններում:

Առաջարկություն 3.2. անհրաժեշտ է ուսանողական ակտիվ նախաձեռնողական խմբերի միջև փորձի փոխանակման հանդիպումներ իրականացնել:

Եզրակացություն 4. աշակերտական խորհուրդների գործունեության վրա ազդող գործոն է դպրոցի և որևէ ՀԿ-ի համագործակցությունը:

ՀԿ-ն այն աջակից կառույցն է, որի միջոցով աշակերտներին փոխանցվում են ժողովրդավարական գիտելիքներ և հմտություններ, ինչն իր հերթին նպաստում է աշակերտական խորհուրդների նպատակային գործունեությանը: Այս միտումը տեսանելի է նաև ուսանողական ինքնակազմակերպման արդի գործընթացներում:

Առաջարկություն 4. կարիք կա մասնակցության վերաբերյալ հետազոտական ծրագրերի և մասնակցության մոդելների մշակման ընթացքում ակտիվորեն ներգրավել ինչպես ուսանողներին և աշակերտներին, այնպես էլ քաղաքացիական հասարակության ներկայացուցիչներին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Quintelier E.*, Differences in political participation between young and old people, *Contemporary Politics*, Volume 13, Number 2, June 2007.
2. Աշակերտական խորհուրդների գործունեությունը Հայաստանում. քաղաքականության վերլուծություն, Վիգեն Շիրվանյան, Եր., 2013:
3. Մարդկային Զարգացման Ազգային Զեկույց 2006:
4. Քաղաքացիական նախաձեռնությունները և նոր տեխնոլոգիաները Հայաստանում, Աղասի Թաղևոսյան, Եր., 2013թ. http://www.osf.am/wp-content/uploads/2014/05/Aghasi_Tadevosyan_Policy_Paper.pdf [29.09.2018թ.]
5. ՀՀ Կրթության և գիտության նախարարի հրաման № 571-Ն հրաման առ 17 մայիսի 2011 թ, <http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=69283> [20.09.2018թ.]
6. *Մաթոսյան Տ.*, Գալստյան Մ., Ժողովրդավարական կրթությունը Հայաստանում. իրավիճակի վերլուծություն, 2015թ., ՍԻՎԻՏԱՍ ՀԿ:
7. Նույն տեղում:
8. *Lauritzen P.* Defining youth work. Internal working paper, Council of Europe, Strasbourg. (2006).
9. UNGA. Recommendations on support for volunteering: Resolution adopted by the General Assembly at the fifty-sixth session, Pub. L. No. United Nations General Assembly A/RES/56/38 (2002).
10. Անկախության սերունդ, Ֆ. Էբերտ հիմնադրամ, 2016թ.:
11. Participation in volunteering: What helps and hinders, Deliverable 3.1 of the project: “Impact of the third sector as Social Innovation” (ITSSOIN), European Commission –7th Framework Programme, 22 December 2014.
12. Կովկասյան բարոմետր (ԿԲ) 2017 Հարավկովկասյան երկրներում քաղաքական, սոցիալական և տնտեսական զարգացումների հանրային ընկալումը (2017թ. նոյեմբերի դրությամբ) 19 դեկտեմբեր, 2017թ. Եր., http://www.crc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ARM_presentation_final.pdf
13. Անկախության սերունդ, Երիտասարդական ուսումնասիրություն, Ֆ. Էբերտ հիմնադրամ, 2016թ, Եր:

ПЛАТФОРМЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ АРМЕНИИ

М.К. Галстян

АННОТАЦИЯ

Участие молодежи в политических процессах, как проблема публичного дискурса, возникло главным образом в связи с безразличием и отсутствием общения и участия молодежи в политических процессах. Согласно европейским исследованиям, участие молодежи в политической жизни в последние годы неуклонно снижается. Заметным показателем участия/неучастия молодежи в политической жизни является их вовлеченность в выборы. Следует отметить, что молодые люди, как правило, не принимают активного участия как в местных, так и в общенациональных выборах. Доля отсутствующих (не избирателей) среди молодежи очень высока. В то же время участие молодежи, в частности, вовлеченность в политическую жизнь, является одним из этапов социализации молодежи, то есть это не отдельный вопрос, а процесс. Интересно, что исследования по вопросам молодежи направлены не только на низкий уровень участия молодежи в политических процессах, но и на само участие молодежи в политической жизни, а также на концентрацию молодежной политики и молодежной работы.

Говоря о характере участия общественности в образовании в Армении, следует учитывать контекст, характерный для традиций участия в целом. Исследования показывают, что в последние годы участие общественности в принятии решений в Армении было довольно низким.

Учитывая политические и гражданские события в Армении в апреле-мае 2018 года, объемы участия общественности, географический и отраслевой охват и результаты, мы можем констатировать, что теперь общество должно переосмыслить и переоценить значимость процесса участия молодежи и его влияние как субъективное восприятие, так и как воздействие объективной реальности. Реальные проявления переосмысления и переоценки этого участия присутствуют в секторе образования, когда студенты, а теперь и лекторы, перезапускают группы, гражданские инициативы объединяются в сфере образования. Характеристики, которыми обусловлены подобные инициативы, – это тенденция к самоорганизации, а также стремление к влиянию и возможность принятия решений. Следовательно, мы можем констатировать, что бездействие общественности, которое сохранялось в Армении в течение многих лет, накопило значительный социальный потенциал, который реализуется в благоприятных условиях, то есть появилась уверенность в достижении реальных изменений посредством участия молодежных групп. Широкое участие общественности в политических и гражданских событиях Армении апреля-мая 2018 года можно объяснить этой уверенностью и постепенным ростом сознания. Достаточно

сослаться на сформированные в системе образования «платформы» участия молодежи, поскольку их уровень активности был высоким в процессе вышеуказанных событий.

Схемы участия, созданные в системе образования, требуют серьезных структурных преобразований. До сих пор различные виды советов – учеников, студентов и т.п., носили формальный характер или служили иным целям. Поэтому, прежде всего, необходимо подробно изучить практику участия общественности в Армении, которая имеет подтверждение их эффективности, и попытаться представить ее в качестве альтернативы образовательным учреждениям. В то же время и сами студенты, и представители гражданского общества должны активно участвовать в исследованиях и разработках моделей участия. В данной статье рассматриваются и представляются в системе образования схемы участия молодежи.

До настоящего времени различные типы предоставляемых советов (ученик и студентов) носили формальный характер или служили для внешних целей, в частности, из-за недостаточной осведомленности о совете. Как известно, еще с советских времен активный студенческий сектор в Армении был всегда вовлечен в активные партийные процессы. Отдельным исследовательским вопросом является методы членства студенческих партий, недемократические процессы формирования студенческих советов, о чем свидетельствуют представители студенчества, а также специалисты в области образования, и дальнейшее формирование, наряду со студенческими советами, самоорганизующихся студенческих групп.

Сейчас идут активные процессы самоорганизации студентов. В дополнение к официальным студенческим советам в вузах были созданы самоорганизующиеся группы студентов, которые обычно называются “RESTART”

Сфера деятельности студенческих советов в армянских школах очень ограничена. Деятельность студенческих советов в школах в значительной степени ограничивается организацией культурных мероприятий. Студенческие советы, как правило, не используют свой консультативный голос в школьных советах, слишком пассивны в разработке или применении внутренних школьных правил, практически не представляют и не защищают интересы и права учащихся. Участие студенческих советов в процессе решения общественных проблем встречается крайне редко.

Положительным фактором, влияющим на работу студенческих советов, является сотрудничество школы и любой неправительственной организации. Неправительственная организация является вспомогательным органом, посредством которого студенты получают информацию о демократическом правлении, внедряются демократические практики, что, в свою очередь, способствует улучшению работы студенческих советов.

Представляя содержание и организационные вопросы, используемые в организации и деятельности по формированию школь-

ных и студенческих советов, мы не поддерживаем идею ликвидации этих советов как механизмов участия. Мы предлагаем разработать и внедрить альтернативные схемы участия на всех уровнях системы образования. Даже не делая вид, что ссылаемся на все возможные альтернативы уже существующих схем, мы представляем наш сценарий дальнейшего развития.

Несмотря на довольно устоявшуюся традицию волонтерства, общенациональный обзор реальной картины волонтерства в Армении еще не проводился. Однако, согласно некоторым исследованиям, можно сделать вывод, что волонтерство в Армении в основном является неформальным. С этой точки зрения, необходимо начинать развивать среди молодежи интерес к волонтерской деятельности с раннего возраста, так как восприятие и отношение армянского населения к волонтерству все еще находится на стадии формирования. Студенческие советы в школах могут сыграть значительную роль в формировании надлежащего общественного восприятия волонтерской работы. Важную роль в этом могут сыграть и преподаватели предмета «Обществознание» в школах, организаторы воспитательной работы учащихся, а также общественные организации, тесно работающие со школами.

В Армении также можно «наполнить» студенческие советы новым содержанием, сделав их механизмом волонтерской работы и координации со стороны студентов. В то же время подобный механизм также может претендовать на высшую степень участия: волонтерская работа может быть инициирована совместно взрослыми, родителями и учителями.

Молодежная работа является общим выражением социальной, культурной, образовательной или политической деятельности, осуществляемых с молодежью и для молодежи. Основная цель молодежной работы – дать молодым людям возможность самим формировать свое будущее. С этой точки зрения, студенческие советы могут быть преобразованы в структуры молодежной работы как по содержанию, так и по организационной форме.

- Устав студенческих советов университетов должен разрабатываться при активном участии молодежи – с учетом основных потребностей студентов, с которыми должны работать эти советы и с которыми они должны взаимодействовать.
- Университеты могут образовывать несколько самоорганизующихся студенческих групп одновременно.
- Роль студенческого совета может заключаться в координации этих групп и обеспечении методологической базы для работы со студентами, а также в защите интересов студента в группе.
- Различные образовательные НПО могут оказывать поддержку студенческим советам в укреплении этой методологической базы.
- Реализация студенческих советов, основанных на принципах и подходах молодежной работы, создает возможность иметь

элементы неформального образования в системе формального образования, поскольку доля неформального образования в методологии молодежной работы довольно высока.

Мы предлагаем расширить сферу общения студенческого совета с привлечением внешних заинтересованных сторон: работодатели, другие вузы, выпускники.

Ключевые слова: участие молодежи, независимость молодежи, молодежная политика, платформы участия.

IN ARMENIAN EDUCATIONAL SYSTEM

M. Galstyan

ABSTRACT

The participation schemes set up in the education system call for serious structural transformations. To date various types of boards (students, pupils) have been formal or have served other purposes. Therefore, it is first of all necessary to conduct an in-depth examination of the practices of public participation in Armenia that have evidence of their effectiveness and try to introduce them as alternatives to educational institutions. At the same time, pupils and students as well as civil society representatives should be actively involved in research and participation model development. The article discusses and presents youth participation schemes in the education system.

Keywords: youth participation, youth independence, youth policy, participation platforms.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авагян Г.А. – к.э.н., доцент кафедры Макроэкономики АГЭУ

Авакян М.Э. – к.филол.н., доцент, гл.специалист Департамента науки РАУ

Аветисян А.Г. – к.э.н, и.о. доцента кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ

Варданян К.Дж. – к.э.н., доцент кафедры Макроэкономики АГЭУ

Галстян М.К. – соискатель факультета социологии ЕГУ, директор и основатель Центра по образовательным исследованиям и консультации

Давтян А.М. – соискатель кафедры Гражданского права и гражданско-го процессуального прав РАУ

Давтян – В.С. д.п.н., доцент, преподаватель кафедры Политологии РАУ

Дарбинян Э.Т. – аспирант кафедры Политологии РАУ

Дерягин А.Ю. – аспирант кафедры Журналистики РАУ

Дунамалян Н.А. – к.п.н., ст. преподаватель кафедры Политологии РАУ

Есяян М.С. – старший преподаватель кафедры Теории языка и межкультурной коммуникации РАУ

Манукян А.В. – аспирант кафедры Прикладной психологии Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна

Оганесян А.С. – к.э.н., доцент, исследователь кафедры Макроэкономики АГЭУ

Петросян В.А. – аспирант кафедры Международного и Европейского права РАУ

Саргсян А.А. – соискатель кафедры Уголовного права РАУ

Саргсян Д.О. – студент 4-го курса кафедры Политологии РАУ

Тадевосян Ж.А. – аспирант кафедры Политологии РАУ

Тигранян В.И. - к.э.н., и.о. доцента кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода, ассистент кафедры Макроэкономики АГЭУ

Хачикян С.Р. – аспирант кафедры Политологии РАУ

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Политология

- Давтян В.С., Хачикян С.Р.** Институционально-правовые основы международного режима нераспространения ядерного оружия и развития «мирного атома».....5
- Дунамалян Н.А., Саргсян Д.О.** Протестные движения в Армении (1988–2018гг.)16
- Тадевосян Ж.А.** Дискурс национальной идентичности в эпоху глобализации25
- Дарбинян Э.Т.** Опыт армиестроительства зарубежных стран в контексте становления системы нация-армия в Республике Армения (опыт Израиля).....35

Юриспруденция

- Манукян А.В.** Интеграция медиации в гражданское судопроизводство РА45
- Саргсян А.А.** Некоторые аспекты реализации и совершенствования поощрительной нормы о деятельном раскаянии по УК РА и РФ.....54
- Դավթյան Ա.Ս.** Մնանկության վարույթի կատեգորի գործի քննության անհնարիւնության դեպքում67
- Петросян В.А.** Репродуктивные права женщин и гендерное равенство в международном праве.....80

Экономика

- Ավետիսյան Ա.Գ.** Հանրարդյունաբերության ոլորտը Հայաստանում. վիճակագրական ակնարկ.....90
- Оганесян А.С., Варданян К.Дж., Авагян Г.А., Тигранян В.И.** Анализ изменения позиции РА в индексе глобальной конкурентоспособности103

Журналистика

Авакян М.Э. Новые формы современной журналистики:
культура языка современных СМИ 110

Дерягин А.Ю. Современное состояние и тенденции развития жанров
телевизионной журналистики 116

Лингвистика

Esayan M. The Relevance of teaching English Academic Writing 122

Проблемы образования

Փալատյան Մ.Կ. Երիտասարդների մասնակցության հարթակները
ՀՀ կրթական համակարգում 127

Сведения об авторах..... 145

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян

Редактор – Ш.Г. Мелик-Адамян

Корректор – Н.И. Маргарян

Компьютерная верстка – А.С. Бжикян

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

*0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел/факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com*

Заказ № 24

Подписано к печати 15.04.2020г.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Объем усл. 9,6 п.л. Тираж 100 экз.